

The background of the cover is a dramatic, dark blue and black illustration of a stormy sea. A small, dark boat with several figures is visible in the lower left corner, struggling against the waves. The overall mood is intense and perilous.

Вячеслав Губанов

Робкий Лев

Подзаголовок

18+

Вячеслав Губанов

Робкий Лев

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24725683

SelfPub; 2021

Аннотация

Пятидесятилетний Роман Борей не может приспособиться к зарождающимся в России капиталистическим отношениям, сменившим привычный социализм с его коллективными отношениями, и к 2002 году оказывается на дне жизни. Он снова устраивается на работу, старается изо всех сил, но руководители относятся к нему враждебно из-за страха потерять своё место. Понимая, что ему нужен более сильный и бесстрашный характер, Роман заставляет себя совершать поступки, которые раньше казались невыполнимыми, а недостающие качества он заимствует у своих врагов. И его жизнь меняется до неузнаваемости!

Вячеслав Губанов

Робкий Лев

Книга первая

Предисловие

*Измени свое мнение о тех вещах,
которые тебя огорчают, и ты будешь
в полной безопасности от них.*

Марк Аврелий

Как сильно изменился век,
А вместе с ним и человек!
Пришли обычаи чужие
И, беды причинив большие,

Остались властвовать тогда...
Как знать, быть может, навсегда —
Устали мы от революций,
Гражданских войн и контрибуций,

Бандитских денежных реформ,
Зарплат, что только на прокорм,

Пустых прилавков, цен растущих,
Финансов, из страны бегущих.

Сменив отживший атавизм,
В страну явился «новый русский»,
И мал ему костюмчик узкий,
Что выдал тоталитаризм.

Какой же русский не мечтал
Идти с Евросоюзом в ногу...
И только кризис помешал
Нам стать Европой... Слава Богу!

Пришлось бы дорого платить
За европейские круизы,
Цена – мечта в комфорте жить
И ненависть к своей отчизне.

Нам не впервой дела вершить,
После падений поднимаясь,
И, в офисах совокупляясь,
Мы снова начинаем жить,

Чтоб возродились жизнью новой
Отцов привычки и дела
И стали прочною основой

Для новых взлётов ремесла.

И перемены час настал,
Всё одолев, страна в кураже,
И появились персонажи...
Советский мир таких не знал.

Глава 1. Трудоустройство

*И я в чины бы лез, да неудачи встретил,
Как, может быть, никто и никогда;
А. Грибоедов. Горе от ума*

1

Любой нормальный человек,
Не избалованный судьбою,
Кто вынужден в свой краткий век
Располагать самим собою,

Кто не из тех пустых юнцов,
Чья жизнь – единственное средство
Растратить капитал отцов,
Доставшийся ему в наследство, —

Стремясь вполне достойно жить,
Ходить обязан на работу,

Чтоб, отработав, получить
Скупую денежную квоту.

И даже властный олигарх —
Тот, что богат (и даже слишком!),
И то с работою в ладах,
Он с ней знаком не понаслышке.

Способен лишь пенсионер
Совсем не думать о работе...
Вот только пенсии размер...
Прервём зачин на грустной ноте...

2

Двадцать шестого декабря
Две тысячи второго года
В одиннадцать часов утра
Была чудесная погода.

Сияло солнце, как весной,
Но был мороз, вполне приличный,
И снег поскрипывал тугой,
Звук издавая мелодичный.

Мужчина крепкий, полный сил,
На территорию завода

В большом волнении входил,
В душе надеясь, что природа

Являет добрый знак собой:
На ярком солнце снег искрился,
Сверкал под неба синевой,
Где диск Луны едва светился.

Ни Новый год, ни Рождество,
Что очень скоро наступали,
Как праздники, как торжество
Его не очень занимали.

Он шёл вперёд, не чуя ног,
Стараясь дрожь умерить в жилах,
Но удержаться от тревог,
Как ни пытался, был не в силах.

Причиной всех тревог была
Проблема вот какого рода:
Фиаско потерпев в делах,
Он не работал больше года.

3

Роман Евгеньевич Борей
Был сломлен горьким пораженьем,

Отгородившись от людей,
Он занимался только чтением.

Жена была готова ждать,
Но деньги были на исходе,
И ей пришлось уже рыдать...
Тогда подействовало, вроде.

Он стал «Профессию»¹ читать
(В ней на работу приглашали),
О важных должностях мечтать...
Мечты безделью не мешали.

Но тут мечтам пришёл конец
(Приходит он всему на свете) —
Увидел безработный чтец
Вдруг объявление в газете:

Заводу был необходим
Специалист по инструменту —
И он, желанием гоним
Внести свою, по силам, лепту,

С дивана ноги опустил,
Не ждя повторного сигнала,
Не медля, тут же позвонил

В бюро подбора персонала,

Услышал, что к тому моменту
Им инженер по инструменту
Необходим, его оклад —
Пять тысяч. Он был очень рад,

И в то же утро, в страшной спешке,
Моля Иисуса о поддержке,
Поехал на завод, и вот —
По территории идёт.

4

В бюро подбора персонала
Ему инспектор отвечала,
Что следует сейчас идти
К Арапову, и как найти —

Простую схему рисовала
(А схема – всех начал начало!).
«Но кто же он?» – спросил Роман,
Пока она чертила план.

«Гудков – технический директор,
Он в иерархии – второй, —
Ему ответила инспектор,

Давая правильный настрой. —

Арапов – первый заместитель,
Всех важных дел распорядитель,
И персонал – его конёк...
Надеюсь, поняли намёк?»»

Роман, едва уняв волнение,
Пошёл в заводоуправление,
Нашёл столь нужный кабинет
И видит: никого в нём нет.

Лишь человек седой, невзрачный
У дальней лестницы курил
И, выпуская дым табачный,
Угрюмо взад-вперёд ходил.

Его белёсые глаза,
Что раньше голубыми были,
Морщин глубоких борозда
На дряблой коже цвета пыли —

Свидетельствовали о том,
Что он когда-то был в почёте,
Но тихо спился, а потом
Лишь оставался на учёте

И скромно доживал свой век
Из жалости к нему начальства —
Как ветеран, как человек,
Пришедший на завод сызмальства.

Он это право получил
За все минувшие заслуги
(Роман знал многих, кто влачил
Такую жизнь, и их недуги).

На нём был старенький пиджак
Времён начала Перестройки,
А брюки были смяты так,
Как будто прибыли с помойки.

Тяжёлым кашлем ветеран
Сочувствие невольно вызвал
(Или презрение?)... Роман
Спросил у чуда архаизма:

«Арапов нужен мне... Скажите,
Где я могу его найти?» —
«Гордей Вам нужен?.. Подождите,
Он должен скоро подойти», —

Ответил ветеран, и вскоре
В пустынном длинном коридоре
Раздался топот быстрых ног.
Роман увидеть только смог,

Как низкорослая фигура
Вошла в искомый кабинет.
«Вот и Гордей! Другого нет», —
Сказал седой, от перекура

Отвлекшись на короткий миг.
Роман, со смутным ощущением,
Что он врасплох его застиг
Столь фамильярным обращением,

Пошёл к Арапову. Неловко
Войдя в невзрачный кабинет,
Представился, присел и робко
Беседу начал тет-а-тет.

5

Пока Арапов изучал
Предъявленные документы,
Роман невольно подмечал
Все характерные приметы

Обличья: волосы густые
С едва заметной сединой,
С пробором; серые простые
Глаза; нос тонкий и прямой.

Его приятное лицо
К себе тотчас расположило...
Лишь обстоятельство одно
Романа вдруг насторожило:

Бесформенный, капризный рот
С губами смутных очертаний —
Как правило, он выдаёт
Невнятность мыслей и желаний.

«А инструментом много лет,
Я вижу, ты не занимался...
Да-а, перерыв образовался...
И опыта бывшего нет»...

«Ну, вот и всё! – Роман решил, —
Прощай работа и зарплата!»
Он улыбнулся виновато
И молча голову склонил.

«Чтоб знания восстановить,

Тебе придётся потрудиться...
На курсы, может быть, сходить...
Так что же, ты готов учиться?» -

Сказал Арапов. Целый год,
Романом дома проведённый,
Им не замечен был, и тот
Воскликнул, чудом возрождённый:

«Учиться я готов всегда!»
Теперь он счастлив бесконечно:
Страх, поражений череда —
Уходят в прошлое навечно!

Так стоит ли ему сейчас
Той слабости своей стыдиться?
Он принят, значит, в добрый час!
Пришла пора ему трудиться!

И он заранее простил
Привычку босса к панибратству:
Тот был так добр, что допустил
Его к работе... и к богатству.

Кем только он не побывал,
Всерьёз мечтая о богатстве!

Был бизнесменом, торговал,
А на пельменном производстве

Командовал участком он.
Потом настали перемены:
Оставив вкусные пельмени,
За производство макарон

Он взялся, не имея знаний.
Роман искал высоких званий,
И там директором он был...
Но только год руководил...

Арапов всё простил ему,
Не захотел чинить препоны!
Сказал лишь: «Только никому
Не говори про макароны!..

Ну, ладно, в цех сейчас пойдёшь —
На наше посмотреть хозяйство!» —
То, как он это произнёс,
Похоже было на зазнайство.

Арапов тут же трубку взял,
Жидкова в кабинет позвал,
И тот, спустя одно мгновенье,

Вошёл со стуком в помещенье.

6

То был серьёзный господин!
По взгляду судя, правил строгих,
А в волосах густых и чёрных
Заметно не было седин,

Хотя и вся его серьёзность,
И кустики его бровей
Мгновенно выдавали возраст:
Он явно старше, чем Борей.

«Семён Абрамович! Борей
Ты в цех, пожалуйста, своди:
Покажешь новые станки —
И возвращайтесь поскорее».

Они пошли. Покинув зданье,
Готовый выполнить заданье
Жидков внимательно взглянул,
Роману руку протянул:

«Итак, Вас проводить готов,
Но познакомимся поближе:
Семён Абрамович Жидков!

Вы здесь впервые, как я вижу?» —

«Роман Евгеньевич Борей!
Благодарю Вас за услугу», —
Ответил тот и без затей
Пожал протянутую руку.

Жидков, помедлив, продолжал,
И у почтеннейшего гида
Внезапно голос задрожал —
Вибрировала в нём обида:

«И я б такой услуге рад,
Но мне завод не показали,
Когда три месяца назад
Меня на должность принимали!

Я не был никому представлен,
О назначении приказ
Никто не видел. Я оставлен
Без попеченья. Всякий раз

Испытываю униженье,
Доказывая всем подряд:
Оформлен я как кандидат
В Техническое Управление!

Ну, а технический директор
Меня, признаюсь, удивил!
Мне кажется, он странный вектор
Для дел моих установил:

При первой встрече заявил,
Что должен я всегда стараться,
Работать, не жалея сил, —
И все должны меня бояться!

Техническое Управление —
Важнейший орган заводской,
И все должны терять покой,
Моё завидя появленье!» —

«Он так сказал?» — «Почти дословно». —
«Довольно странные слова,
И в них довольно хвастовства», —
Роман заметил. — «Безусловно!»»

7

Но вот и цех. Вошли в ворота,
Пересекая длинный зал,
Что свежей чистотой блистал,
Они дошли до поворота,

Прошли вдоль ряда верстаков —
Туда, где в глубине участка
Стояло около десятка
Новейших фрезерных станков,

И все с программным управлением.
О чудо! Двадцать первый век!
И это создал человек!
Роман смотрел с благоговеньем,

Как в чреве каждого станка,
Защитным кожухом закрыта,
Обильной смазкою полита,
Фреза в сто раз быстрее волчка

Вращалась, точно исполняя
Команды цифровых программ,
Где нужно, ровно миллиграмм
С детали бережно снимая.

А рядом на столе лежали
Уже готовые детали.
Уложенные в ровный ряд,
В лучах светильников блестят,

И чистота их обработки
Уже не требует доводки.
И тут же, на другом столе —
Фрез уникальных дефиле,

И каждая из них была
Таким же чудом от прогресса,
С большим достоинством ждала
Начала сложного процесса.

Неподалёку инженеры
Вели предметный разговор,
Затронувший такие сферы,
Как допуск, квалитет, зазор.

Процесс механообработки
Был им до тонкостей знаком,
Слова просты, движенья чётки,
В них всё дышало естеством.

Сдержать восторг и восхищенье
Роману было выше сил...
И вдруг неловкость и смущенье
Он против воли ощутил:

Ведь инженер по инструменту

Обязан лучше, чем «на пять»,
Режимы обработки знать...
Но он к другому контингенту,

К другим кругам принадлежал:
Он принимал цехов заявки,
Готовил ведомости, справки,
Договора акцептовал²²...

Короче, он снабженцем был —
В режимы вникнуть не старался,
Случайных знаний нахватался,
И то, что знал, уже забыл.

Роман, в сомненьях и тревоге,
Вновь очутился на дороге —
Туда, в тот самый кабинет,
Где предстояло дать ответ.

8

Но был Арапов не один:
За приставным столом понуро
Сидел дородный господин
С густой седой шевелюрой

И затемнёнными очками.

«Что скажете насчёт станков?
Готовы ли работать с нами?» —
Спросил Арапов. «Я... готов...

Станки понравились... Но я...
Ведь я снабженьем занимался,
И мне не хочется вранья...
Ну, в общем, я засомневался...»

Арапов вдруг повеселел:
«Проблемы эти разрешимы —
Узнаете станки, режимы,
Всё не спеша, по ходу дел!» —

«Меня устроит... Но скажите,
Мне очень хочется узнать:
А Вы, случайно, не грешите
Задержкой выдачи зарплат?» —

«Мы деньги платим р-р-регулярно! —
Босс произнёс высокопарно,
Во рту катая букву «р»
Почти «на аглицкий манер». —

Да вот Савчук Вам подтвердит:
Скажи, тебя не обижали?» —

«Семь тысяч, как и обещали», —
Уныло вынес свой вердикт,

О чём-то горестно вздыхая
И головы не поднимая
От стопки деловых бумаг,
Дородный господин в очках.

Роман ответил: «Я согласен!»
Он понял, что не так ужасен
Цех со станками, коль к нему
(И это видно по всему!)

Арапов очень расположен...
«Теперь, чтоб дело завершить,
Технический директор должен
Всё окончательно решить.

Идём к нему!» – Арапов встал
И вверх по лестнице огромной
С Романом без труда взбежал.
Они в директорской приёмной:

Массивный стол и секретарь —
До слёз знакомая картина.
Тому, кто этот инвентарь

Увидит, – ясно: здесь вершина

Всей пирамиды заводской,
Причина робости, волнения,
Сюда течёт поток людской
Из тех, кто жаждет возвышенья.

Два кабинета было здесь.
В одном – директор генеральный:
Солидно всё, но без чудес,
Неподалёку стол журнальный.

Технический директор – рядом.
Роман отметил быстрым взглядом,
Что дверь его была скромней —
Как тысячи других дверей.

Арапов смело дверь открыл,
За длинный стол для совещаний
Уселся он без колебаний,
Романа жестом пригласил.

Огромный лысый человек
Сидел, всей массой в кресло вдавлен,
Из-под его тяжёлых век
Взгляд на Романа был направлен.

Из грубых черт его лица
Особенно в глаза бросалась
(Знак прирождённого бойца)
Большая челюсть. Завершалась

Картина эта ртом большим
С прямыми тонкими губами.
«Завод наш, не в пример другим,
Растёт и множится с годами! —

Он вдохновенно начал речь. —
И нам нужны специалисты,
И Ваших родичей привлечь
Готовы мы. Нам активисты

Нужны, и я сказать хочу:
Для нас прогресс – вопрос глобальный,
И должности Вам по плечу
Все... Хоть директор генеральный!»

Роман же выслушал без слов
Фрагменты речи вдохновенной:
Он был покамест не готов
К такой крамоле откровенной.

Затем оратор полистал
Боря книжку трудовую
И острым взглядом увидал,
Что год Роман провёл впустую.

«Мне нужно было помогать...
Своей родне... Ведь мне не в тягость...» —
Роман решил, что лучше врать,
Чтоб скрыть свою былую слабость.

Технический директор внял
Слепой готовности Романа
Помочь родне и отослал
В бюро подбора персонала,

Чтоб он, все отложив дела,
Устраивался на работу.
Роман продал свою свободу —
И стала жизнь, как день, светла!

9

На следующий день, в четверг,
Он появился рано утром,
Себя с готовностью подверг
Необходимым процедурам,

А в пятницу уже Роман
На радостной, высокой ноте,
Волнуясь, словно мальчуган,
Докладывал: «Готов к работе!» —

«Роман Евгеньевич, тогда —
Вас в понедельник вызываю...
Но где Вы сядете, пока
Ваш стол отсутствует, не знаю...

Хотя не будем о пустом:
За мебель деньги заплатили —
Чтоб обеспечить Вас столом,
Приложим мы все наши силы.

Теперь, – технический директор
Сказал, кончая разговор, —
Арапов Ваш рабочий сектор
Очертит, сделает обзор

Обязанностей, ждущих Вас.
Итак, удачи! В добрый час!»
Арапов выслушал Романа,
Чай попивая из стакана.

Едва он новость услышал,

С тревогой в голосе сказал:
«Что? Тридцать первого выходишь?
Ты это странным не находишь?» —

«Конечно, Вам и без меня
Забот предпраздничных хватает:
Уверен, что повестка дня,
Небось, банкет в себя включает...

Меня не праздничный аврал —
Другая беспокоит тема.
Вадим Иванович сказал:
С рабочим местом есть проблема...» —

«Но почему он так сказал?
Какие могут быть накладки?
Ты даже не переживай:
С рабочим местом всё в порядке!

Придёшь восьмого января,
После Рождественских каникул».
Романа страх совсем покинул:
Начальник не болтает зря!

«А в чём, позвольте Вас спросить,
Моя работа состоит?» —

«Узнаешь, – отрубил Арапов, —
При прохождении этапов!»

Роман, спокойный, поспешил
Домой, к прощальному безделью,
Но прежде всё-таки решил
Рабочую увидеть келью.

Вид комнаты полупустой
Слегка Романа озадачил:
Непритязательный, простой...
Но для него он много значил.

У входа, справа от двери,
Стоял большой обогреватель,
А прямо – стол, скоросшиватель,
Бумаг каких-то стопки три...

То был рабочий беспорядок,
И можно было без оглядок
Предположить: хозяин есть,
Сюда Роман не может сесть.

Левее – столик, а на нём
Был скромный телефон зелёный.
Ещё левой сидел знакомый

Жидков за офисным столом.

Он поздоровался с Романом.
Компьютер у него стоял
С поблекшим розовым экраном.
Он что-то важное писал.

Направо от стола Жидкова
Другой был стол, компьютер новый,
Манил с экрана Интернет...
И здесь Роману места нет.

Четвертый стол в углу виднелся,
Компьютер и на нём имелся,
Там, то ли грустен, то ли пьян,
Седой маячил ветеран.

Сидел он в кресле истуканом,
Не поздоровался с Романом.
Он был от жизни отрешён
И в свои мысли погружён.

Глава 2. Земляк

*А на какого чёрта я ему понадобился?
М. Булгаков. Собачье сердце*

1

Чудесный праздник Новый год!
Его с надеждой ожидают,
Чтоб съесть с икрою бутерброд
Под ёлкой, где блестят, сверкают

Гирлянды, звёздочки, шары,
Банты, стеклянные игрушки.
Как дети, взрослые добры
В преддверьи доблестной пирушки,

И с нетерпением все ждут
Закусок из заморских блюд...
Но чтоб наполнились графины,
Все наводняют магазины:

Не к месту каши, суп простой,
Забыты всеми макароны —
Как прирождённые бароны,
Сырокопчёной колбасой

Свои корзины набивают,
Забыв про скупость и бюджет,
Диету, доктора запрет,
Деликатесы закупают.

А тридцать первого числа
У всех домашние дела:
Все варят, жарят, запекают,
Потом салаты нарезают...

И вот ответственный момент:
Страну поздравил Президент!
Звенит мелодия бокалов...
Как жизнь скучна без ритуалов!

Кто сильно пьян уже давно,
Кто постепенно начинает...
Коньяк, шампанское, вино,
А кто-то водку уважает...

И все стремятся получить
Сомнительное наслажденье:
Всё со стола доесть, допить —
И заработать несваренье.

А позже оживает двор:
Там праздничные фейерверки
Грохочут, будто канонерки,
И веселят нетрезвый взор.

А кто сидеть остался дома,
Тот в телевиденьи эксперт.
Здесь ситуация знакома:
Всю ночь один сплошной концерт.

2

Но в этом пиршестве Борей,
Понятно, вёл себя скромней:
Без денег – скучное веселье...
Зато отсутствует похмелье.

За скромным праздничным столом
Роман в волнении особом
И с нескрываемым теплом —
С надеждой новой, с Новым годом

Жену поздравил, и Наташе
Сказал: «Надеюсь, счастье наше
Вновь оживит притихший дом,
И мы, как прежде, заживём!»

И вот, отметив Новый год,
Он стал заглядывать вперёд,
Свою работу ожидая,
При том «Профессию» читая

(Борей Христово Рождество
Воспринимал как баловство:
Неверующим был Роман,
И не тянуло его в храм).

«Профессия» ему дала
Большой толчок для размышлений
О том, как личные дела
Поправить и для повышений

Основу прочную создать.
На то прямые указанья
Газета не скупилась дать:
На службе быть без опозданья;

Всегда трудиться лучше всех
И позже всех идти с работы;
А для того, чтоб свой успех
Поднять на новые высоты,

И одеваться нужно стильно.
Тогда карьера, деньги – всё
Для соискателя посильно,
Волна удач его несёт.

Когда ж восьмого января
К восьми пришёл он на работу,
То понял: он лелеял зря
Надежду, что о нём заботу

Арапов вовремя проявит
И стол рабочий предоставит.
Прелюбопытнейший момент:
Стола как не было, так нет!

Рабочий стол напротив входа
Был занят – там Савчук сидел
И массой неотложных дел
Знаменовал начало года.

Был за своим столом Жидков,
Над документами склонился,
И монитор уже светился —
Жидков к работе был готов.

На двух оставшихся столах
Пока царил дух запустенья:
Нет жизни в ворохах бумаг,
У мониторов нет свеченья.

В углу, в соседстве с Савчуком

(Борей заметил) появился
Убогий столик, и на нём
Едва компьютер поместился.

А через несколько минут
За этот стол Савчук уселся
И стал печатать... Нет, и тут
Не сесть Роману! Он разделся

И попытался объяснить
Причину странного явления,
Чтобы понять и извинить
Творцов смешного положенья:

«Я на работу приглашён —
Выходит, здесь я очень нужен!
Но нет стола – и я смешон...
Как импотент... Я безоружен...

А вдруг никто не виноват?
Виной – серьёзная причина...
Всё образуется! Я рад,
Что так смешна моя кручина».

Роман взглянул: куда присесть?
Потом увидел – стул свободный

В двух метрах от Жидкова есть —
И сел, подмяв костюмчик модный.

4

Вошёл Арапов: «Как дела?» —
«Да вот – не много и не мало —
Жду появления стола...» —
«Вот и отлично! Для начала

Ты хоть бы ГОСТы изучил,
Чтоб не было тебе так скучно!»
Жидков немедленно вскочил,
Открыв соседний шкаф беззвучно,

Он папку с ГОСТами достал,
Роману дал, и тот, зевая,
Весь день ту папку изучал,
На стуле хмуро восседая.

Арапов молча приходил,
Окидывал всех строгим взором,
Граничащим с немим укором,
И тут же быстро уходил.

Савчук печатал и молчал,
О чем-то горестно вздыхая,

Жидков усиленно писал,
И тоже рта не открывая.

Семь дней не виделись они,
Но их не интересовало,
Чем занимались эти дни...
Как Новый год... Футбол... Да мало ль!

5

Второй рабочий день настал,
Но ничего не изменилось.
Когда Роман сидеть устал,
То постепенно появилось

Желание про всех узнать,
Слегка разведать обстановку,
И начал он, сначала робко,
Свои вопросы задавать.

Жидков охотно отозвался
На просьбу совершить обзор,
И постепенно завязался
Меж ними тихий разговор.

«Так вот: основа всех основ
Есть подготовка производства, —

Неспешно говорил Жидков. —
И вот по воле руководства

Такая группа создана,
В которую мы с Вами входим,
Ещё Савчук, и нам дана
Большая власть на всём заводе,

Чтобы порядок навести.
И ГПП³З – так сокращённо
Придумали нас окрестить —
Должна работать напряжённо».

Жидков был вынужден прерваться,
Поскольку появился гость —
Красивый парень, с ним встречаться
Роману раньше не пришлось.

Он за одним из двух столов
Уверенно расположился,
Включил компьютер и без слов
Спустя минуту удалился.

«Кто этот парень?» – «Боровик
Геннадий Юльевич, он вроде,
Как говорил мне кадровик,

Научный консультант в заводе». —

«А кто за тем столом сидит? —

Спросил Роман про стол четвёртый. —

Мужчина, пожилой на вид...

Он, видно, жизнью сильно тёртый...» —

«Евстрат Сергеевич Онучин.

А вот какой ему поручен

Объём работ – я не пойму,

Не знаю также, почему

Он здесь сидит!» – Жидков ответил.

Роман немедленно отметил,

Что тот был на соседа зол.

«Но почему он не пришёл?» —

«А он на родину уехал». —

«А где же родина?» – «В Керчи».

Роман не выдержал, вскочил:

Земляк нашёлся, вот потеха!

«Ты говоришь, он из Керчи?

Ты не шутил? Нет, ты нарочно!» —

«Да успокойся, не кричи!

Он из Керчи, я знаю точно.

Он украинский гражданин,
Имеет паспорт украинский». —
«Но мы живём в стране российской!» —
«Ну, видно, не было причин

Менять гражданство... Но скажи,
Тебя что в этом удивляет?» —
«Да я ведь тоже из Керчи!»
О, это многое меняет!

Не ожидал Роман никак,
Что ветеран – его земляк...
Но есть ли польза в человеке,
Что сам нуждается в опеке?

Как жаль, что он из стариков, —
Те не живут, а доживают...
Но что поделывать: земляков,
Как и родню, не выбирают!

Он сел на свой рабочий стул,
И вдруг, листая документы,
Совсем по-новому взглянул
На любопытные моменты.

С Романом это в первый раз:
Хоть на работу пригласили,
Но стол рабочий дать забыли —
Как будто взяли про запас.

А вдруг Арапов напрямик
Заявит: «Нам такая должность
Без надобности!» Рома сник,
Им овладела безысходность...

6

«Сидите, кляті москалі? —
Услышал голос он вдали,
Потом – шаги по коридору,
И в их унылую контору

Стремительно вошёл земляк,
Неся увесистый рюкзак. —
Ну как, у вас тут всё спокойно?
Себя ведёте вы пристойно?»

Приехавший издалека,
Он задавал свои вопросы
И доставал из рюкзака
Бумаги, книги, папиросы.

Савчук с Жидковым изменились:
Заговорили, оживились,
Из их раскованных речей
Явилась масса новостей.

Потом Онучин рассказал,
Как съездил, где он побывал,
Как встретил он начало года,
Какая там, в Керчи, погода.

Затем последовали шутки,
Раздался громкий дружный смех,
И люди, что молчали сутки,
Как будто совершили грех, —

Мгновенно стали веселей.
И стоило им оживиться —
Зажглись глаза, открылись лица,
И стало в комнате светлей.

«Уж если есть такое диво —
Душа и совесть коллектива,
Так это он как раз и есть.
Хвала Онучину и честь! —

Подумал радостно Роман. —

А внешность – попросту обман!
Хоть пять минут его я знаю —
По-новому воспринимаю».

«А для тебя сюрприз готов!» —
Сказал Онучину Жидков.
«Что за сюрприз?» – спросил тревожно
Евстрат Онучин, осторожно

К ним подошёл. «Роман Борей!
Он тоже Керченских кровей, —
Сказал Жидков. – Ты удивился,
Что твой земляк здесь объявился?»

Как вкопанный, остановился
Евстрат, и рот его открылся!
Белёсый удивлённый взор
Борей изучал в упор.

«Вот уж никак не ожидал!» —
Промолвил наконец Онучин,
Роману долго руку жал
И с земляком был неразлучен,

Беседуя о самом близком:
О городе, таком родном,

О жизни в климате Балтийском.
«А в Питере ты как давно?» —

Спросил Евстрат. «В семьдесят пятом,
Когда не все ругались матом
И жили, Партию любя,
Не отпускавшую руля,
А доллар был слабей рубля.

В краю, культурою богатом,
Прошёл я конкурс в институт —
И словно в царстве тридевятом
Себя почувствовал я тут.

Потом работал на заводе...
Стремился получить чины...
Потом при всём честном народе
Я наблюдал развал страны...

И вот я очутился здесь...
Ну, а в Керчи сестра родная
С двумя племянницами есть,
Кузин и тёток не считая».

Роман умерил слов поток,
Родством с Евстратом увлекаться

Не стал: тому начнёт казаться,
Что без него Роман – никто.

«А как тебе на месте новом?» —
Спросил Онучин земляка.
«Да вот – сажу на стуле... Словом,
Я стол не получил пока...»

Евстрат нахмурился: «Негоже!
Сейчас к Петровичу пойду,
С ним потолкую, как мы можем
Преодолеть твою беду».

И он ушёл. Минут пятнадцать
Отсутствовал, потом пришёл,
Сказал: «Я стол тебе нашёл!» —
И начал переодеваться

В халат, висевший на крючке.
Роман вскочил, за ними следом
Жидков, покончивший с обедом,
Направился, и в закутке,

В каком-то пыльном коридоре
Нашёлся очень старый стол,
И он Роману подошёл.

Жидков ему помог – и вскоре

Стол был поставлен у окна.

Роман теперь – величина!

Как подобает инженеру,

Он для работы атмосферу

Мгновенно создал, сев за стол.

Потом к Евстрату подошёл:

«Теперь готов начать работу.

Тебе спасибо за заботу!» —

«Да разве ж можно земляку —

Да не помочь? – сказал Онучин. —

А ты компьютеру обучен?» —

«На нём работать я могу». —

«Ну что же, мне тогда придётся

Просить компьютер для тебя, —

Сказал Евстрат. – Глядишь, найдётся...» —

Добавил, как бы про себя.

Глава 3. Евстрат Онучин

Да умный человек не может быть не плутом.

А. Грибоедов. Горе от ума

1

Онучин часто выходил
И возле лестницы курил,
И нёс сквозняк из коридора
Тяжёлый запах «Беломора».

Курил он сладостно, взасос,
А если кашлял, то до слёз,
Порой едва не задыхался,
Как только кашель начинался.

Помочь желая земляку,
Роман заметил осторожно:
«Бросай ты эту чепуху!
Так потерять здоровье можно». —

«Ты думаешь?» – спросил Евстрат.
«Конечно, в этом я уверен!» —
«Да я и сам уже не рад,
Давно бросать курить намерен».

Роман был рад от осознания,
Что он благое начинанье
От всей души осуществил:
Евстрат почти что братом был —

Ведь их теперь соединяло
То, что их жизнь брала начало
Там, под горою Митридат⁴⁴,
Где камни древние лежат,

Где солнце яркое сияет
И море нежно глаз ласкает,
Стоят большие корабли
У входа в Керченский пролив,

Шипит и пенится волна,
О скалы шумно разбиваясь,
И манит моря глубина,
С просторами небес сливаясь.

Немного дней прошло с тех пор,
Как направлял Евстрат свой взор
На море, улицы родные,
На линии береговые,

Он для Романа сразу стал
Частицей неба голубого,
Частицей моря, серых скал
И улиц города родного.

Статью Роману показал
В какой-то Питерской газете,
В которой он обосновал
Заботу о приоритете

Строительства того моста,
Что, отвечая нуждам давним,
Соединит Керчь и места,
Которые зовут Таманью⁵5.

Мост через Керченский пролив
Правительствами обсуждался,
Хоть тон речей и был хвастлив,
Но в лидеры никто не рвался.

2

Евстрат владел прекрасно речью,
Он знал натуру человечью,
Его могучий интеллект
В любом рождал к нему respect⁶6.

Он был начитанней Романа
И глубже знал любой предмет,
Всегда на всё готов ответ
От философии гурмана.

Он всё на свете подвергал
Ума строжайшей экспертизе:
«Я философствующий физик! —
Так сам себя он называл. —

Вникал в природу полимеров
Я на физфаке ЛГУ⁷,
Вселенную других размеров
Теперь освоить я могу.

Я не сторонник спецнауки.
Науку может развивать
(Конечно же, не ради скуки)
Любой, способный размышлять.

Страдает общество теперь
От маргинальной субкультуры,
Избавить надо от потерь
Все наши сферы и структуры.

Интенции⁸ эгоцентризма⁹,
Войдя с наукой в диссонанс¹⁰,
Стоят на грани популизма¹¹ 11...
Коэволюция¹² 12 – вот шанс!

Хаос – основа мироздания
И сущность мировой души,
Ради порядка воссоздания
Он наивысший суд вершит». —

«Но человек – венец природы! —
Роман пытался возражать. —
К порядку тянутся народы,
Его опасно нарушать!» —

«Пределов нет у этой темы...
Хоть человек и «царь зверей»,
Он – порождение системы,
Конечной в сущности своей,

И не способен априори¹³
Он бесконечное понять —
Мир вынужден, при умном взоре,
«В каком-то смысле» познавать.

Хоть претерпели измененья
В последние полсотни лет
Все парадигмы¹⁴ управленья —
Но им пока замены нет.

В лабораториях пылится

Коллегиальных¹⁵ 15 форм проект,
И всё никак не состоится
Синергетический¹⁶ 16 эффект.

Мы очень сильно одичали,
Как только рынок наступил —
Мир злобы, зависти и грязи
С вкраплениями доброты.

Сознание людям затмевают
Какой-то тайною игрой,
И симулякры¹⁷ 17 в ней играют,
Пожалуй, основную роль.

Был создан миф «демократизма» —
Все к демократии рвались,
Забыв про зов социализма...
От краха не убереглись.

Как денежки ни экономьте,
Все мифы прежние затмив,
Уже возник на горизонте
«Свободы рынка» новый миф.

Кровь свежую вливает донор,

Америка, – «бесценный дар»,
Ничем не истребимый доллар,
Великий суперсимулякр.

Устали от монетаризма¹⁸18?
Так получите миф иной —
«Борьбы с угрозой терроризма»!
Запахло здесь уже войной...

Оправдано пред целым светом
Стремленье граждан защитить...
Вот только надо ли при этом
Чужие города бомбить?

Демократично ли лишать
Людей зарплаты по затратам,
При том цинично повышать
Оклады разным депутатам?

Неужто всё, что дал прогресс, —
Зомбировать¹⁹19 людей рекламой,
Питанием в кафе-экспресс
И низкопробной мелодрамой?

А не цинично ль в новостях
Показывать людское горе,

Детей запутывать в сетях
У пропаганды алкоголя?

А главам «суверенных» стран
Зарплату получать из фондов
Богатых государств, и срам
Скрывать от собственных народов?

Такой порядок наравне
Со скрытой формой дикарства,
И управляются извне
Такие квазигосударства²⁰20. —

«Крах неизбежен...» – «Не беда,
За всё заплатят их народы:
С марионетками всегда
Бесцеремонны кукловоды...

Считать нормальным кровь рекой,
А сокращаться лишь для вида?
И в психологии такой
Не видеть признак суицида²¹21?

Культуру можно расценить
Как средство выживания наций.
Но как культуру заслонить

От негативных aberrаций²²22?

Всё чаще стали возникать
Диссипативные²³23 структуры,
Основы древние культуры
Собой пытаюсь заменять». —

«Культура нынче не в фаворе.
Интеллигентам – просто горе:
Всяк заменить сегодня рад
Высокий слог на грязный мат.

К чему тогда труды, старанье
И дел великих начинанье,
Когда, по трезвому уму,
До них нет дела никому?» —

«Культура внешне вроде та же...
Но к ней почтенья больше нет,
И все стремятся в Эрмитаже
Устроить свадьбу иль банкет.

В музее образцов искусства,
Поддавшись магии денег,
Его хранители спешат
Устроить оргию распутства.

И к Пушкину любовь у вас
Так далеко не заходила:
Охотников полно сейчас
В Михайловском²⁴24 построить виллу...»

Роман в Михайловском бывал —
И сразу, с воодушевленьем,
Коль всё воочию видал,
Он поделился впечатленьем:

«Признаться, в неудачный час
Я посетил холмы святые:
Над местом, где летал Пегас²⁵25,
Нависли облака густые.

Дождь землю насквозь пропитал,
И комары гудят над ухом...
Поэтом я, увы, не стал...
Зато проникся русским духом!» —

«Есть люди из другого мира,
Где ценят Пушкина, Шекспира...
Но племя то обречено
На вымирание давно.

Обратных связей больше нет,
Никто тревожные сигналы
Не хочет видеть, и в ответ
Мир заполняют маргиналы...»

3

Роман впервые услышал
Тот термин: «Маргинал²⁶26? Кто это?» —
«Тот, кто от вызовов сбежал,
Не получив на них ответа;

От артефактов²⁷27 и угроз
Психического несваренья,
Что социум²⁸28 нам преподнёс,
Ушёл на край мировоззренья;

Покинув социум большой,
Освоил он периферию,
Покрылся грязью и паршой,
Призвал на помощь истерию.

Что «социальный» человек
Воспринимает оптимально,
То маргинал, больной навек,
Поймёт сугубо экстремально.

Типичный псевдопрагматизм²⁹29
Тем маргинала отличает,
Что неуместный драматизм
По мелочам он источает:

То ли в протянутый стакан
Ему портвейна недолили,
То зажигалку, словно грант³⁰30,
Между собой не поделили.

Но мне обиднее всего,
Что он уже проявлен в знаниях, —
Видны последствия его
В псевдонаучных изысканьях:

Заманчиво, как никогда,
Все западные парадигмы,
Не тратя лишнего труда,
Перенести на наши нивы...

Неврозом³¹31 болен человек,
И под влиянием фрустраций³²32
Число психических калек
Растёт... То бедствие всех наций.

Невроз страшнее всех зараз...
А выход есть на самом деле:
Вполне сознательный отказ
От всех фрустрирующих целей». —

«Но как тех целей избежать?
Само название пугает...» —
«Свою духовность повышать,
Она людей оберегает.

Не всякий к этому готов:
Уже помрачено сознание,
Ведь жизнь страшнее сладких снов —
И получают «выгорание».

То профессиональный стресс,
Крепчая после каждой встряски,
Снижает к жизни интерес,
Доводит дело до развязки.

Эмоций позитивных нет,
Все адаптации пределы
Превышены на много лет...
И человек бежит от дела...

Не в силах веровать в успех
Философы постмодернизма³³33:
«Реальность спрятана от всех!» —
Звучит на грани вандализма...

Но если средств доступных нет
К ней прикоснуться напрямую
И точный получить ответ...
То истины не существует.

Ведь пленниками языка
Являемся мы изначально,
И мысль уродуют слова,
Не отразившие реальность.

Жаль тех, кто создавать привык
Реальность языка посредством...
Но тот, кто создаёт язык,
Стать может Истины «полпредом».

Наш старый добрый гуманизм
Наскучил профессионалам,
И стал мультикультурализм³⁴34
Бессилен перед криминалом...» —

«Так что же, мир наш обречён?

Не будет прорывных открытий?» —
Борей был очень огорчён
Таким развитием событий.

«Какой, скажи, в науке прок,
Что ничего не объясняет?
И зло есть большее добро,
Ведь боль сознание обостряет.

Чтоб изменить явлений суть,
Сменить придётся и «валюту»:
Духовность, нравственность — вот путь,
Что нас приблизит к Абсолюту.

Свобода личности сейчас,
Как и самоопределение,
Имеют именно для нас
Первостепенное значение.

Нас учит мудрый Эпиктет³⁵³⁵,
Что над людской свободой воли
Чужой законной власти нет —
Свободны мы, как ветер в поле.

Здесь поразительный пример
России общество являет,

И территории размер
На идентичность не влияет —

Она утрачена совсем.
Культурная же идентичность
Извне навязываться всем
Не может – пострадает личность...» —

«Жива Россия – видно всем,
Видать, крепка её порода...» —
«Да, у России нет проблем,
Проблемы – у её народа...» —

«Онегиных у нас немало,
Без счёта хамов и невежд...» —
«И из-за них Россия стала
Страной несбывшихся надежд.

Не в моде нынче гениальность,
Она покинула страну,
В фаворе серость и банальность,
И все у алчности в плену...»

И вдруг улыбка, словно взятка
За то, что губы изрекут:
«России не видать порядка,

Пока в ней русские живут...» —

«Всем нам даются испытанья,
Чтоб каждый мощь свою узнал,
Так и России процветанье —
Всех наших трудностей финал...» —

«В двадцатом веке – смена моды,
И стало главным для неё
Не достижение свободы —
Способность вынести её». —

«Свободы много не бывает...» —
«Когда Ответственность жива...
Но эта сущность вымирает —
И образуется провал...

Границы личности размыты,
И недоступен здравый толк,
Преобладают аппетиты,
Которыми страдает волк.

Переживание свободы
Чревато бегством от неё:
То порождает антиподы,
То искажение своё;

То в невменяемость уходит,
Прямой рождая произвол;
Насилие в привычку вводит,
А это худшее из зол.

Способность вынести свободу
Имеет и другой эффект:
Открыть гармонию народу,
Дать счастье на десятки лет». —

«Да, человек живёт идеей,
Является её рабом...» —
«Нет, нами бытие владеет,
Идеи – лишь одна из форм.

Те ценности, что были вечны, —
Знаний накопленный багаж,
Богатый логикой ум наш —
В сути своей бесчеловечны.

Они на откуп отданы
Компьютерам, внутри железным,
Став средством техно-новизны,
Даже для бездарей полезным.

Теряется ориентир,
И умный человек порою
Воспринимает телом мир,
А не открытою душою.

И современный человек,
Чтобы техническим придатком
Не стать в безумный этот век,
Вернуться должен к тем задаткам,

Что «космосом» даны ему —
Не к «сумме знаний и умений»
И не к холодному уму —
К пути духовных откровений.

Ответственность, что он постиг,
Преодолев судьбы невзгоды
И став свободным хоть на миг —
Вот этика такой свободы». —

«Ответственность? Но перед кем?» —
«Свобода в душах обитает,
Нельзя внедрить свободу тем,
Кто своей волей обладает.

Ответственность за целый мир

С рожденья каждый обретает,
Сей нравственный ориентир
Свободы правом наделяет.

У новоявленных элит,
Присвоивших себе богатства,
Душа о людях не болит,
И чужды им идеи братства.

Чуть речь о совести зайдёт —
Мы все немного иностранцы,
Нас тут же Куршевель³⁶ зовёт,
Наш идеал – американцы».

Борей Онучину внимал,
Желая знать устройство мира,
Хоть не всегда всё понимал,
В речах мудрейшего кумира.

Глава 4. Странная компания

*Начинается, – вздохнула девочка.
Г. Щербакова. Мальчик и девочка*

1

Арапов никаких заданий

Пока Роману не давал,
И он свой стол, предел мечтаний,
Любовно глядя, обживал.

К тому же время оставалось,
Чтоб смог вниманье обратить
На то, что в комнате собралась
Довольно странная на вид

Компания из перезрелых
И замкнутых в себе мужчин.
И только Боровик один
В своих костюмах модных, смелых

У многих зависть вызывал
Тем, что на месте не бывал.
А остальные же без меры,
Уподобясь гребцам галеры,

Прикованным к своим местам,
Привыкшим к розгам и бичам,
Весь день безропотно сидели
И над бумагами корпели.

2

Прошла неделя ожиданья,

Спокойствия и тишины,
Роману первые задания
Внезапно были вручены:

Инструкцию по технадзору
И должностную вместе с ней
Он должен был представить взору
Арапова за десять дней.

Библиотеку посетив
И досконально расспросив
Библиотекарей, столь любезных,
Набрав десяток книг полезных,

Он ими стол заполнил.
Забыв о скуке и зевоте,
Роман немедленно ожил:
Теперь он, как и все, в работе!

Он никогда не сочинял
Инструкций – сразу испугался...
Потом себя он в руки взял,
Подумал – и процесс начался.

Он справедливо рассудил:
Ошибка – это не опасно,

Тот, кто ошибку совершил, —
Работал, что уже прекрасно.

Гораздо хуже, если страх
Перед возможною ошибкой
Весь труд его повергнет в прах,
И он увязнет в почве зыбкой.

Арапов так и не сказал,
Чем он обязан заниматься.
Роман, подумав, записал
Всё, с чем ему пришлось встречаться,

Когда он много лет назад
Пришёл в отдел инструментальный
И десять лет посильный вклад
Вносил в процесс индустриальный.

Когда его неспешный труд
Был завершён вполне удачно,
Роман инструкции на суд
Арапову принёс. Тот мрачно

Промолвил, глаз не поднимая,
Как англичанин, «р» глотая:
«Не стану это я смотреть!

Все документы нужно впредь

Предоставлять в печатном виде! —

Арапов словно был в обиде,

Громя Борея в пух и прах:

– На чистых офисных листах!»

Роман, собрав плоды возврата,

Пошёл инструкции печатать.

Жидкову, за Романом вслед,

Арапов тот же дал ответ.

3

Затем Арапов поручил

Создать несложную таблицу,

В которую должны сводиться

Все средства, что завод вложил

В изготовление оснастки

И инструмента на участке

«Zero»³⁷37. Роман открыл Excel...

И натурально «сел на мель»!

Таблицу строя, убедился:

Все знанья, коими гордился,

И все надежды на успех

Способны вызвать горький смех.

Он очень медленно трудился,
Арапов за спиной бранился:
«Ты долго возишься, быстрее!» —
Его слова больней бичей

По самолюбию хлестали,
Потом совсем врасплох застали,
Став настоящей бедой:
«И диаграмму мне построй!»

Почувствовав внезапный страх
И от стыда, как рак, краснея,
Роман признал свой полный крах:
«Я... диаграммы... не умею...» —

«Раз так – за помощью сходи
В Коммерческое Управленье», —
Сказал Арапов в заключенье.
Роман пошёл с тоской в груди,

И симпатичная Татьяна
Всего за несколько минут
Спасла от скверного изъяна
Его многострадальный труд.

«А это что у Вас такое?» —
Арапов вдруг его спросил,
Когда Роман, уже без сил,
Мечтая только о покое

От диаграмм, принёс листок.
«Здесь диаграммы... Вы просили...» —
«Ты сделал сам?» — «Я сам не смог...
С Татьяной вместе мы творили...»

Арапов снова посмотрел:
«Не-е-т! В этом виде не годится!
Тут вместе всё, а я б хотел,
Чтоб было порознь — как в таблице!» —

«Гордей Петрович!» — взвыл Роман:
Теперь Заводоуправленье
Своё составит заключенье,
Что он — законченный болван!

Но босс твердил: «Быстрее, быстрее!» —
Его рука уже мелькала,
Как будто мусор из дверей
Нетерпеливо выметала.

Роман призвал свою смиренность,
Чтоб снова к Тане подойти,
Просить помочь (и по пути
Всем показать свою никчемность).

Романа это положение
Никак устроить не могло:
Он срочно начал обученье,
И время быстро потекло.

Купив, принёс он на работу
Учебники по Word, Excel,
Забыл привычную дремоту,
Чтобы поставленную цель —

После работы оставаться,
Компьютер лучше изучить,
Своим стараньем выделяться —
Начальник смог бы оценить.

4

Арапов чем-то отдалённо
Напоминал определённо
Сударушкина. Много лет
Живой, общительный брюнет

Довольно бурно верховодил
Всем инструментом на заводе,
А заместитель был Роман.
Сударушкин был атаман

И в развлечениях отдела:
Спирт на заводе доставал
И подчинённых угощал,
Всегда уверенный, что дело

Никак не может пострадать,
Ведь спирт – лекарство от волнений
И (надо должное отдать)
Источник радостных мгновений.

Сам безнадёжно в лес влюблённый,
Организатор беспокойный
И подчинённых звал с собой
Из города в поход грибной.

По пятницам был арендован
Автобус для поездки в ночь,
Его знакомыми он полон,
И выпить все они не прочь.

Едва автобус покидал

Пределы города родного,
Он каждому стакан совал:
«Пусть будет скатертью дорога!»

Венцом поездки был пикник.
Мгновенье – и костёр возник,
На скатерть – выпивка, закуска
(Источник счастья в сердце русском)...

Арапов так напоминал
Активностью и внешним сходством
Сударушкина руководство...
Роман невольюно ожидал,

Чтоб, как Сударушкин, Арапов,
Блюдя привычный ритуал,
По-дружески, без обиняков,
Ему когда-нибудь сказал:

«Найди закуску, сделай милость —
Достал я спирта невзначай,
И завари покрепче чай!»
И всё тогда бы изменилось...

5

В один из мрачных зимних дней

Роман немного задержался,
Взяв книгу и склонясь над ней,
В Excel усердно упражнялся.

Как вдруг Арапов появился,
К Евстрату присоединился,
С ним разговор о чём-то вёл,
Потом к Роману подошёл,

Над ним склонился, а затем
Промолвил: «Это всё понятно...
Но чтобы не было проблем,
Читать бы надо... аккуратно!»

Роман был очень удивлён:
«Но это же самоучитель!»
Кто лучше знает, как не он,
Основ профессии блюститель,

Как много искренних страданий
Пришлось Роману пережить
При выполнении заданий!
Чтоб все проблемы разрешить,

Есть средство (и Арапов знает!) —
Программы надо изучить.

Но от него в ответ звучит:
«А это роли не играет!»

Сказав, Арапов возвратился
К Евстрату, после – удалился.
Роман, вздохнув, домой пошёл.
Он на Арапова был зол.

На улице он встречен был
Враждебно: устали не зная,
Там ураганный ветер выл,
Лицо морозом обжигая.

Завод являл собой пустырь,
Где по краям цеха стояли
Стеной, они предоставляли
Свободу ветру вглубь и вширь,

И он, препятствий не встречая,
Макушки голые берёз
С остервенением качая,
Романа доводил до слёз.

6

Спустя два дня, ближе к обеду,
Арапов девушку привёл,

К Роману с нею подошёл
И начал странную беседу:

«Вы можете сейчас сказать, —
Спросил он строго, нарочито, —
Число прутков из «победита»³⁸38,
Что Лене надо заказать?» —

«Прутков?» — «Ну да, из них потом
Мы в цехе изготовим фрезы —
Ты с этим должен быть знаком!»
Те краткосрочные ликбезы,

Что смог уже Роман пройти,
На стуле время коротая,
Не помогли ответ найти,
И он признался: «Я не знаю!» —

«А как же нам теперь узнать, —
Спросил Арапов, хмуря брови
Сурово, — сколько заказать
Прутков, чтоб фрезы изготовить?» —

«Я в цех могу сейчас сходить
И эту цифру уточнить...» —
С готовностью Роман ответил.

Его ответ внезапно встретил

Арапова прямой укор:

«Конечно! В рвении неприкрытом
Ты будешь землю рыть копытом
Или скакать во весь опор!

Не надо никуда ходить!» —

И он, направившись к Евстрату,
Как подобает автократу³⁹39,
Порядок начал наводить:

«Сергеич! Этот документ

Мне нужен завтра утром, срочно!» —
Чеканил он слова нарочно,
Чтоб воспитательный момент

Не обошёл вниманья Лены,

И, как актёр, закончив акт,

Увлёк её с собой со сцены.

Роман расслабился: антракт!

Он тут же принялся гадать:

«Начальник мною недоволен,
В его глазах я своеволен,
Со мной уже не совладать,

Моя активность запредельна...
Но в чём я перешёл предел?
Я за столом сижу бесцельно,
А перечень активных дел

Лишь две инструкции включает...
Что ж, если это так пугает,
Активность надо усмирить —
Начальство лучше не гневить!»

7

И вот он, наконец, обед!
Начальник вновь их посещает,
Весь благодушием сияет,
К себе для кофе и бесед

Онучина он приглашает:
Арапов просто обожает
С Евстратом и Боровиком
В обед взбодриться кофейком.

Роман о посиделках знал
И втайне искренне мечтал,
Забываясь о своем престиже,
К начальству быть как можно ближе.

Веками так заведено:
В бою солдаты погибают,
А генералы пьют вино
И в бане «девочек» купают...

Ему хотелось, чтоб Евстрат,
Как земляка, его пристроил —
Пить кофе чести удостоил:
Землячество – надёжный блат!

Увы, всерьёз на возвышеньё
Роман не мог претендовать:
Евстрат к нему стал остывать,
Не развивал их отношенья

И сам с начальством кофе пил...
Всегда... Но только не сегодня...
Когда Арапов благосклонно
Его на кофе пригласил, —

«Сейчас приду», – ответил тихо
Евстрат, а сам продолжил лихо
Печатать срочный документ.
Роман смекнул: «О! Инцидент!»

Потом Арапов позвонил
Онучину из кабинета,
Его на кофе пригласил
Опять, Онучин и на это

Ответил, что сейчас придёт,
Но поступил наоборот.
Его Арапов не дождался,
На пару кофе наслаждался

С Боровиком. Онучин звучно
Весь день по клавишам стучал.
«Не всё у них благополучно!
Мой землячок забастовал, —

Роман отметил с облегченьем,
Следя за этим развлеченьем. —
Накличет он себе беду —
Ему на смену я приду!»

8

Ещё неделя пролетела,
Арапов в пятницу позвал
И поручил такое дело:
Чтобы Роман опять создал

Таблицу с данными расхода
По инструменту за три года.
«Но у меня тех данных нет!» —
«Конечно, – прозвучал ответ. —

Матвей Давидович всё знает,
Шумахер – тот, что закупает
Весь инструмент, и он сидит
Здесь, по соседству. Всё, иди!»

В Бюро закупки инструмента
Увидел он интеллигента.
Тот недовольно посмотрел,
Оторванный от важных дел.

С ним вместе в комнате сидела
И над бумагами корпела,
Которыми весь кабинет
Завален так, что места нет,

Помощница, на вид – простая,
На возраст – полупожилая,
С улыбкой вечной на устах
И полнотой во всех местах.

Роман, смущённо заикаясь

И бесконечно извиняясь,
Цель посещения изложил —
И вскоре цифры получил.

При виде занятых людей
Романом овладела зависть:
Они при деле, в них нуждались,
И только он, Роман Борей,

Был никому пока не нужен.
Им позабыто слово «лень»,
Но выпадает редкий день,
Когда работой он загружен.

Роман трудился над заданьем
Весь день и перед окончаньем
Свой труд победно завершил,
Арапову его вручил.

Путь пятидневный мирно пройден —
Конец недели, он свободен!
Хоть он не так активен был,
Но отдых всё же заслужил.

Начав в дорогу собираться,
Он, прежде чем домой податься

(А дом его – не ближний свет),
Зашёл сначала в туалет.

Вдруг слышит он: по коридору
К их двери кто-то пробежал.
Роман, уютную камору
Покинув, вышел и предстал

Перед Араповым. Тот злобно
Бесформенный свой рот кривил
И низким голосом, утробно,
Слова чеканя, говорил:

«Ты мне испортил настроенье,
Так получай вознагражденье:
Я за ошибку не спущу —
Ущерб сторицей возмещу!

Свой ляпсус тотчас же исправить!
Я должен данные представить
Гудкову через полчаса».
Роман вздохнул: «О, небеса!»

Что ж, праздника – как не бывало!
Ошибка – сущий пустячок,
Но раз начальство приказало,

То документ исправить в срок

Роман обязан. Он вздохнул
(Уже в который раз сегодня),
За стол присел, в окно взглянул:
По улице легко, свободно,

Рот прикрывая от зевоты,
С лицом, далёким от работы
И излучающим покой,
Арапов бодро шёл домой.

Глава 5. Картуз

*Лука Лукич. Я, признаюсь, так воспитан,
что заговори со мною одним чином
кто-нибудь повыше, у меня просто и души
нет, и язык, как в грязь, завязнул.*

Н. Гоголь. Ревизор

1

Скучая более недели,
Роман был вызван в кабинет
Для обретенья новой цели:
Чтобы поднять авторитет,

Он должен посетить участок
По производству точных фрез,
Восполнить знаний недостаток.
Испытывая лёгкий стресс,

Он всё же ликовал: ура!
Уже давно, давно пора
Ему прибрать к рукам участки
Для инструмента и оснастки,

Обследовать все кладовые,
Склады, с людьми поговорить,
Процесса точки болевые
С их помощью определить.

Так было на другом заводе,
Где он с размахом дело вёл...
Откуда он давно ушёл...
Как он жалел о том исходе,

Когда десяток лет назад
Разрушил он свой быт спокойный!
Он ненавидел свой азарт
И тот поступок недостойный...

Роман без помощи нашёл
Участок нужный и вошёл.
Три импортных станка новейших
Он увидел. Программ сложнейших

Команды каждый получал,
Им следуя, вращал, менял
Кругов шлифовочных алмазных
И механизмов безотказных

Углы наклона, ход, подачу,
Чтоб точно выполнить задачу
И фрезы изготовить в срок.
Да, здесь был качества исток.

Один станок был остановлен.
Сосредоточен и безмолвен,
Его обслуживал один
Седой плешивый господин.

Ещё двоих, на вид – рабочих,
Роман увидел среди прочих
Станков. Он сделал шаг вперёд...
Вдруг господин как заорёт:

«Ты кто такой? Тебе что надо?»

Ты как войти сюда посмел?» —
И под его суровым взглядом
Роман мгновенно оробел:

«Меня Арапов к Вам послал, —
Он на начальника сослался,
Чтоб погасить страстей накал,
Потом уже и сам назваля:

– Я инженер по технадзору...» —
«Я не намерен верить вздору!
Мне Вас никто не представлял!» —
Плешивый кнопки нажимал

И говорил одновременно.
«А Вы-то кто?» – спросил Роман,
Но с уважением, почтенно:
Он ведь и правда не был зван.

«Виталий Карлович Картуз!
Я в цехе зам по производству.
И в точности из моих уст
Вы передайте руководству:

Не стану с Вами дел иметь,
Пока не получу возможность

Хотя бы мельком посмотреть
Инструкцию на Вашу должность!

А нынче нас прошу покинуть!»
Роман был рад под землю сгинуть,
Но чтоб не слышать этих слов:
К такому не был он готов.

Роману скоро пятьдесят
(Уже сам возраст впечатляет!) —
Картуз его «пинком под зад»
Из цеха грубо выгоняет!

Роман с рожденья был раним,
И страхи до сих пор остались:
Ему казалось, что над ним
Рабочие – и те смеялись.

Нет, это надо прекратить!
Идёт он срочно доложить
Начальнику об инциденте
И непокорном элементе.

3

Арапов, выслушав его,
Ответил вяло: «Ничего,

Мы с этим после разберёмся». —
«Как после? Мы опять столкнёмся

С проблемой этой, если мне
Придётся в цехе очутиться!
Чтоб снова к Каргузу явиться
И говорить с ним наравне,

Обязанности типовые
Нам надо срочно утвердить!
Тогда смогу я заходить
И в цех, и даже в кладовые». —

«Тебе не место в кладовых!
Иные у тебя задачи!» —
«Но в чём же смысл задач иных?
Скажите мне, что это значит?» —

«Узнаешь после!» — был ответ
Арапова. Он отвернулся,
Сжал губы и в себе замкнулся,
Как истинный анахорет⁴⁰40.

Роман поставлен был в тупик:
Его обязанности зыбки,
Он до апреля — временщик,

Достаточно одной ошибки,

Чтоб все надежды и старанья
Трёхмесячного испытанья
Похоронил бездушный рок...
Ему укажут за порог.

Тогда зарплаты он лишится
(А он ведь так нуждался в ней!),
Жизнь снова в муку превратится,
И станет страх ещё сильнее!

4

Его уверенность страдала
И таяла день ото дня,
Его надежда покидала,
И он, Арапова браня,

Чтоб с Картузом не повстречаться,
Боялся в цех теперь ходить.
Стал телефона опасаться:
Сам перестал в цеха звонить,

Остерегался трубку брать,
Звонок услышав беспокойный...
И вскоре стал подозревать,

Что, как сотрудник недостойный,

Гоним он будет даже здесь,
В стенах заводоуправленья,
Его благие устремленья
К нулю сведёт людская спесь.

Он страхом был парализован:
Когда начальник вызывал,
Косноязычен был и скован,
Слова внезапно забывал,

Затем от внутреннего спора
С самим собой страдал в тиши...
Страх – ненадёжная опора
Для равновесия души.

Роман стал очень возбудим,
Он на Арапова сердился,
С мечтой своей пить кофе с ним
Без сожаленья распростился.

Намучившись, Роман решил:
Январь стал месяцем фатальным!
К его страданиям моральным
Прибавились: упадок сил,

Пищеварения расстройство...
Туфлями ноги он разбил
И, демонстрируя геройство,
С большим усилием ходил...

И в довершение всех бед
Под старой пломбой зуб сломался...
Роман уже не сомневался:
Против него весь белый свет.

Глава 6. Прошлое

*Удар, полученный в дни августа,
оглушил его на многие годы. Он
жил как контуженый, попавший
под фугасный взрыв.*

А. Проханов. Господин Гексоген

1

А были, были времена,
Когда он был благополучен,
Своей работой не измучен,
А жизнь спокойна и вольна!

Сударушкина заместитель,

Роман блаженно обживал
Инструментальную обитель,
Как все, работал, пировал.

В условиях социализма
Он беззаботно прозябал
И никакого катаклизма,
Как все в стране, не ожидал.

Он вкус имел и утончённость,
Их в институте развивал,
Но в браке всю свою учёность
Благополучно растерял.

Давнишний житель общежитий
Дождался радостных событий:
Квартиру получил, вступив
В жилищный кооператив.

Наташа счастлива была,
Хозяйкою став полноправной
В квартире, и вела дела
Императрицею державной.

Он телевизор полюбил
И стал заядлым домоседом,

Музеи стали под запретом,
В театры больше не ходил.

Но скучно стало, и включился
Он в дачный бум: участок взял,
Где он по выходным трудился,
А на работе отдыхал.

Всерьёз надеясь на отдачу,
Роман деревья корчевал...
Он думал, будто строит дачу,
А сам здоровье подрывал.

2

Но тут страна переменялась:
Власть коммунистов испарилась,
Как перелётные грачи,
Вдруг появились богачи.

Роману тоже захотелось
Богатым стать в один момент,
И начал он эксперимент —
Тот, где в цене азарт и смелость.

Роман уволился с работы,
Где все заведомо банкроты.

Есть новый путь: купил, продал —
И ты уже богатым стал!

Но, обладая с детских лет
Привычкой жить всегда по средствам,
Он занимался самоедством
И бизнес свой сводил на нет.

Он честно подводил итоги
И вовремя платил налоги...
Роман тогда ещё не знал,
Что миром правит «чёрный нал»...

Роман по городу метался,
Успех как будто намечался...
Как вдруг в разгар торговых дел
Болезнью странной заболел.

Роману было неуютно,
Когда один был, – хоть убей!
И вскакивал он поминутно,
Стремился быть среди людей.

Он спать ложился очень поздно,
Когда сдержаться, не заснуть,
Казалось, было невозможно...

Но стоило глаза сомкнуть

И в сон желанный провалиться —
Без всяких видимых причин
Вдруг сердце начинало биться,
И он всплывал из сна пучин.

Удары сердца нарастают,
Роману кажется уже,
Что кто-то за грудки хватает,
Трясёт... Он весь настороже...

Он от испуга просыпался
И вплоть до самого утра
Уснуть не мог, хотя пытался...
Настала тяжкая пора...

Признал себя капитулянтом
Роман, и ноги привели
К врачам... Болезни не нашли
И обозвали симулянтом.

Почувствовав толчки в груди,
Он не на шутку испугался,
Сошёл с опасного пути
И от торговли отказался.

Забыв о всех своих делах,
О бизнесе, о внешнем мире,
Он спрятался в своей квартире...
В Романе поселился страх.

Себя подвергнув карантину,
Кляня судьбу на все лады,
Он вдруг увидел всю картину
Творящейся вокруг беды:

Страна приходит в запустенье,
Народ на произвол судьбы
Цинично брошен... Как растение,
Что тихо чахнет без воды...

Никто не будет разбираться,
Как приходилось в мире жить,
Сейчас важнее постараться
От краха личность сохранить.

Бег, обливание и йога
Ему облегчили немного
Страдания, но всё же он
Был до конца не излечён,

И чтоб с недугом разобраться,
Продолжил он в себе копаться...
Так он попал в порочный круг
Эзотерических⁴¹ 41 наук.

Чтоб наградить вопрос ответом,
Он верил снам и всем приметам,
И ум подбрасывал загадки
В его тревожных снах украдкой.

Он интроверт был по натуре,
Прочитанному доверял,
И всё на собственной же шкуре,
Не отлагая, проверял.

Жена ждала, когда пройдёт
Его учёба на диване,
А он в ответ твердил: «Вот-вот
Найду источник силы в пране⁴²42!»

Позволь мне истину найти,
Она, я знаю, где-то рядом,
Я к ней уже на полпути! —
И он смотрел молящим взглядом. —

Тебе, я знаю, нелегко

Работать за двоих, но всё же —
Я погрузился глубоко
В проблему, это нам поможет.

Я дать смогу любой совет,
Развею в прах твою тревогу,
Откроется мне знаний свет,
И он укажет нам дорогу!»

Жена устала понимать:
«Всё изучаешь, изучаешь...
Нельзя на свете всё узнать...
Прости, но ты меня пугаешь!»

Семья несчастна без главы...
Мечты о будущем изящны,
Они прекрасны... Но, увы —
Жить можно только в настоящем.

Что можно было предпринять?
Скудна учителя зарплата,
И денег было маловато.
Брать в долг? Придётся отдавать...

Жена, не трать время даром,
Желая мужа поддержать,

Гонялась в Польшу за товаром,
Чтоб в Питере его продать.

3

Страна немного ожила
И быстро шла к капитализму,
Роман, забросив все дела,
Упорно рвался к альтруизму.

Поддавшись хаосу в стране,
Он будто бы утратил разум
И сам, по собственной вине,
Всего добра лишился сразу:

Машина, дача и гараж
Другим достались за бесценок.
Живя на деньги с этих сделок,
Роман уже вошёл в кураж:

«Помочь я бескорыстно рад,
Мне чужды кошельки тугие.
Я много заслужил наград,
Но получали их другие».

Уверовав в ничтожность жизни
И в бренность денег и вещей,

Жене он, кроме укоризны,
Других эмоций и страстей

Внушить не смог, как ни старался,
И с этой мыслью он расстался —
Лишь потому, что нужно есть,
А денег было тысяч шесть.

Случись, что он бы продолжал
Своей позицией гордиться,
То превосходный маргинал
Мог из него бы получиться...

И к этому всё плавно шло:
Роман рядиться стал в обноски,
Чтоб выделяться видом броским
Всем окружающим назло,

И в жизнь его вошли моменты,
Когда милиция к нему
Вдруг приставала, как к бомжу,
Чтобы проверить документы...

Но, слава Богу, есть жена,
И от сумы спасла она!
Роман призвал своё терпенье

И подрядился на пельмени.

Захваченный в водоворот
Дел повседневных и забот,
Работал, страх преодолая,
О нём порою забывая.

С деньгами стало веселей,
Романа радовал достаток...
Пришла пора плохих вестей —
И был закрыт его участок.

Он неудачу пережил,
На это месяца хватило.
Роман попробовать решил
На макаронах свои силы,

И целый год трудился там,
Терпел презрение хозяев,
Потом ушёл, теперь уж сам,
Устав от вечных нагоняев.

Он был лишён моральных сил
И мужества от невезенья,
И у Наташи попросил
Отсрочку для восстановления.

Наташа, видя, что Роман
Устал, ему благоволила,
Пойдя на маленький обман,
Купить компьютер попросила.

И он увлёкся: целый год
Сидел, компьютер изучая,
Упорно двигался вперёд,
Дней и ночей не различая.

4

У них был сын, Борей Максим,
Но встречи были с ним коротки:
Максим на севере служил,
На атомной подводной лодке.

О, как гордимся мы собой,
Когда у нас рождаются детки!
Потом смиряемся с судьбой,
Когда свиданья с ними редки:

У каждого из них своя
Судьба, что не даёт покоя,
Влечёт их в дальние края...
Подводников – на дно морское.

Когда твой сын на глубине,
Невольно на душе тревожно,
Но, зная, что не на войне,
С тревогою смириться можно...

Жаль, мы не вправе заключать
С самим Нептуном соглашения —
Там, где бессильна наша власть,
Нередки жертвоприношенья.

Случилась страшная беда:
Разрушил корпус взрыв короткий —
И поглотила глубина
Весь экипаж подводной лодки.

Не смог оправиться Роман
После такого потрясения...
Но взялся он не за стакан —
Читал до умопомрачения.

Глава 7. Издержки землячества

На лице у него попеременно выступал не то страх, не то тоска и досада. Видно было, что его одолевала внутренняя борьба,

а ум еще не являлся на помощь.

И. Гончаров. Обломов

1

Настал февраль, и с каждым днём

Росло Романа озлобленье.

Арапов вспоминал о нём,

Когда видал, что на мгновенье

Оставил он рабочий стол

И для разминки отошёл

На несколько шагов в сторонку,

И говорил с угрозой громко:

«Я вижу, ты у нас без дела?

Работу я тебе найду!»

Роман садился и несмело

Оправдывался на ходу.

Что недостаточно загружен,

Роман боялся подтверждать:

Зачем же он тогда здесь нужен?

Раз так – зарплаты не видать!

Борей на фоне сослуживцев,

Работой занятых счастливцев,

Себя изгоем ощущал
И о занятии мечтал.

Чтоб от других не отличаться
И у начальства быть в чести,
Гадал он, чем ему заняться
И как с людьми себя вести.

Он видел, что у тех заданий,
Что он так редко получал,
Нет чётких, ясных очертаний:
Как губ Арапова овал,

Они бесформенны, размыты
(Не линии, а бахрома),
Их цель и смысл надёжно скрыты
От неокрепшего ума.

Однажды, по пути к метро,
Роман, увидев, как овчарка
Ворону в зоне лесопарка —
То зрелище, как мир, старо —

Облаяла, подумал грустно:
«И у собаки дело есть,
А у меня, хоть встать, хоть сесть,

Дел нет, а без работы скучно».

О, горе, двадцать первый век!
Насколько жалок человек,
Что позавидовал собакам!
Пусть это будет сильным знаком.

2

Всё вызывало его гнев:
Потребность рано просыпаться;
По эскалатору спускаться
В метро глубокий страшный зев;

Пыль на полу; людской поток;
Противно пахнувший чеснок
На фоне пива или водки —
Дыхание лужёной глотки;

Вид опустившихся мужчин,
Что разучились чистить обувь
И знают тысячи причин
Не уступать места убогим;

Стаккато женских каблуков,
Подобно стуку молотков,
По нервам бьющее бичами;

Мешки под сонными глазами;

Овалы бледных женских лиц —
Ещё без губ и без ресниц,
А лишь готовых к нанесенью
Румян, помад, к подводке тенью —

Как для матрёшек заготовки,
Что для покраски, лакировки
Лишь подготовлены слегка
И очереди ждут пока;

Народ, встающий спозаранку,
Как вывернутый наизнанку,
Угрюмо шедший на завод,
Неся в кармане бутерброд;

Бутылки, воткнутые в снег,
Как памятник самодовольства,
Как признак буйства без помех
И бесполезного геройства...

Унылый вид... Потухший взгляд...
Рука с горячей сигаретой...
Возле метро он был не рад
Мелькать статистом в сцене этой...

И лишь бойцовые старушки,
Что, лихо шапки заломив,
Молотят сумками друг дружку,
Простор метро не поделив,

Порой немного отвлекали
И вызывали его смех...
Жаль, мало их, старушек тех,
Что избавляют от печали.

3

Но в середине февраля
Слегка поводья отпустили,
Когда к ним на исходе дня
Шумахера переселили —

С помощницей неясных лет,
Бумаг и папок ворохами,
Заявками на инструмент,
Двумя свободными столами.

Был переезд осуществлён
Стремительно, в одно мгновенье.
Евстрат был очень удивлён,
В словах сквозило раздраженье:

«Тебя я здесь не ожидал!
Теперь нарушена компактность! —
Затем, чтоб скрыть свою бестактность,
Евстрат Шумахеру сказал:

– Амелькина недавно встретил...» —
«И что же? Как сейчас Иван?» —
«Я перемены не заметил:
Амелькин, как обычно, пьян!»

Они немного посмеялись,
Потом снабженцы дружно взялись
В углу порядок наводить,
Где их решили разместить.

4
О столь невыгодном контрасте
Роман и думать не посмел —
Он статуей весь день сидел,
А рядом с ним кипели страсти:

Шумахеру цеха звонили
И кладовщицы приходили,
А он на них, как господин,
Смотрел с заоблачных вершин.

Роман, в добавок, ощутил
Свою беспомощность сильнее,
Когда Арапов лист вручил,
На нём – таблица, рядом с нею

Сам генеральный написал:
«В.И., как будем экономить?»
Гудков переадресовал:
«Г.П., Борейя ознакомить

И вместе срочно доложить!»
В таблице – список инструмента...
Роману не хотелось жить.
Он в страхе ждал того момента,

Когда придётся на доклад
Идти, что сам Гудков назначил...
Он доложить и был бы рад,
Но так работать и не начал:

«Зачем хожу я на завод?
Ведь то, что названо работой,
Не более чем скуки плод,
Вознаграждаемый зевотой...»

Зато Евстрат стал поручать
Роману мелкие задания,
Что позволяли покидать
Не только стол – пределы зданья:

В копировальное бюро —
Для размноженья документа,
На посещение клиента
В охране получить добро.

Романа это удивляло:
Ему никто не предложил,
Чтобы Евстрату он служил.
Тогда бы это означало:

Он должен статус поменять
И впредь задания выполнять,
Достойные не инженера,
А примитивного курьера.

Жидков Романа поддержал:
«Я это тоже испытал:
И пропуска, и размноженья,
И остальные униженья...

Надеюсь, временно всё это...»

Спросил и у жены совета
Роман, не зная, бунтовать
Или свой гнев пока скрывать:

«Хотел бы я понять причину,
Дающую Евстрату власть...
Он резко поменял личину
И мною пользуется всласть...

Единственный законный повод
Распоряжения давать —
Он любит кофе распивать
С Араповым...» — «И это довод?

Какая должность у него?» —
«Того никто из нас не знает...
Ах, да! Он часто посещает
Гудкова... Больше ничего!

Так почему я должен слепо
Его задания выполнять?
Всё унижительно, нелепо...
И больше нечего сказать». —

«Но, может, лучше потерпеть?» —
«Конечно, лучше прогуляться,

На свежем воздухе размяться,
Чем за столом весь день сидеть.

Жидков всё это испытал —
Сейчас работой не обижен.
Теперь, видать, мой час настал.
Мой статус временно занижен,

Чтоб испытание пройти...
На преданность, я полагаю...
Я справлюсь, чтобы обрести
Всё то, о чём давно мечтаю:

Компьютер он мне должен дать,
Зарплату и местечко лучше...»
И он продолжил выполнять
Заданья, что давал Онучин.

5

В столовую тот не ходил,
И неизвестно чем питался,
Лишь кофе очень часто пил
Да у Гордея угощался.

Он у Романа стал просить
Чай, сахар, кофе растворимый.

Был рад Борей, всегда учтивый,
Свои услуги предложить.

Но каждое благоденье
Рождало новое страданье:
Роман, как только сахар брал,
Всегда брезгливо замечал

Неряшливые крошки кофе
На сахаре. Роман немел
От всех подобных грязных дел.
То было близко к катастрофе!

Ему казалось, что, смеясь,
Евстрат ступает сапогами
На скатерть белую, и грязь
Летит огромными кусками!

«Он словно мне даёт понять,
Что занят слишком важным делом,
Чтоб сахар, кофе покупать,
И всяким глупым, неумелым

Он оставляет эту роль...
Ну, нет уж, ты меня уволь!»
Когда Онучин обратился

К нему за кофе, он решился:

«А ты не будешь возражать
Слегка порядок поменять?» —
«Сначала сахар, полагаю?..
А-а, понимаю... Понимаю...»

Роман весьма доволен был,
Что честь достойно защитил:
«Онучина я не обидел,
Я вежлив был, он это видел».

Процесс глотанья кофе – тонкий...
Язык слегка прижат к губе...
Евстрат глотал, рождая громкий
Звук, словно в фановой трубе.

Борей скопировать решился
Тот мерзкий булькающий звук,
Глотнул – и чуть не подавился:
Не примеряй чужой сюртук!

6

Внезапно заболел Савчук.
Арапов поручил Роману
Сменить больного и по плану

Трудясь, не покладая рук,

Важнейшее продолжить дело.
И начал он, сперва несмело,
В отделы и цеха звонить,
С сотрудниками говорить.

Печатал кипы документов
И их по почте отправлял,
Потом ответы получал
Цехов, заводов-контрагентов.

Он договоры оформлял,
Подписывал у руководства,
Ни в ком из них не замечал
Ни тени спеси и господства.

Борей как будто вдруг попал
В мир совершенно незнакомый,
Себя уже не узнавал,
Другими целями влекомый.

Стол, за которым он дремал
В местечке тихом и укромном,
Вдруг все условности сломал —
Стал, как Вселенная, огромным.

На месте, где Борей согбенный
Сидел озлоблен, нелюдим,
Явился господин почтенный,
Который всем необходим.

Арапов тоже изменился —
Как будто образ поменял::
Стал собранным, остепенился,
Задания теперь давал

Предельно чётко и понятно,
И так же строго, адекватно
Он требовал их выполнять.
Однажды даже попенять

Пришлось Романа за задержку
При оформлении счетов:
Роман пока был не готов
Иметь в делах такую спешку.

Однажды он искал в столе
У Савчука, в его записках,
Бумагу, что найти велел
Арапов, – нечто вроде списка

Увидел. Множество имен
Найти надеясь, глянул мельком —
И был он очень удивлён:
В нём сплошь – фамилия Амелькин.

Все строки списка – только он,
Напротив – время входа в здание,
И всяк поймет, в чём он грешон:
Везде – сплошные опоздания.

И раз в столе у Савчука
Тот список непростой хранился...
Знать, он следил исподтишка
За тем, кто в чём-то провинился.

7

И вскоре радостная дата —
Борея первая зарплата!
Как только деньги получил,
Роман супруге сообщил:

«Я точно выбрал цель свою —
Найти несложную работу,
Чтоб снять извечную заботу —
Как прокормить свою семью.

Арапов вёл себя манерно,
Но обещание сдержал:
Начислил, как и обещал,
Пять тысяч ровно... Здесь всё верно.

Три месяца пройдёт – и надо
Начальству задавать вопрос
О повышении оклада...
Я до него уже дорос!»

Глава 8. День Защитника Отечества

Кто столь пропащий из вас, столько безумен, что скажет патрону:

*«Пей!» Очень много таких существует вещей, о которых
Люди в дырявой одежде никак говорить не посмеют.
Ювенал. Сатиры*

1

Февраль к концу... Но так же снежно
И так же ветрено пока,
Стоит мороз... Но неизбежно
Когда-нибудь придёт весна.

Хотя сомненья всё же есть,
Что столь близка благая весть, —

Сурова Севера природа,
Капризна Севера погода.

На свете не везде найдёшь
Места, где веры нет прогнозам,
Туман, переходящий в дождь,
И солнце, жгущее морозом.

Здесь стоит лишь зиме начаться —
Уж от неё не отвязаться:
Проходит март, апрель грядёт,
А снег по-прежнему идёт.

Уже пора начаться грозам,
Но не торопится весна,
И время сковано морозом,
И снежных бурь стоит стена.

Нас крепко держит Норда длань:
Мы ежегодно платим дань,
Терпя в разгар весны, в апреле,
Морозы сильные, метели.

Мы долго с нетерпеньем ждем,
Когда подует ветер южный,
Но валит снег, такой ненужный,

Его все больше с каждым днем...

Недоуменье возрастает...

Но снег давно уже не тот:

Хоть он по-прежнему идёт,

Но в тот же день бесследно тает.

2

Так в ожидании весны

Сидел Роман – вновь без работы.

Задачи снова неясны,

И скулы сводит от зевоты.

К нему вернулось опасенье,

Что за малейшее движенье

Его Арапов обвинит

В том, что от дела он бежит.

Его, как прежде, удручало,

Что слово редкое звучало,

И каждый был сам по себе,

В работе тяжкой, как в борьбе,

Себя нещадно истязая:

Савчук, задумчиво склонясь

И головы не поднимая;

Стучал усердно, не ленясь,

По старенькой клавиатуре
Жидков который день подряд,
К черновикам, как к партитуре,
Переводя суровый взгляд.

Роман чуть позже уловил,
Что фон рабочий изменился
С тех пор, как к ним переселился
Инструментальный коллектив.

Он, сожалея, что напрасно
Ввязался в этот технадзор,
Стал различать довольно ясно
Двух голосов негромкий хор.

Но от компании из тех,
Кто был работою измучен,
Стоял особняком Онучин.
Он был общительнее всех

И разговоры о футболе
Сам без стеснения начинал:
Кто, с кем, когда и как сыграл,
Об игроках, забитом голе.

Забыв про тяжкий свой обет,
Все в этот разговор включались,
Помолодев на много лет,
Они шутили и смеялись.

Всё это было бы нормально
(Работа есть – гляди орлом!),
Когда бы не вздыхал печально
Савчук за письменным столом

И из груди Жидкова крепкой
Не вырывался тихий стон.
Любой из них был незаметной
Стеной молчанья окружён.

3

Роман уверен был: пройдёт
Два месяца или чуть больше —
Стена молчанья станет тоньше,
И напряжение спадёт.

«Застолье – вот что нам поможет, —
С надеждой размышлял Борей, —
И стену эту уничтожит.
Эх, был бы праздник поскорей!

Ещё ни разу в жизни этой
Рецепт сближенья не подвёл,
Каких людей – простых, известных —
Со мной он не однажды свёл!

И знал людей любой из нас,
За стол садящихся врагами,
Но расстающихся друзьями,
Пусть даже на короткий час.

Известно: пьянство – это грех!
Но водка свойством обладает —
Она уравнивает всех,
И каждый пьющий это знает.

И напряженье в коллективе —
Его я чувствую нутром! —
Должно исчезнуть в перспективе.
Пройдёт наш комнатный синдром.

Есть уважительный предлог —
Грядёт День Армии и Флота.
Эх, если бы я только мог
Всех из застойного болота

Увлечь, чтоб вместе ощутить
Все преимущества общенья!
И я готов... Но есть сомненья:
Кто первый должен предложить

Организацию попойки
(Ведь смысл именно такой!)?
А может, в годы Перестройки
Мутировал наш ген мужской?

Нет, мне нельзя! Я здесь недавно...
Себя пока не проявил...
Савчук? Работает исправно,
И на заводе старожил.

Да и Жидков в авторитете:
Завален кучей важных дел —
Замолвить слово о банкете
И он бы мог... Когда б хотел...

Нет, эти явно не хотят,
Смирились с вялым самотёком,
И от меня отводят взгляд,
Когда смотрю на них с намёком.

Их, может, парализовал

Амелькина пример порочный?
Все помнят, как ему давал
Онучин свой эпитет точный!»

4

Но наступило, снег стеля,
Двадцать второе февраля,
Канун Дня Армии и Флота,
Романа главная забота —

И понял он, лишь день начался:
«У нас не будет ничего!»
Обед неспешно приближался,
И за минуту до него

Пришёл Арапов. С ним Онучин,
Он почему-то целый день
С Араповым был неразлучен
И следовал за ним, как тень.

Уселись, пристально глядят —
То ли просяще, то ли строго,
О чём-то тихо говорят
Между собою у порога...

Как будто бы чего-то ждут...

А может, сторожат кого-то...
Минуты между тем идут,
И всё сильнее есть охота...

Роман к Жидкову повернулся,
Взгляд бросил в сторону дверей —
Жидков немедля встрепенулся:
«Пойдём в столовую скорей!»

И только вышли в коридор,
Как в нос ударил запах водки,
Картошки, лука и селёдки —
Нетленный праздничный набор!

Пустынно было в коридоре,
А из-за запертых дверей —
Шум голосов в нестройном хоре
Желавших выпить поскорей.

В столовой тоже пусто было.
Борей с Жидковым, не спеша,
Поев досыта гуляша,
Вернулись в офис свой уныло.

5

Всё так же за столом сидели

Онучин и его патрон.

Арапов встал, свой скромный трон
Покинул и пошёл отселе,

Онучин вслед заковылял.

А праздник силу набирал.
Вот дамы, скромные вначале,
Теперь уже, как на вокзале,

Свободные от строгих бразд,
Галдели, кто во что горазд,
Своих героев поздравляя...
И чуточку обожествляя.

Звон рюмок... Громкий разговор...
И вот запел нетрезвый хор.
Потом столы отодвигали
И, словно в танцевальном зале,

Раздался дружный топот ног
Как раз над головой Романа.
«Да, славный выдался денёк! —
Подумал он под звук канкана. —

Какое разочарованье!
Не коллектив – одно названье!

И каждый будто позабыл,
Что он в стране советской жил».

Конец «работы» был всё ближе,
Арапов вновь их посетил.
«Нет мужиков у нас, я вижу!
Сейчас я это ощутил», —

Сказал он, не скрывая злости,
И, подчинённых оценив,
Кому-то тут же позвонив,
Нахально напросился в гости.

Глава 9. Новые цели

– Научись чему-нибудь, – сказал он, меняя тему. – Тогда время станет твоим союзником, а не врагом.

П. Коэльо. Пятая гора

1

Онучин, если он бывал
Насмешливым и многословным,
Частенько экзаменовал
Сотрудников на знанье «мовы»⁴³43.

Все знали: произведена
Компьютера переналадка —
В клавиатуру введена
И украинская раскладка.

Евстрат коллегам объяснял
Причину странного занятия:
Мол, много писем отправлял
Он украинским предприятиям.

Борей решил, что он чудит,
Относится, как к безделушке —
Евстрат не только говорит,
А даже думает по-русски:

«Ты любишь Крым, понятно дело,
И хочешь поддержать плечом,
Чтоб жизнь в Керчи не оскудела...
Но «мова», «мова» здесь причём?

В Крыму на русском говорят...
Как, в основном, и в Украине.
Опасно здесь входить в азарт,
Всех принуждая к новой жизни —

В особенности к языкам.

Кто чей язык предпочитает
И чью культуру выбирает —
Не нам судить издалека». —

«Задач немало у отчизны,
Что призвана она решить,
Ей образ мыслей, образ жизни,
Культуру важно защитить.

Культура есть душа народа,
У каждого она своя,
Субстанция такого ж рода,
Как человеческое «я»». —

«Но в русскую культуру вклад
Внесли украинцы огромный,
Быть ей чужими – шаг назад,
Поступок для страны разгромный». —

«Культурного наследия доля
На русском создана была...
И это – сущая неволя,
Свободной нации хула!

Мы иностранные слова
Твердим до умопомраченья,

Бездумно, ради баловства,
Не понимая их значенья.

Кавур Камилло⁴⁴44, граф, сказал,
Что он Италию создал,
Сломив засилье иностранцев,
Теперь создаст он итальянцев...

И перед нами та же цель
Стоит – украинцев создание...» —
«Ну, а в «техническом задании»
Указана уже модель?» —

«Этническое⁴⁵45 государство
Нам не создать – проблем не счесть...
Но в политически-гражданском
Формате – тут подвижки есть.

На базе социокультуры⁴⁶46
Консолидация⁴⁷47 идёт». —
«Но ведь в основе всей структуры —
Язык, что Рада⁴⁸48 изберёт...» —

«Надеюсь я, что обойдётся:
При соблюдении всех прав,

Свобод, всё общество сольётся
В единый монолитный сплав.

Места, что стали им родными,
Полюбят русские нежней,
И станет языка важней
Их принадлежность к Украине». —

«Всё очень хрупко там пока,
И ваша резвость всё погубит.
Лишите русских языка —
И вы увидите, что будет!

Однажды вспомнят, кто они,
Все ваши «квазиукраинцы»⁴⁹49,
И годы с «мовою» возни
Не будут стоять и мизинца!» —

«Едва решим мы уравнивать
В правах украинский и русский,
То сразу примется болтать
На русском аппарат чинушский

И «мову» позабудет враз —
Предвижу низкое коварство...
Нет, двуязычие у нас

Не станет целью государства!» —

«Но с незапамятных времен
Существовало двуязычье:
Был русский языком панов,
В низах – наречие мужичье.

Всё это для меня – азы,
Нас в школе этому учили:
На «мове» только лишь низы
Украинские говорили.

Похвально слушать предков зов
И развивать родную «мову»...
Но почему язык низов
Вы взяли решили за основу?

Бессилен кто-либо помочь
Наречиям региональным,
Как для Германии «хохдойч»⁵⁰50,
Стал русский языком тотальным.

Тому, кто трогал небеса,
На землю тяжело спустаться!
Нет, «мове» с русским не тягаться,
Хоть в ней природная краса.

Ведь тяга к языку созвучна
С возможностями языка.
Он будет царствовать века,
Когда в нём всё благополучно.

Необходимо всем признать:
У «мовы» статус очень узкий,
Захочешь «мову» развивать —
Получишь в результате русский.

«Имперский» русский наш язык
Поймёт украинец прекрасно,
К нему давно уже привык,
И знает он, что не напрасно.

Вполне достаточным был факт
Для всех украинцев советских,
Что существует некий пакт,
Надёжный, из разряда веских —

Украинских газет и книг
Он гарантирует издание,
Поддерживая процветанье
Украинских поэтов в них...

Поэтов тех мы не читали,
Зато приятно было знать,
Что этнос наш не обижали.
А больше нечего желать». —

«Быть Украине «незалежной»⁵¹ 51!
И «мова» – символ всех свобод.
Свою судьбу страны успешной
Сам будет выбирать народ!» —

«Мне кажется, здесь заблужденье...
Для тех, кто был родней всегда,
Имел одно происхождение,
Язык единый – не беда.

Весь мир стремится к единению
И усилению структур...
А Украина – к разделению
Неразделимых двух культур.

Какой-то дьявольской стихией
Вдруг поразило всю страну —
Все жаждут возвести стену
Меж Украиной и Россией.

Язык, явление культуры,

Вдруг под влияньем Сатаны
Стал средством смены конъюнктуры⁵²
В масштабах общества, страны.

Мы отовсюду слышим брань,
Её источник на Майдане⁵³...
А есть ли между нами грань?
Я сам проверил – нету грани!

Наполовину украинец,
Я здесь, в России, русским стал —
И ничего не потерял,
Я дома, а не на чужбине.

Мне не пришлось себя ломать,
Чтоб раствориться в местных нравах.
Пришлось свой уровень поднять
В культуре, моде и забавах.

Ну как Россию отделить,
Когда родни здесь половина?..
Ты тоже, что ж душой кривить,
У тётки проживаешь с сыном...

Ведь то же самое прошли
И наши светочи культуры —

Они опоры здесь нашли
Под новый взлёт литературы». —

«В России тоже высший свет
Беседы вёл лишь на французском,
Но Пушкин моду свёл на нет —
Заставил говорить на русском». —

«И тут ты абсолютно прав:
Мы «мову» тоже изучали...
Но, сказки Пушкина познав,
Мы русский навсегда избрали...»

2

Роман со временем узнал,
В чём суть Онучина работы:
Он без конца, не зная квоты,
Руководителей снабжал

Огромной массой документов
(Докладов, графиков, статей,
Рекламы, планов и речей) —
Аналог службы референтов.

Всё это в массовом числе,
Эксплуатируя СУБД ЛИНТЕР⁵⁴54,

Он отправлял на общий принтер,
Стоявший на его столе.

Бумаги пачка – тут же, рядом,
И, в соответствии с обрядом,
Брать ту бумагу каждый мог
Без мысли запастись впрок.

«Как быстро пачка убывает, —
Сказал задумчиво Евстрат. —
Транжирство нам не подобает,
Наш долг – снижение затрат!»

И в личный шкаф убрал бумагу.
Роман к Евстрату на поклон
Ходил, всегда был вежлив он...
Пока не прорвало беднягу:

«Глупее не встречал помех —
Просить бумагу для работы!
Бывают в жизни анекдоты,
Но этот же нелепей всех!»

И он в отсутствие Евстрата
Листов десятка три стащил,
Решив, что, обокрав собрата,

Он не фатально согрешил.

И вскоре новый цикл начался:
Никто бумагу не просил,
И принтер лишь тогда включался,
Когда Онучин уходил...

3

Идиллии очарованье
Внезапный поворот сменил —
На экстренное совещанье
Их всех Арапов пригласил.

Картавя больше, чем обычно,
Он строгим голосом сказал:
«Я вас предупреждаю лично,
Чтоб впредь любой из вас писал

Для предварительной проверки
Сначала всё в черновиках
На забракованных листах!
И, как рачительные клерки,

Печатать можете тогда,
Когда я дам вам разрешение!
Понятно вам моё внушеньё?

Всё, за работу, господа!»

Такой приказ, вполне логичный,
Был для сотрудников не нов...
Но не было у них приличной
Бумаги для черновиков.

Отходы творчества Евстрата
Лежали кучей на столе,
Бумага, в основном, измята,
И он везде запечатлел

Своих пометок закорючки
Или оставил вкривь и вкось
Глубокие, как варикоз,
Следы от шариковой ручки.

На тех листах, с собой борясь,
Роман писал с тоской понятной:
Следы от ручки неопрятной
Ему напоминали грязь.

И вдруг спаситель объявился:
Из дома приносил Жидков
Бумаги множество листов
И с сослуживцами делился.

Его жена была диспетчер
В оптовой фирме, каждый вечер
Она носила для родных
Листы негодных накладных.

4

Борей по-прежнему сидел,
Далёкий от великих дел,
Лишь разовые порученья —
Вот суть его предназначенья.

Он не впервые заменял
Активность праздностью сидячей —
Как душ холодный и горячий
Он словно бы переключал.

Наташа не могла понять:
«Как можно ничего не делать —
При том зарплату получать?» —
«Как мне всё это надоело! —

Стонал Роман. – Но я-то пешка,
Мне всё равно – затишье, спешка,
Работать я готов всегда...
Но что же эти господа?

Страну найдите в целом мире,
Способную себе в ущерб
Ресурс рабочий так транжирить,
Позоря свой державный герб!

И как велик потенциал
Страны, позволившей такое,
Что испытал я поневоле.
То не страна, а идеал!» —

«Мы не умеем экономить,
Нас воспитал социализм...» —
«Тогда я мог себе позволить,
Не сознавая свой цинизм,

Исправно получать зарплату,
Бездельничая целый день...
И неизбежную расплату
Я заслужил за свою лень:

Страны величье пало прахом,
Стал беззащитным человек,
И я безденежьем и страхом
Наказан был за тяжкий грех.

И вот я вновь твержу: всё славно,
Раз деньги платятся исправно...»
Но разум начал бунтовать,
И он Excel стал изучать.

Но, помня прежние ошибки,
Он укротил свой разум пылкий —
Excel украдкой изучал,
Чтобы Арапов не узнал.

К компьютеру он приближался,
Когда задание имел,
Он им, как ширмой, прикрывался,
А сам штудировал Excel.

Задание неспешно сделав,
Тянул отчёт до тех пределов,
Чтоб сам начальник приходил
И с выполнением торопил

(Бывали случаи порою,
Что он задание давал,
Но вдруг, чувствительный к настрою,
Об этом напрочь забывал).

И сразу всё переменилось!

Роман в работу погружён,
Рабочий день стал напряжён,
И время словно уплотнилось.

В Excel'e стал авторитетом
Борей, и часто за советом
Жидков, Савчук и сам Евстрат
К нему ходили. Он был рад.

5

И вновь рутина: день за днём,
Неделя следом за неделей...
Светиться внутренним огнём
Нет оснований в скучном деле.

Однажды в пятницу, в канун
Столь ожидаемой субботы
Арапов грустный заглянул
К ним. Близился конец работы.

Арапов молча побродил
По комнате, засунув руки
В карманы брюк. Он проследил
За ходом дел в подвластной группе

И очень грустно произнёс:

«Вокруг такое безучастье...
А между тем у нас несчастье!»
Роман растроган был до слёз,

Когда Арапов удалился,
К Евстрату сразу обратился:
«Какая у него беда?
Признай, увидишь не всегда
Могущественного владыку,
Похожего на горемыку!» —
«Беда? Не слышал ничего
Ни от других, ни от него... —

Евстрат потёр своё чело: —
Я понял, что произошло
С Араповым! Его в субботу
Директор вызвал на работу».

Глава 10. Новая мебель

*Всесильная барыня вынуждена была
сознаться, что если она поведёт эту
борьбу дальше, то ей придётся все дела
бросить и всю себя посвятить усмирению
строптивой рабы.*

1

Март наступил, но вновь весна
Готова холоду отдаться,
Привыкнув силе подчиняться,
Она в желаньях не вольна,

И, как девица с лёгким нравом,
Способна поступиться правом
Теплом одаривать людей.
Она покорна, как лакей.

Весна и лето – две сиротки,
Они слабы, бесправны, кротки,
Им достаётся без конца
От злого Севера-отца.

Зима – любимая дочурка,
Вся в папу – тоже самодурка,
Лишь ей позволено не спать,
Режим с диетой нарушать,

Капризам подчинив метели,
Сестёр зелёные постели
Холодным снегом засыпать,

Морозом мартовским щипать.

Роман был южный человек,
И, солнцу преданный навек,
Весну он ждал всегда с надеждой,
Такой же сильной, как и прежде,

Когда пространство голых крон
Вдруг заполнялось щебетаньем,
И даже карканье ворон
Сменялось нежным воркованьем.

Но каждый год он думал зло:
«Март наступил, а где ж тепло?
Нет, стужу, что давно постыла,
Лишь тёплая зима сменила.

Она все сроки превзошла,
Знать, у неё большие связи».
Когда захочется тепла,
Порадуешься даже грязи...

2

В начале марта прибыла
Давно заказанная мебель.
И вот теперь Роман – владелец

Большого нового стола

А также офисного кресла.

Его душа опять воскресла,

От мысли, что надолго тут,

Он ощутил покой, уют.

На удивленье, привезли

Всё в изобилии, с запасом,

Как будто загодя учли

Все расширенья штатов разом:

Шкафы, пять кресел, пять столов.

И сразу заменил Жидков

Своё разболтанное кресло

И в новом упокоил кресла.

Трёх мелких ящичков стола

Роману явно не хватало,

И тумбочку для барахла

Он взял, что лишняя стояла...

«Нельзя!»— вдруг громко произнёс

Жидков. Роман слегка опешил,

Но всё ещё надеждой тешил

Себя: «Ты говоришь всерьёз?» —

«Я не шучу! С другим столом
Она в комплекте поставлялась». —

«Она бесхозная валялась
И мне досталась поделом!» —

«А вдруг придёт сотрудник новый?
Как быть?» — упорствовал Жидков.
«Ответь мне на вопросик плёвый:
Когда?» — «Не знаю... Не готов...» —

«Вот именно! Ты точно знаешь,
Что он когда-нибудь придёт?» —
«Нет». — «Почему ж тогда решаешь
Дела такие наперёд?»

Порядка адвокат суровый
В ответ на это лишь молчал,
И только цвет лица багровый
Его упрямство выдавал.

То кресло, что Жидков расхлябал,
В отместку за суровый нрав
Роман между столами спрятал,
И был уверен в том, что прав.

3

Механик главный Влад Пригожин
Имел огромный инвентарь,
И для учёта был положен
Ему по штату секретарь.

Арапов разрешил взять Свету,
Чей муж был здесь же программист,
В обмен же на услугу эту
Им был навязан компромисс:

К ним в офис Света приходила,
Чтоб напечатать документ
Для нужд Арапова, и было
Всё без проблем на тот момент...

Но в кресло новое уселась,
Едва печатать начала —
Остановилась, огляделась,
Плечами нервно повела,

Увидела Жидкова кресло
И стала выдвигать его...
Роману стало интересно:
Ведь там же масса проводов,

Лежащих на полу вдоль стенки,
В них даже не видать колёс!
Мужчина стал бы на коленки
И быстро разрешил вопрос.

Но женщине едва ль прилично
В присутствии других мужчин
Вдруг наклоняться энергично...
Без уважительных причин.

Она упрямо-монотонно
Катала кресло взад-вперёд,
Надеясь – и вполне резонно —
Вдруг кто на помощь ей придёт...

«А чем тебе не угодило
То кресло, новое?» – спросил
Роман упрямыцу уныло,
Когда та выбилась из сил.

«То кресло жёстче, между прочим,
А это мягче, не скрипит...
На месте на моём рабочем
Точно такое же стоит...»

Роман был очень зол на Свету,

Что креслом увлеклась другим,
И наказать глупышку эту
Решил буздушием глухим.

Под звуки женского сопенья
Роман мучительно гадал:
«На сколько хватит ей терпенья?..
Я бы давно уже отстал...»

Роман не понял, как случилось,
Что кресло вдруг само собой
От проводов освободилось!
Роман решил: «Какой-то сбой...»

Светлана вмиг расположилась,
Набрав короткое письмо,
Через минуту удалилась...
Осталось кресло... как бельмо.

Его ещё сильнее взбесили
Дела слабейшей из полов:
«Затратить максимум усилий,
Чтоб напечатать пару слов!

Сию короткую записку
И стоя можно бы набрать...

Хоть голосок подобен пisku,
А воли ей не занимать!

Среди мужчин, едва знакомых,
Стремится преподать урок,
Я в обстоятельствах подобных
Себя вести бы так не смог».

Скрипело кресло от натуги,
Когда Роман печатать сел,
Да подлокотники, как дуги,
Торчат – и локти не у дел.

Душа стонала от протеста:
Сев в опороченное кресло —
То, что Жидков забраковал,
Он как на свалке побывал!

Его душа опять воскресла,
Когда вернул он статус-кво:
К компьютеру придвинул кресло
Такое же, как у него,

А кресло старое Жидкова
Задвинул в гущу проводов...
Не думал он, что Света снова

Отвергнет плод его трудов.

Она обиженно вздыхала
(Что злит мужчин сильнее всего!),
И кресло старое терзала,
Пытаясь выкатить его.

И кресло вновь, каким-то чудом
Колёса вырвавши из пут,
Скрипело верно ей, покуда
Она печатала свой труд.

«Наверное, я как мужчина
Обязан был бы ей помочь?..
Но не могу, и в том причина,
Что своевольна Евы дочь!

Хоть очень редко к нам приходит,
За кресло биться ей не лень —
Настойчиво, при всём народе...
А мне сидеть в нём целый день.

Она доводит до кручины,
Но я ей сделаю больней:
Ведь слабостью своей мужчины
Всех женщин делают сильней!

А может быть, мне попытаться
Ей осторожно намекнуть,
В чём суть проблемы?.. Всё напрасно —
У женщины иная суть:

Твоё благое намеренье
Раскрыть ей смысл своих идей
Она расценит как стремленье
Оправдываться перед ней.

Эмоции на первом месте,
Будь ты хоть бесконечно прав,
Амбиции важнее чести —
Вот женщины природный нрав.

Мужчины зыбко положенье:
Не должен с дамой воевать,
А если уж попал в сраженье,
То и не должен побеждать.

Венец достоинства мужчины —
Он от рожденья до кончины
Обязан женщин почитать,
Ведь суть природы женской – мать.

И коль мужчина не считает
Возможным женщину жалеть,
О мужестве пусть не мечтает,
Такой черты в нём просто нет!»

Та мысль Романа поразила:
Светлану наказать клянясь,
Он демонстрировал не силу,
А слабость, с женщиной борясь!

Так вот что силу ей давало!
Он, волю злости дав своей,
Был с ней жесток, и Света знала,
Что он беспомощен пред ней.

«Нет, злость в делах плохой советчик!
А может, Свету мне простить?
Но если Света мне перечит —
Она насилие вершит.

Зачем?.. Затем, чтоб пожалели...
Так, может, пожалеть её?...»
Роман устал от канители,
Где каждый защищал своё...

Как долго б это продолжалось —

Об этом ведал лишь Творец...
Но вдруг почувствовал к ней жалость
Роман и сдался наконец.

Поставив оба кресла рядом
Пред тем, как Свете придти,
За нею любопытным взглядом
Он стал внимательно следить.

Пришла Светлана, огляделась —
В глазах живейший интерес...
И в кресло новое уселась...
Свершилось чудо из чудес!

4
Международный женский день
Неумолимо приближался.
Роман, как прежде, между дел
Тайком в Excel'e упражнялся.

Арапов в комнату вошёл —
С порога напрямиком к Роману,
Был взгляд начальника тяжёл,
Как подобает его сану:

«Готовься, есть тебе занятие —

На головное предприятие
На стажировку едешь ты.
А для картины полноты

Добавлю, что по возвращеньи
Узнаешь о моём решении:
Мне голову тебе рубить?
А может, всё-таки простить?»

Известию о стажировке
Роман был несказанно рад:
«Конец безделью и муштровке!
Ай да земляк! Ай да Евстрат!

Замолвил всё-таки словечко!
Надеюсь, тёплое местечко
И мне найдётся где-нибудь.
Ну, а пока отправлюсь в путь —

Туда, где кадры все куются,
Где есть возможность приглянуться,
Момент удачи улучшить
И назначенье получить.

Я рад... Но должен я признаться —
Евстрат был холоден со мной,

Да так, что думалось порой:
Онучин начал зазнаваться!

Я на него был очень зол...
Но сквозь своё негодование
Я знал, что это испытанье,
И до конца его прошёл.

Как только новость подтвердится,
Евстрата отблагодарю,
И, как к Боспорскому⁵⁵ царю,
С почётом буду относиться.

А отрубанье головы?..
Зачем меня пугал Арапов?..
Хотя... На языке сатрапов⁵⁶
Он изъясняется, увы!

Такая у него манера —
Всем недовольным быть, ворчать,
Вокруг людей не замечать...
Тому есть множество примеров...

Да, мне безумно повезло!..
Хоть выглядит довольно странно:
Савчук с Жидковым беспрестанно

Оттачивают ремесло,

Я ж изнываю от безделья —

И дарит мне судьба джекпот⁵⁷ 57!

Но кто меня в том упрекнёт,

Коль всё зависит от везенья?»

5

Как время тянется неспешно,

Когда вестей хороших ждёшь!

И дело делаешь небрежно,

И ум уже не так хорош.

Дни шли, но всё без изменений.

Виновник радостных волнений

Онучин словно не хотел

Причастность к сонму добрых дел

Каким-то образом отметить,

И потому Роман никак

Не мог на доброту ответить,

Решив, что это лишь пока...

И вдруг как будто чёрный сглаз —

Зарплату встретил с грустной миной:

Пять тысяч было в прошлый раз,

Сейчас – четыре с половиной!

«Я каждый день с надеждой жду:
Вот-вот мне будет повышение...
И вдруг – зарплаты уменьшение!
Придётся вновь терпеть нужду...»

Роман, конечно, был расстроен,
Но, спор с начальством не любя,
Принять мир так, как он устроен,
Решил, чтоб не терзать себя:

«Февраль на пару дней короче...
Серьёзный повод, между прочим!» -
Он компромисс сей заключил
И облегченье получил.

По гороскопу он был Лев...
Но явно робкого десятка:
Он джунглям предпочёл бы хлев,
Его не возбуждала схватка.

Борей грустил... Но боль утраты
Он не один переживал —
Жидков остался без зарплаты —
И тут же закатил скандал:

«Она оформить не успела!..
Скажите, мне какое дело?
Я ей про то, что денег нет, —
Она ругается в ответ!»

Вошёл Онучин, ухмыляясь,
В упор на Савчука смотря
И отвратительно кривляясь,
Стал говорить: «Два слесаря

Сказали мне, но по секрету:
Гудкова правая рука —
Арапов, здесь сомнений нету,
А у того наверняка

Помощник первый есть – Савчук,
И без него он, как без рук!» —
Евстрат при этом озирался,
В глазах его легко читался

Призыв с ним вместе поскорей
Оспорить глупых слесарей.
Савчук лишь грустно усмехался,
Пока Онучин не унялся.

6

Арапов важно поручил
Давно скучавшему Роману,
Чтоб срочно, не жалея сил
(Что выглядело очень странно)

Он ведомость отнёс в отдел
Труда и заработной платы.
Роман, конечно, посмотрел
Ту ведомость: в ней кандидаты

На премию за славный труд.
Романом список был изучен
В теченьи нескольких минут:
Среди счастливцев был Онучин,

И там же Ляпина была,
Что вовремя не подала
Всех сведений, и в результате
Жидков остался без зарплаты.

Пока Роман себя терзал
Из-за плохого прецедента,
Ему Онучин приказал
Оформить пропуск для студента.

Роман привык их оформлять,
Он мог размяться, погулять...
Но в этот раз он возмутился:
«Что за сопляк здесь объявился?»

Обычно к нам приходят люди
Достойные и без прелюдий
Ведут о деле разговор...
А тут студент... Какой позор!

Опять Онучин куролесит,
Меня, конечно, это бесит...
Но стажировка – это факт...
Что ж, выручай меня, мой такт!»

Он пропуск, как всегда, оформил,
А вечером сказал жене:
«Быть может, ты подскажешь мне?
Я ж роль свою пока не понял...

Я задавал себе вопрос:
Зачем меня в контору взяли,
Доводят иногда до слёз,
Работу до сих пор не дали?

Ответ: им очень нужен был

Пятидесятилетний мальчик,
Чтобы исправно он служил
На побегушках у начальства...» —

«Тогда задай вопрос второй:
Ты оказался здесь случайно?» —
«Конечно, нет! Ведь я порой
Мечтал о том, чтоб изначально

Во всём начальству угождать,
Стремился даже к близкой дружбе,
Чтобы продвинуться по службе». —
«И это всё способен дать

Онучин?» — «Только в мерзком виде...
Я на него сейчас в обиде...» —
«Смени работу...» — «Не могу,
Пока сидит в моём мозгу

Мыслишка, что кратчайший путь
К успеху – не через заслуги
В работе и упорный труд,
А через личные услуги.

Мне трудно это всё терпеть
И, сидя за столом, тупеть...» —

«Ведь ты на большее способен:
Умён, талантлив, благороден...» —

«И тут вопрос возникнет третий:
Коль я умнее всех на свете,
То почему же здесь сижу
И злобно обо всех сужу?..

Увы, с учётом гандикапов⁵⁸ 58,
Умней меня даже Арапов!
Он чем-то важным наделён,
За что начальством оценён». —

«Ах, неужели, неужели,
Все беды кончатся в апреле,
Когда три месяца пройдёт,
И ослабеет тяжкий гнёт?»

Глава 11. Зачатки смелости

*Помогай себе сам: тогда поможет тебе и каждый.
Ф. Ницше. Сумерки идолов, или как философствуют
молотом*

1

Минуло несколько недель —

И на дворе уже апрель.
Борей с Жидковым поделился:
«Срок испытанья завершился,

Но я никак не ощутил
Такой серьёзной перемены...» —
«Я это тоже проходил...
Что ж, мы теперь аборигены...»

Но снова заболел Савчук,
Роман принял из его рук
Дел важных падавшее знамя
И занялся договорами.

Обременённый массой дел,
Роман опять повеселел,
Работал, будто бы играя,
Excel при том не забывая.

И вот зарплаты день настал.
Он свой листок расчётный взял —
Опять четыре с половиной!
«За что?.. Я нынче молодчина —

Работаю за Савчука,
И нареканий нет пока.

Ведь это же несправедливо!
Как объяснить такое диво?

Прелюбопытнейший момент:
Работаю, а денег нет!
Как поступить? Менять работу,
Коль я подвергся здесь бойкоту?..

Опять искать, переживать
И всё сначала начинать?..
Перетерплю... Там будет видно...
Хотя, конечно же, обидно!»

2

Роман смирился, отступил,
Он очень не любил скандала,
К работе снова приступил...
Вот только мысль его терзала:

«Я даже не хочу узнать,
За что Арапов наказать
Меня решил? Что ж удивляться
Тому, что могут издеваться

Все надо мной, кому не лень?
Я трус, и сразу прячусь в тень!»

Роман той мысли возмутился,
И, наконец, спросить решился —

Он, стиснув руки в кулаки
(Они тряслись не по-мужски!),
С дыханьем, спёртым от волненья,
Пошёл, без преувеличенья,

Великий подвиг совершить:
«Гордей Петрович, Вас спросить
Хочу: я чем-то провинился,
Раз пятисот рублей лишился?»

Арапов отвечал спокойно:
«Моё начальство недовольно:
Савчук три месяца подряд
Не может написать стандарт...

И мы вас премии лишили!» —
«Оригинально вы решили!» —
«Вот именно, здесь всё серьёзно! —
Гордей Петрович молвил грозно. —

И в подтвержденье этих слов
Вы все увидите, что в мае
Наказан будет и Жидков!» —

«Простите, я не понимаю...

Савчук... Стандарт... А я наказан...

Как я с вопросом этим связан?» —

«Об этом спросишь у него». —

«Но он болеет!» – «Ничего».

3

Роман совсем оторопел...

Пришёл к себе, на место сел...

Савчук ему врагом казался:

«Так не годится! Раз уж взялся —

Работу надо завершить,

Чтобы людей не подводить. —

Роман за телефон схватился:

– Пока мой гнев не испарился,

Ему сейчас же позвоню,

Не посмотрю, что он болеет,

И грубостей наговорю!

Я не встречал людей подлее!»

Он начал номер набирать...

Тут в комнату вошёл Евстрат

И поручил Роману лично

Оформить пропуск – как обычно.

Он вышел. Солнышко светило,
Мороз апрельский чуть щипал...
Роман отлично погулял,
Прогулка разум освежила,

И злость покинула его.
Он сел и стал смотреть в окно.
«Сдаётся мне, что изначально
Устроено всё так печально:

Сказав, что виноват Савчук,
Арапов сделал нас врагами...
А что б случилось, если вдруг,
Как в марте, я ходил кругами

И не отважился спросить,
За что наказан так жестоко?
Ответ легко предположить:
Стандарт лежал бы одиноко,

Никто не вспомнил бы о нём...
А если мы сейчас начнём
Над ним усиленно трудиться,
Чтобы от кары оградиться?..

Найдутся новые ошибки —
И снова виноваты мы...
Как изворотливы, как гибки
Руководителей умы!

Что делать в этом положеньи,
Когда стремящийся вперёд
Виновен при любом движеньи?
Не знаю... Но не то, что ждёт

От нас Арапов, предвкушая,
Что мы с унылым Савчуком
Вот-вот друг друга грызть начнём,
Законы жизни нарушая!

Да, я немало испытал
На макаронном производстве:
Квартет хозяев унижал
Меня, забыв о благородстве,

В ушах стоял их злобный гам
(Вот только разве что не били!),
Но, цену ведая деньгам,
Они исправно их платили.

А безалаберный Арапов
Бездумно, будто бы шутя,
Всю премию у нас оттяпав,
Гордится этим, как дитя!

И невдомёк ему, что ныне
Совсем иные времена,
И не заботится страна
Теперь о каждом гражданине.

Вся жизнь зависит от того,
Что он сумеет заработать,
Смертельной стала для него
Бесчеловечность и жестокость!»

И вновь он послан был в отдел
Труда и заработной платы,
И снова в списке разглядел
Роман фамилию Евстрата.

Теперь уже знал точно он —
Арапов так над ним глумился,
А премиальный создан фонд
Из денег, что Роман лишился.

Савчук поправился, ему
Роман поведал, что с ним случилось.
«Уже привык я ко всему...» —
Георгий отвечал устало.

«Как хорошо, что я тогда
Ему не позвонил во гневе!
Была бы то моя беда...
Спасибо солнышку на небе!

Не торопись произносить
Слова, чей смысл тебе неведом,
Не разрывай живую нить
Между душою их и телом.

И клятв не торопись давать,
Когда тебя о том не просят:
Ведь бодрым не нужна кровать,
И сытым пищу не подносят.

Я всё Георгию простил —
И этот жест сродни победы:
Себя другим я ощутил —
Прощать умеет только щедрый.

Но почему, хочу я знать,

Со мной такое происходит?
Злой бес меня в тупик заводит?..
Нет, надо на себя пенять,

Прибегнуть к новому мерилу:
Никто не может отобрать
У человека его силу,
Его энергию украсть.

Кто всех больней меня накажет?
Я сам себя и накажу.
А руки кто мои развяжет?
Я сам же их и развяжу.

Как Дон Кихот, с врагами злыми
Борюсь, оставшись в меньшинстве,
Я с мельницами ветряными,
Крутящимися в голове.

Я рисковать ни в чём не стану,
И в космос я не полечу,
Мне подвиги – не по плечу,
Удача мне не по карману.

Я – незаполненный сосуд,
Я – слово, что лишили смысла,

Я там решил продолжить путь,
Где над тропой скала нависла.

Я должен был сообразить
Ещё при нашей первой встрече,
Что безответственен, беспечен
Патрон, что просит подтвердить

Надёжность данных им гарантий
Тех, кто зависим от него...
А если вспомнить о мигранте,
Что кличет босса своего

По имени?... Мне нет прощенья!
Как я легко в капкан попал!..
Вот если бы то объявление,
Что я в газете прочитал,

Звучало так: «Арапов ищет
Весьма послушного раба,
С которого он строго взыщет,
Который чувствовать себя

Всегда пред ним виновным будет!» —
Все обошли бы стороной
Посул, что так людей вербует.

Но смысл рекламы был иной:

Специалист! по инструменту
Им нужен был как основной,
Подобный важному сегменту,
Фрагмент структуры заводской,

Который опытной рукой,
Трудясь упорно день-деньской,
Порядок навести поможет...
Такие цели силы множат!

Отныне это моя цель!
Итак, партнёр я полноправный,
С Араповым в задачах равный!
И к чёрту эту канитель...

Как станешь совесть продавать
И пресмыкаться ради денег —
Едва ли встанешь с четверенек.
Опасно в ту игру играть...

Но как желанье велико
Узнать, за что наказан чинно!
Стандарт – лишь повод, а причина
Сокрыта слишком глубоко...»

Роман с Наташей поделился,
Причину сиясь разгадать.
Как только ужин завершился,
В догадках принялись блуждать:

«А вдруг Арапов рассчитался
За твой Excel?» – «Но я скрывался...» —
«Тогда откуда он узнал?...» —
«А может, кто-то подсказал?...»

Глава 12. Диаграммы, куры, яйца

*Одно неосторожное – и выронил пирожное.
В. Вишневский. Басни о Родине*

1

«Одиннадцатое апреля
Тебе о чём-то говорит?» —
Спросил Онучин у Борея.
Роман был всё ещё сердит

Из-за второй утраты денег
И был не очень вежлив с ним:
«Евстрат Сергеич, Крымский берег
Когда-то был моим родным...»

Я в Крым давно хотел вернуться...
С падением СССР
Лицом к лицу пришлось столкнуться
С тем, что былой единове́р

Вдруг шовинизмом заразился...
Страны, где жил я много лет,
Где я родился и учился,
Давно уже на свете нет.

Там чужаки обосновались,
Знакомы лица, но глаза...
Свой разговор ведут, дерзя,
С родством поспешно распрощались.

У тех, кто прежде был учтив,
Засела в головах зараза
Противоречий из-за газа,
Борьбы за Керченский пролив.

У них теперь отцов могилы,
И не желают признавать
Меня, язык родной забыли,
Я сам себе отец и мать...

А что за день?» – «В сорок четвёртом
Наш город был освобождён
От немцев...» – «Знаешь, с каждым годом
Я всё сильнее убеждён,

Что здесь я заново родился
И петербуржец коренной —
Настолько прочно утвердился,
Прижился всей своей душой!

Меня волнуют те события,
Что происходят здесь, теперь.
Так что – покорно извините,
Я плохо знаю вашу Керчь!»

Как перестали называть
Народы их семьёй единой,
Роман не смог душой принять,
Что Крым теперь – под Украиной.

Отчизна, что была свята,
Явилась женщиною падшей,
А потому и красота
Казалась навсегда увядшей.

Любви исчезло волшебство

Из-за предательства былого:
Мужчину любит одного,
А замуж вышла за другого.

Знать не хотел он ничего:
Её любовь – наполовину,
Раз нелюбимого мужчину
Ласкает так же, как его...

И он вернулся к диаграмме —
Он до неё уже дорос
(Он не забыл о прежнем сраме,
Что всенародно перенёс).

Сперва построил он простую...
Не впечатляет простота...
Потом – в объём, детализуя...
И распечатал... Красота!

Настырность земляков известна —
Онучин снова тут как тут:
«А руки у кого растут...
Не из того, простите, места?...»

Короче, редкостный нахал
Бесцеремонно предлагал

Бесхитростную процедуру:
Сшить нитками его брошюру —

И на Романа всё смотрел
Да ждал, когда тот отзовётся
И, несмотря на массу дел,
Сам за «почётный» труд возьмётся...

Роман и глазом не повёл:
Евстрат нарушил все границы...
Зато Жидков встал, подошёл —
И взялся сшить его страницы.

Роман был очень возмущён
Евстрата наглостью и спесью...
Потом вернулся к равновесью —
И вскоре вновь был увлечён...

Тут подошёл к нему Онучин:
«Роман, какой ты молодец!
Ты стольким тонкостям обучен,
А я в таких делах не спец.

Давай я покажу Гордею,
Пусть знает: ты у нас талант!
Тогда с компьютером затею

Поддержит – это наш гарант».

Он диаграмму взял и вышел.
Роман сиял: он до сих пор
Не получал награды выше,
Его везде встречал укор.

2

Роман, успехом окрылённый,
Решил расширить знаний круг...
Он сел, задумался... Как вдруг
Звонок раздался телефонный.

То был Арапов – голос злой,
Не вяжущийся с похвалой,
Что ожидал Роман услышать,
И в трубку как-то странно дышит:

«Зайди ко мне!» Роман пришёл
И понял: в бешенстве властитель —
Поджаты губы, взгляд тяжёл.
Был незнакомый посетитель,

Сидевший рядом за столом
И прятавший глаза смущённо,
Когда вошёл Борей. При нём

Арапов начал раздражённо:

«Все диаграммы неверны!» —
«Как неверны?» – Роман смутился.
«А что ты так засуетился?
Не чувствуешь своей вины?»

Все цифры там – одно враньё!» —
«Но цифры – дело не моё,
Их дал Шумахер, я лишь вставил».
Но босс ещё сильнее картавил:

«Я в этих цифрах искушён,
Не сомневайся, там ошибка!
Ты ж в цифрах грамотен не шибко,
В своём упорстве ты смешон!»

А почему, скажи, знаток,
При удвоении в заводе
Станков, за тот же самый срок
Четырежды возрос в расходе

Станочный инструмент? И как
Планируешь ты всё исправить?
Ведь ты у нас теперь мастак!
А коли так – теперь я вправе

Потребовать с тебя ответ!» —
И после этой речи бранной
Швырнул на стол источник бед —
Лист с пресловутой диаграммой.

3

Роман по коридору шёл,
Ни рук, ни ног не ощущая.
Он был убит, опустошён.
Обида, боль души большая

В груди сплелись в тугой клубок.
Он никого вокруг не видел,
Понять пытаюсь: «Как он мог?»
За что он так меня обидел?

Он не был никогда так зол,
Как нынче злился (в кои веки!),
Выпячивая мой позор
При постороннем человеке!

И то, что там сидел чужой,
Его нисколько не смущало,
Напротив, даже вдохновляло,
Он не пытался быть ханжой⁵⁹».

Тревожно сердце колотилось —
Барометр всех душевных ран,
В глазах Романа был туман...
Вдруг слышит: «Рома, что случилось?»

То был Онучин, как всегда,
Куривший возле туалета.
«Какая-то белиберда...
Он хочет сжить меня со света... —

Растерянно сказал Борей, -
Я ничего не понимаю...
Арапов злее всех зверей,
Твердит, что я очки втираю...

Как будто я опасный враг...
Но где мне цифры взять другие?» —
«Ты погоди, – сказал Евстрат, —
Есть варианты кой-какие.

В отдел статистики сходи,
Я позвоню, тебе помогут.
Другие могут быть пути...
Ты успокойся хоть немного».

Роман советам был не рад,
Ему противен был Евстрат
С его навязчивой заботой,
Перед грядущею субботой

Решивший оказать ему
Медвежью, грубую услугу.
Его блестящему уму
Не свойственно так близоруко,

Так опрометчиво хвалить
Его перед тупым невеждой!
Ведь можно только насолить
Такой несбыточной надеждой!

Роман добрался до стола,
Уставший до изнеможенья.
Он весь перегорел дотла,
Сидел без мыслей, без движенья...

4

Так водится, что не к лицу
Забота о каком-то деле,
Когда последний день недели
Неспешно близится к концу...

«Кто знает, как выводят куры
Домашние своих цыплят? —
Задумчиво спросил Евстрат. —
В чём тонкость этой процедуры?» —

«Я знаю!» – отвечал Борей,
Почуввав повод для сближенья.
Он чувствовал себя бодрей,
Смелей, и после униженья

Готов был показать свой ум.
Он рассказал весьма подробно,
На что природа-мать способна,
Чем создал настоящий бум.

«Откуда ты всё это знаешь?» —
Восторженно спросил Евстрат.
«Я из деревни, и стократ
Всё это видел. Понимаешь?»

Душевный этот разговор
Заставил видеть мир иначе,
Уныние сменил мажор,
И он забыл о неудаче.

Книга вторая

Глава 13. Озарение

– Я пришла к одному убеждению.

– К какому же?

– К такому, что не мы одни с вами умнее всех на свете, а есть и умнее нас.

Ф. Достоевский. Бесы

1

Роману было тяжело

Пять дней без дел сидеть на месте

И с нетерпением ждать вести,

Что наконец-то истекло

Нуждой отмеренное время,

Что отдавал, себя смилив,

Работодателям своим,

И он оставит это бремя.

Роман всецело предавал

Себя, придя домой с работы,

Восторгам «маленькой субботы»,

Как пятницу он называл.

И вот пришла она – суббота!

На два священных личных дня
Будней мышинная возня
Забыта. Главная забота —

Чтоб снова захотелось жить —
За всю неделю отоспаться,
Потом в постели поваляться
И молча крепкий кофе пить.

Кто не испытывал блаженство,
Субботним утром пробудясь
И крепким кофе насладясь,
Познать покоя совершенство!

Как будто вечности врата
На миг перед тобой открыты,
И вместо мыслей пустота...
Предел мечтаний... *Dolce vita*⁶⁰60...

Луч солнца дремлет на стене...
Апрельский день вступает в силу...
Ультрамарин небес в окне...
Цветут фиалки, спатифиллум...

И вдруг, как хрупкое стекло,
Блаженство мигом развалилось

На части – время истекло!
Роману крепко в мозг вцепилось

Воспоминание о том,
Как, забывая о приличьи,
И с перекошенным обличем
Кричал Арапов. Как кнутом

Романа те слова хлестали
И вызывали боль в душе...
Он начал вспоминать детали —
Однообразно, как клише⁶¹61,

Всё то же память выдавала:
Онучин подошёл к нему
И отдал дань его уму —
Такого раньше не бывало;

Взял диаграмму и пошёл
Арапову доставить радость;
Но что-то, видно, не учёл;
Потом скандал... Какая гадость!

И снова мрак, и снова боль
От незаслуженной обиды...
Роман опомнился: «Позволь,

Мы всё-таки видали виды!

Ведь так устроен человек,
Что следствие лишь замечает,
А о причине, как на грех,
Он даже и не помышляет.

Моя обида так сильна,
Что всё собою заслонила,
Причина у неё одна:
Арапов и его насилье.

А между тем, раз боль сильна
И возникает поневоле,
Догадка просится одна:
Кто, как не я, причина боли?

Ведь не случайность же, что так
Меня Арапов ненавидел,
Что не смутил его чужак...
Кого-то, значит, я обидел!

Событий строгий, стройный ряд —
Порядок вовсе не случайный,
И чей-то непокорный взгляд
Рождает гнев необычайный,

Который всё вокруг крушит,
Ломает и, границ не зная,
Свой беспредельный суд вершит,
Всё дальше волны посылая...»

2

Он снова начал вспоминать
Вчерашний день – весь от начала,
Готовый всё воспринимать...
И тут же фраза прозвучала —

Её Онучин произнёс:
«Одиннадцатое апреля...» —
Роман вчера за эти трели
Устроил земляку разнос,

Чтоб не бередил душу Крымом —
Ведь хочется в краю родимом
Роману тоже побывать,
Где спят в земле отец и мать...

Возник разлад... И вдруг Онучин
Подходит, голосом певучим
Ему возносит похвалу —
Что характерно, москалю!

Потом берётся добровольно
Перед Араповым хвалить...
Арапов же непроизвольно
Ему назло решил вспылить...

Такой реакции Гордея
Онучин сам не ожидал,
И в коридоре, сожалея,
Свои услуги предлагал...

И вдруг мелькнуло, словно вспышка:
«Мудрец Онучин – да не знал,
Что диаграмма лишь скандал
Способна вызвать? Это слишком!

Глупец Арапов без него
И шагу сделать не способен,
Он не желает ничего
Умом своим решать, он злобен,

И в этом весь его талант.
Евстрату ничего не стоит
Найти желанный адресат,
Чтоб этой злобой удостоить...

Выходит, он не так уж мил,
И ничего мне не простил:
Евстрат из-за того взбесился,
Что от Керчи я открестился!»

3

Роман опешил от того,
Что так внезапно всё открылось.
Нет больше друга у него!
Всё моментально изменилось:

Он думал, что Евстрат земляк,
Ему всецело доверялся,
А оказалось – злейший враг,
Что так искусно притворялся:

«Хоть подлость вовсе не пустяк,
Она порою объяснима...
Но я же ведь его земляк,
И подличать недопустимо!

Всё стало на свои места:
Арапов, кофе, посиделки —
Вот где рождаются проделки,
Вот те, чья совесть нечиста!

И возникает подозренье,
Что бед сплошная череда —
Его, Евстрата, рук творенье.
Слепая, тайная вражда

К своим невольным конкурентам
(ко мне, Жидкову, Савчуку)
Рождает вкус в его мозгу
К сомнительным экспериментам.

Ему не нужно, чтобы я
Компьютером владел исправно,
И в результате – стол, скамья,
На ней сижу я истуканом.

Нет, для него я не земляк,
Вот правильный ответ к загадке:
Я – надоедливый сорняк,
Случайно выросший на грядке.

Её для собственной нужды
Он создал с самого начала,
Она богатые плоды
(с учётом премии!) давала».

Весь день Роман припоминал

Евстрата подлые уловки
И постепенно привыкал
К акцентов новой расстановке.

Арапов, что ещё вчера
Боря был обидчик главный,
Уже забыт, и, как гора,
Его затмил Евстрат злонравный:

«Каким я всё же был глупцом,
Когда в землячество поверил!
Его считал почти отцом,
Свою судьбу ему доверил...

Нет, это не моя вина,
Скорей, достоинство Евстрата:
Он был хитёр, как сатана,
И осторожен, когда надо.

Но я Евстрата разозлил —
И вот досадная оплошность:
Забыл Евстрат про осторожность
И тут же больно отомстил —

Рукой Гордея так обидел,
Что я прозрел и всё увидел.

Прелюбопытнейший момент:
Меня спасает инцидент!

Спасибо, что меня вы вдруг
Своим презрением обдали,
И мой бесплотный, робкий дух
Обрёл и плоть, и твёрдость стали!

Любой примерный гражданин
За изучение глубин
Серьёзно лишь тогда возьмётся,
Когда корабль на риф наткнётся».

Глава 14. О пользе безделья

*Вы когда-нибудь видели спящего мудреца?
Р. Шорин. Записки Никто*

1

Кто скажет, что безделье – скука?
О, это тонкая наука!
Кто мудрецом желает стать,
Тому бездействие под стать.

Ведь если не бездельник, кто же
Способен молча наблюдать

И перемены угадать

Там, где для всех – одно и то же?

Весьма полезно соблюдать

Баланс – как вёдра в коромысле:

Свобода действий иногда

Лишает нас свободы мыслей.

И начал наблюдать Роман,

Забыв на время об Excel'e,

Других не намечая целей,

Как совершается обман,

Как подлость низкая и злая

Вершится здесь, границ не зная,

Как над умами недотёп

Глумятся походя, взхлёб.

Как по заказу, в понедельник

Его, Жидкова, Савчука

К себе потребовал начальник

И, как обычно, свысока

Им за небрежную работу

По выговору объявил.

«За что?» – Жидков его спросил,

Привыкший к строгому учёту,

На что Арапов заявил,
Что закрывает «совещанье»...
Роман легко сообразил:
«Для нас готово наказание.

Формальности соблюдены —
Мол, сами в этом виноваты!»
Представил он лицо жены
При виде маленькой зарплаты...

Зато Евстрат повеселел
И сразу к Савчуку подсел,
Его «немчурой» обзывая
И хмурый вид не замечая

(Дочь Савчука не так давно
В Германии обосновалась).
Евстратом двигало одно —
Огромная слепая зависть.

2

Роман внезапно осознал:
Онучин, сидя там, за шкафом,
Невидимый для всех, всё знал

Про их обиды, и для штрафов

Копил надёжный компромат.

«Вот интереснейшая тема:

Я создаю себе проблемы,

Болтая много, невпопад!

Униженный в правах, в свободе,

Я жажду показать свой ум,

Болтаю при честном народе...

Евстрат решил: он вольнодум! —

И тучи надо мной нависли,

Гром скоро должен зарычать...

Чтобы читать чужие мысли,

Сначала научись молчать!

Простая истина гласит

(И в этом больше нет сомненья!):

Большой простор для размышленья

У тех, кто меньше говорит...»

Коль все беседы от Евстрата —

Источник сбора компромата,

Роман себе сам слово дал

И в те беседы не вступал.

«Чтоб управлять своею «грядкой»
И конкурентов устранять,
Онучин вынужден держать
Мозги Гордея мёртвой хваткой.

Вначале не было проблем —
Савчук да пьяница Амелькин,
Евстрат за кофе питием
Сосал с Гордеем карамельки.

Но люди стали прибывать,
И конкурентов стало больше,
Труднее стало успевать,
Пить кофе приходилось дольше.

А как же важные дела —
Задания от руководства?
Пришлось Гордея оставлять
«Без глазу» – ради производства.

Чтоб конкурентов очернить,
Уже недоставало желчи,
Евстрат был вынужден пустить
В ход яд... Досадная осечка

Коварно выдала его
Одиннадцатого апреля,
И он про кур выводит трели,
Чтоб я не понял ничего.

Нет средства больше у него,
Чем на Арапова давленье
Усилить... Вызвав у того
Невольное сопротивление...»

3

И вскоре получил Роман
Своим догадкам подтвержденье,
Когда Арапова сужденье
Услышал: «Был здесь ветеран,

Амелькин, может, вы слыхали.
И этот, скажем, господин
Дела все ваши вёл один.
Хочу, чтоб все об этом знали!»

Онучин тут же возразил:
«Уж я Амелькина-то знаю!
И помню, как он здесь чудил...
Петрович, я не понимаю,

Как можешь ты его хвалить?» —
«Ты слишком строг, – сказал Арапов,
Но мягко, чтобы примирить
Двух мнений расхожденье. – Всяко

Мужик Амелькин неплохой».
Онучин, к доводам глухой,
Упорно с ним не соглашался:
«Когда Амелькин увольнялся,

Представьте, что он написал:
«Прошу по случаю загула
Меня уволить...» – Я со стула
Едва от смеха не упал!»

Возникли новые догадки:
«Видать, с застольем неполадки
Онучин тоже создаёт...
Всё потому, что сам не пьёт...

Он как огня вина боится,
Поскольку «Истина в вине»,
Ей стоит только обнажиться —
Тогда конец любой войне.

Арапов же любитель выпить,

Амелькин – в пьянстве компаньон,
За что и поплатился он.
Онучин начал ненавидеть —

Ни с кем Арапова делить
Не мысля, Савчуку задание
Дал за Амелькиным следить,
Фиксировать все опоздания...

Сюжет как дальше развивался,
Любой бы сразу догадался:
Евстратом пасквиль сочинён —
И собутыльник устранён!»

4

Роман увлёкся наблюденьем,
Играя истукана роль,
За беспардонным ухищреньем
Арапова взять под контроль.

Не без злорадства он взирал,
Как замерзающий «приятель»,
Включив сильней обогреватель,
К Арапову скорей бежал,

Надеясь, что по возвращеньи

Работать в тёплом помещеньи
Он сможет несколько часов...
Так было прежде... Но Жидков,

Страдая бронхиальной астмой,
От духоты стал задыхаться —
Обогреватель отключал
И окна настежь отворял...

При этом мог совсем уйти,
Отсутствовать довольно долго.
Тогда от холода трясти
Всех начинало понемногу.

Но иногда он вопрошал
Романа: «Ты не простудился?» —
Ответа никогда не ждал
И тут же за свой стол садился.

Встречал Евстрата холод жгучий,
И долго он потом канючил:
«Да-а, українців на Русі
Не любять москалі усі...»

Так продолжалось каждый раз —
Менялись бедствия размеры...

Заметен среди общих масс
Тот, кто ни в чём не знает меры.

5

Роман, следя издалека,
Фиксируя любую крайность,
Уверен был: у «земляка»
Поступок каждый – не случайность.

И то, что, выйдя в коридор,
Он курит возле туалета,
Оправдано – какой простор
Даёт ему привычка эта!

Здесь перекрёсток всех путей,
Здесь курят все, кто ходит мимо,
Онучин может без затей
Разведать, что необходимо.

Здесь стоя, можно наблюдать,
Кто входит в кабинет Гордея,
Куря, решить, как покарать
Без промедления злодея.

«А я хотел ему помочь —
Советовал бросать куренье...

Такой совет и я не прочь
Понять как злое намеренье!»

И тут Жидков ему помог
Увидеть, как на самом деле
Онучин, судьбами игрок,
Реализует свои цели.

Жидков так жалобно просил
Арапова о личной встрече,
Что тот, помявшись, пригласил
К себе, чтобы послушать речи.

Едва Жидков захлопнул дверь,
Онучин, только что куривший,
Взяв папиросы, снова вышел.
Роман подумал: «Что теперь?»

Лишь через час Жидков вернулся...
За ним Онучин... Оглянувшись,
Взял документы со стола
И, словно у него дела,

Пошёл к Арапову неспешно...
Всё это было бы потешно,
Когда б на следующий день

Всё не случилось набекрень.

На выставку по инструменту
С утра отправлен был Жидков.
К подобному эксперименту
Семён был явно не готов:

«При чём тут я? Ведь это дело
Борею надо поручить!» —
«Не спорь, а отправляйся смело
И постарайся получить

Каталогов как можно больше», —
Его напутствовал Евстрат.
Он явно был бы очень рад,
Что б тот отсутствовал подольше.

Роман же получил приказ
Оформить пропуск для клиента,
Что с целью сбыта инструмента
Решил устроить мастер-класс.

«Ведь это ж вотчина твоя, —
Сказал Арапов, – ты всё знаешь.
За инструмент ты отвечаешь?»
Роман сказал: «Конечно, я!»

6

Потом настал его черёд
Заставить нервничать Евстрата —
Пошёл к Арапову, а тот
Был занят очень, но обратно

Идти ему не разрешил.
Роман сидел как на иголках,
Пока Арапов с кем-то долго
По телефону говорил, —

Он знал: Онучин в коридоре
Стоит в очередном дозоре,
Куря вонючий «Беломор»,
Ему готовит приговор.

Арапов словно издевался —
В беседе был неутомим.
Едва дождавшись, чтобы с ним
Арапов, наконец, расстался,

Он встал и вышел от него,
Надеясь увидеть Евстрата...
Но в коридоре никого!
Роману стало жутковато:

«Неужто я во всём неправ?
Напраслину на человека
Возвёл, который мне добра
Желал? Всё вышло так нелепо!»

Роман к Евстрату поспешил —
Уже готово покаянье
За мировое злодеянье,
Что он едва не совершил...

Но, поравнявшись с туалетом,
Увидел краем глаза: дверь
Чуть приоткрылась, и при этом
За ним из темноты, как зверь,

Внимательно следит Онучин...
«Нет, всё в порядке, я был прав!
Но как его поступок гнусен!
Меня наверняка ждёт штраф...»

Едва на место он уселся,
Как в комнату вошёл Евстрат,
Прошёл на место, огляделся,
И с папкой вышел «на доклад».

Прошло не больше получаса —
Арапов в комнату вбежал:
«Роман Евгеньевич, как часто
На «Арсенале» ты бывал?» —

«Бывал... Однажды...» — «Вот и ладно,
Ты завтра повезёшь чертёж».
Роман подумал: «Вот «награда»!
Евстрату, видно, невтерпёж».

Но так же, как на стажировку,
На «Арсенал» он не попал.
Знать, кто-то внёс корректировку...
А может, кончился запал...

7

Евстрат, имевший много связей,
Порой был должен прекращать
Осуществленье безобразий,
Чтобы знакомых навещать

Или в миграционной службе
К работе допуск продлевать...
Роман и в этом обнаружил
Закономерность: уезжать

Онучин лишь тогда решался,
Когда Арапов совещался
(Порою несколько часов!)
Или же сам, без лишних слов,

Вдруг уезжал в командировку.
Евстрат, вернувшись, каждый раз
Понять пытался обстановку,
И от его пытливых глаз

Укрыться было невозможно.
Настойчиво, но осторожно
Выпытывал он: «Как дела?» —
Злой человек ждёт только зла.

Понятно, что такая слежка,
Да с подлостями вперемешку,
Что он без устали вершил,
Употребляла много сил,

Рабочее съедала время,
И, чтобы угодить богеме,
Евстрат работал допоздна.
Романа эта новизна,

Признаться, очень удивила:

«Да, творчество – большая сила,
И подлость творчеству не враг.
Кто в курсе, тот великий маг!»

Но важный факт в глаза бросался:
Онучин подлым оставался
К своим коллегам, к остальным
Он ласков был, как херувим.

Он был, без преувеличенья,
Душой заводоуправленья,
Советом многим помогал
И славу мудреца снискал

На фоне грубого Гордея,
Которого в цехах и здесь
Воспринимали как злодея
За тупоумие и спесь.

Евстрата мягкость и открытость —
Не что иное, как туман,
Скрывающий надёжно хитрость
И маскирующий обман.

Он мило обсуждал с Жидковым
Футбол, и тот ещё не знал:

Евстрата повинуюсь слову,
Его Арапов наказал.

Евстрат и диаграммы помнил —
Романа как-то попросил,
Что б тот и для него построил...
Роман уловку раскусил

И тут же начал извиняться,
Уже всё зная наперёд:
Мол, если не тренироваться,
То навык долго не живёт.

8

Роман участвовал в игре...
И хоть порою было тошно
Среди забывших о добре,
Себя исследовал дотошно.

Жена посвящена была
В его проблемы, но не только —
Поддерживала, как могла,
Когда он жаловался горько:

«О, как мне хочется сбежать,
Всё высказав в лицо злодеям!» —

«И этим самым оказать
Поддержку умершим идеям:

Повсюду старших уважать,
Их слушаться и непременно
Места в трамвае уступать,
Всегда вести себя примерно —

Так Партия учила нас
С тех пор, как шли мы в первый класс,
Решала наши все заботы
От садика и до работы». —

«Да, если я сейчас уйду,
Лишившись денег на еду,
То буду знать: я уступаю
Старейшим свой плацкарт в трамвае...» —

«Но Партии пришёл конец —
Исчезла, словно Атлантида!» —
«Остался я, как образец
Недавно вымершего вида...

Нет, я не должен уступать!
Я должен за себя бороться
И на поверхность выплывать,

А не лежать на дне колодца.

Уйду – и эти господа
Слух пустят по всему заводу:
«Одна была у нас беда —
Борей, он делал всю погоду,

Но никаких не принял мер,
Чтоб как-то сократить расходы
На инструмент... Дурной пример!...»
Ну, или что-то в этом роде...

Мы научились презирать
Уже без всякого стеснения,
И каждый волен выбирать
Причину своего презрения.

Руководители – за то,
Что перед ними пресмыкаюсь,
Что, не добившись ничего,
В подачках мизерных нуждаюсь.

Я ж презираю их за всё,
Чего они теперь добились,
За положение, а ещё —
Что так духовно опустились.

Привычкою уничтожать
В себе остатки уваженья
Мы начинаем создавать
Страну взаимного презренья».

9

Всё, что Роман подозревал,
При наблюденьи подтвердилось:
Евстрат везде след оставлял,
Где б униженье ни случилось.

Пред ним другой был человек —
Лукавый, злобный и коварный,
Скрывавший замыслы от всех
Своей улыбкой лучезарной.

Роман решил стать мудрецом:
«Мне скрыть придётся отвращенье
К Онучину и с подлецом
Учиться строить отношенья».

Наташа мужа своего
И прежде глупым не считала,
Но видеть мудрецом его...
Супругу это испугало:

«Но чтоб с Онучиным другим
Совместно продолжать трудиться,
Ты тоже должен измениться...» —
«Я был доверчив и раним,

Предательство меня пугало,
Пора к другому привыкать,
Я должен всё начать сначала...» —
«И научиться предавать?» —

«Не всех, а только лишь его.
Не надо этого пугаться.
Чтоб не бояться ничего,
Я должен в силе с ним сравняться.

Евстрат цинично отменил
Морали принципы и нормы...
Что ж, земляком (я так решил!)
Он будет только для проформы.

Я принял правила игры,
И чтобы дольше продержаться,
Придётся снова унижаться,
Смиренно скудные дары

Под громким именем зарплаты
С довольным видом принимать». —
«Такие хитрости чреваты...» —
«Я не способен угождать

Кому-то бесконечно долго —
Не для того дана мне холка,
Чтоб в совершенстве овладеть
Привычкой подлости терпеть,

Впрягаясь в рабские оглобли
И слыша за спиною вопли
Уже успевших возомнить,
Что кто-то должен им служить.

Одно достойно совершенства
В моей (да и в любой!) судьбе:
Законов общества главенство
И уважение к себе!» —

«Не скрою, есть одно сомненье:
Умён противник твой весьма...» —
«Надеюсь, что моё терпенье
Восполнит дефицит ума».

Роман строжайше соблюдал

Запрет на самообученье
После того, как осознал,
Что он под зорким наблюденьем...

И грозовые облака,
Готовые ударить громом,
Вдруг посветлели, и пока
Шло дело к радостным симптомам.

Его заклятые враги
Вдруг изменили поведенье:
Арапов обещал долги
Вернуть – мол, недоразуменье;

И у Евстрата-шельмеца
Сдвиг в поведеньи намечался —
И он Роману без конца,
Подмигивая, улыбался...

Глава 15. Общество презрения

*Я иногда себя презираю... не оттого ли
я презираю и других?..*

М. Лермонтов. Герой нашего времени

Увидев фильм об айкидо,
Искусстве боевом японском,
Где победить способен тот,
Кто хвастаться не может ростом,

Роман искусством восхитился,
О нём до ночи думал он,
И странный сон ему приснился:
С ним борется его патрон...

«Не говорит ли сон о том,
Как я с Араповым общаюсь
И в самом, вроде бы, простом
На грубость часто нарываюсь?»

Я шевельнусь – и в тот же миг
Почувствую сопротивление,
Чудовищно его давление,
Он, как борец сумо, велик.

Замру – и он ослабевает
И обо мне вдруг забывает,
Как воздух, лёгок, невидим,
И никаких конфликтов с ним.

Сомнения нет: боясь напасти,

Я уступаю его власти,
Его мне не переломить —
И я смиряю свою прыть...

Но если наши отношенья
Увидеть под углом другим?
Переходя от сна к движениям,
Я тоже управляю им...

Занятный я открыл закон!
И тем мне интересен он,
Что подчинённым позволяет
Влиять на тех, кто управляет.

Тому ж, кто любит управленье,
Заложено в нём подчиненье
Тем, кто обязан не роптать,
А все приказы выполнять».

2

Борей сидел и наблюдал...
Один нюанс его смущал —
Инструментальщики глазели,
Как он весь день сидел без дела.

«Пусть это будет тренировка! —

Решил Роман. – Ну, почему
Себя я чувствую неловко
И на себя беру вину?

Себя считая виноватым,
Порой обычный человек
Готов к шагам неадекватным...
Он думает, что хуже всех —

И совершает опоздания,
Заводит связь на стороне,
Всегда готовый к оправданиям...
И всё «благодаря» вине.

Вина – вполне «законный» повод
Всем привести «железный» довод,
Что он ничем не хуже всех,
И что у каждого есть грех.

И я затем пришёл сюда,
Чтобы, без специальных знаний,
Иметь в достатке оснований
Виновным чувствовать себя

Перед Араповым, Евстратом,
Шумахером, Картузом – всяким,

Кто чем-то занят целый день...
Я чувствую себя как чернь...

Войти стесняюсь в туалет,
Когда там курят программисты...
Ну да – они специалисты...
Всё так, но это не ответ!»

Чтоб не считать себя убогим,
Роман стал в туалет ходить,
Когда, задрав на стенку ноги,
Там собирались покурить

Все программисты, ждал в проходе,
Когда все ноги уберут,
В кабинку шёл, при всём народе
Мочился громко, и за труд

Всё это вовсе ни считая,
Мог возвратиться, дав понять,
Что есть обязанность святая —
Всем руки в чистоте держать.

Он не чурался и проказы,
Подогревал страстей накал:
Глубокомысленно пускал

Скопившиеся в теле газы.

И это стало помогать:

Он программистов не стеснялся,

И меньше стал себя ругать

За то, что он не состоялся.

3

Евстрат придумал новый трюк:

«Завхоз заводоуправленья, —

Коллегам заявил он вдруг, —

Отметит скоро день рожденья,

И всем по пятьдесят рублей

Придётся сдать на юбилей».

Об этом щедром подаяньи

Для той, о чьём существованьи

Никто понятия не имел,

Роман, конечно, не хотел

И слышать, как и все другие —

Подарки слишком дорогие...

Но он теперь был начеку,

Не доверяя земляку,

И понял: новая проверка

Санкционирована «сверху».

Он, не раздумывая, встал,
Евстрату молча деньги дал.
Жидков же начал возмущаться,
Кричать, с Евстратом препираться,

А тот доказывал ему,
Что он бумагу получает
У этой дамы, потому
Её от всех и отличает.

Жидков в итоге деньги сдал,
Себе испортив настроенье,
Но гнев его не утихал,
И он продолжил возмущенье,

Пока не начал разговор
Евстрат Онучин о футболе.
Жидков поиздевался вволю
Над тем, как потерпел позор

«Спартак», любимый для Евстрата...
Вот так же сам Роман когда-то
Евстрату говорил назло,
Когда фатально не везло...

Роман видал, как проиграл
«Спартак», совсем не благородно
Порадовался... Но сегодня
Благоразумно промолчал:

«Онучин так нас проверяет:
Он словно нам бросает кость,
И у кого сильнее злость,
Тот первый эту кость хватает...

Но кость отравлена, и яд
Нас постепенно отравляет.
Онучин нашей злости рад,
Он наши души загрязняет...

Уже Жидкова заразил —
Тот стал рабом своей же воли:
Мне тумбочку взять не позволил —
Сам своё кресло заменил.

Улыбка личность украшает,
Она к себе располагает —
Онучин в этом преуспел
Для маскировки подлых дел».

Роман учился улыбаться
По принуждению – для того,
Чтобы никто не догадался
О том, что в мыслях у него.

4

К нему Онучин подошёл,
Уселся за соседний стол
И доверительно, как другу,
Ценя высокую заслугу,

Затем Роману сообщил,
Что вечером он в Керчь звонил.
Сказал, какая там погода,
Как жизнь у крымского народа:

«У нас в Крыму сейчас тепло,
Давно картошку посадили,
А здесь, уж коль на то пошло,
Темно и сыро... Как в могиле...»

Роман беседу поддержал
И с удивлением отметил,
Что злости он не испытал —
Ведь перед ним сидел радетель

За то, чтобы в родном Крыму
Народ зажил нормальной жизнью,
И не пришлось бы никому
Невольно покидать отчизну.

О неприязни смог забыть
Борей, беседою довольный,
И стыд испытывал невольный,
Что земляку решил он мстить.

Роман был дружелюбен очень,
И стоило его врагу
Дать знать, что помириться хочет,
Он верил, что ему не лгут,

И был готов забыть обиды,
Не видя пользы от корриды,
Предпочитал спокойно жить,
Старался дружбой дорожить.

Вражда была Роману в тягость,
Ведя с Евстратом разговор,
Он испытал большую радость
В надежде прекратить раздор —

Ведь можно всё начать сначала...

Но стоило им разойтись,
Как мысль иная прозвучала:
«Ну что же ты, Роман? Окстись!»

Ведь существуют два Евстрата:
Один общителен и мил,
И я любил его, как брата;
Другой жесток, как крокодил,

И с ним нельзя договориться —
Он свой мирок отгородил,
И я случайно угодил
В него, нарушив все границы.

Беседа наша – часть игры,
Что с нами он, шутя, играет,
Поскольку слишком презирает...
Быть добрым может... До поры...»

5

А по прошествии двух дней
Евстрат вернул тридцать рублей
Всем, у кого на день рожденья
Он деньги взял по принуждению.

Жидков за «жадность» поплатился —

Его Арапов сторонился:
Едва с вопросом приставал
Жидков – он тут же убегал...

Роман почувствовал подспудно:
Онучину совсем не трудно
Коллегам противостоять
И на Арапова влиять:

«Арапов глуп, он убеждён,
Что все бездельники, тупицы,
А кто умён, так это он.
И в эти узкие границы

Он с радостью нас поместил.
Он хочет, чтобы так и было,
Его душе и сердцу мило
Узнать, что кто-то «начудил».

И он за это не накажет,
Раз этот факт его взбодрил, —
Словцо обидное лишь скажет,
Как он не раз нам говорил.

Но не дай Бог ему услышать,
Что кто-нибудь посмел повесить

Свой уровень, свой интеллект —
Готов к анафеме субъект!

Онучин эту слабость знает
И свою пользу извлекает,
Всегда готовый «доложить»,
Чтобы соперников изжить.

Онучин – тонкий механизм,
В движенье приводящий молот...
Как много бед наделать могут
Тупая злоба и цинизм!

Одиннадцатого числа
Мне дал Арапов в назиданье
Невыполнимое задание,
И жизнь была мне не мила...

Так, может, в этом весь секрет?
Ведь я не выполнил задание,
Но нет о нём упоминанья —
И наказанья тоже нет!

И стоит мне рискнуть опять —
Невыполнимое задание
Из принципа не выполнять,

То мне не будет наказанья...

Зато Арапов будет рад...

Онучин будет без работы —

Без фактов не начать «доклад».

Его лишат привычной льготы...

Но если только созерцать,

То уровень свой не повесить...

А чтоб зарплату повышать —

О том не смею и помыслить...»

Глава 16. Новый имидж

Что не убивает меня, то делает меня сильнее.

*Ф. Ницше. Сумерки идолов, или как
философствуют молотом*

1

Случайно в коридоре встретил

Роман Гудкова и отметил,

Что он, обычный инженер,

Себя поставить мог в пример

Лицу второму на заводе

В вопросе следования моде —

Костюм и галстук, столь цветаст,
Что был разительный контраст

С костюмом, не совсем опрятным,
Затёртым чуть ли не до дыр,
Гудкова... Мягкий сей «мундир»
Украсил галстук непонятный...

Роман невольно удивился:
«Зачем я так принарядился?..
Ведь выгляжу я... как петух!
Всё, вроде, правильно... но вдруг

Я ощущение вызываю,
Что вызов я ему бросаю?
А может, так оно и есть?
Тогда умерить надо спесь.

Нет пользы от рекомендаций,
Что я в газетах прочитал, —
Ведь в жизни много ситуаций...
В одну из них я и попал...

Я обучался, наряжался...
Но, кажется, перестарался:
Моя активность – им сигнал,

Что я для них опасным стал.

Мне не годятся эти знания,
Я это понял, наконец...
Но есть пример для подражания:
Онучин – вот мой образец!

Он вызывающе неряшлив,
Способен вызвать жалость кашлем,
Превосходя всех по уму,
Он не опасен никому».

Роман скорей преобразился:
В костюм джинсовый нарядился,
Надел поношенный ремень -
Стал будто бы Евстрата тень.

Когда преображённый модник
Мимо Гордея проходил,
Тот озадаченно спросил:
«Ты что, собрался на субботник?»

Сдержав улыбку еле-еле,
Роман ответил, не смутясь:
«Ведь он на будущей неделе!» —
И отошёл, в душе смеясь...

2

А вскоре ждал его сюрприз:
Торжественно и осторожно
(Тут сердце замерло тревожно),
Согнувшийся, как блюдолиз,

Вошёл Евстрат, в руках пакет.
Неся его перед очами,
Как торт с зажжёнными свечами,
Он пересёк весь кабинет,

С наинейшей улыбкой,
Нижайший сотворив поклон,
Тряхнувши шевелюрой жидкой,
Пакет вручил Роману он.

Роман, охваченный тревогой
(Небось, подарочек с подвохом!),
Достал увесистый буклет
С каталогом на инструмент

И с резолюцией Гудкова,
Способной наповал убить:
«Р. Е. Борею: мне толково
По инструменту доложить!»

Привычной подписи Гордея
Не увидел Роман нигде...
Весьма опасная затея,
Гордей узнает – быть беде!

Роман, давно осведомлённый,
Что «через голову» нельзя
Давать задания подчинённым,
Знал точно: скользкая стезя.

Гудков всё это знать обязан —
Он с иерархией увязан...
Но почему столь важный босс
Пошёл на явный перекокс?..

«Ты объяснишь, что это значит?» —
Задал Роман прямой вопрос,
Почувяв, что его дурачат.
«Из канцелярии принёс», —

Сказал Евстрат и быстро вышел.
Потом Роман тайком услышал,
Что канцелярия весь день
Была закрыта – бюллетень!

Предчувствие сбылось – Арапов
Романа вызвал в кабинет,
Привычно действуя нахрапом,
Стал срочно требовать ответ:

«Где том с техническим заданием?
Он в папке был, одной из тех,
В шкафу... Не стойте изваяньем,
Ремонта ждёт литейный цех!» —

Привычный в области насилий,
Взбешённый, начал он кричать
И не предпринимал усилий,
Чтоб как-нибудь себя сдержать.

Сидевший рядом с ним Онучин
Довольно вяло делал вид,
Что в миг нелепый, злополучный
Романа хочет защитить.

Роман от крика без контроля
Как будто получил туше:
Дрожали руки, сникла воля,
Возникла паника в душе.

Он ощущал былую робость:

«Литейный цех? Вот это новость!

Я вовсе не имел с ним дел...»

Он все шкафы пересмотрел -

Конечно же, безрезультатно,

И это каждому понятно:

Не стоит результата ждать,

Когда не знаешь, что искать.

Арапов (в нём ещё остался

Руководительский угар)

Велел, чтоб в цех Роман подался

И взял контрольный экземпляр.

Когда Роман и эту фазу

Осил, злясь на произвол,

Вдруг неожиданно и сразу

Гнев у Арапова прошёл.

День необычный завершился...

А утром, в комнату войдя,

Арапов в кресле развалился

И начал, вроде бы шутя,

Он разглагольствовать развязно,

Картавя больше, чем всегда:

«Я доложу вам, господа,
Что вы бездельники все! Ясно?

Желает кто-то возразить?
Нет? То-то, нечем вам форсить:
Любой из вас так мало знает
И ещё меньше понимает!»

Роман с собою совладал
После вчерашних потрясений
И удивлённо наблюдал,
Как шеф без всяких угрызений,

Ругая их, себя хвалил:
«Что он такое совершил,
Что сдерживать себя не может?
На грубость это не похоже...

Себя без памяти любя,
Он за себя не отвечает:
Других отчаянно ругает —
Тем хвалит самого себя».

Жидков в то время собирался
На выставку, куда его
Послал Арапов, и ругался:

«Не понимаю ничего!

Ведь я в литейном производстве
Не разбираюсь, есть ли толк
В столь откровенном сумасбродстве?»
Жидков, разгневанный, умолк,

Онучин воодушевлённо
Воскликнул: «Сеня, не забудь
Буклеты взять! Осведомлённым
Ты должен быть... Ну, в добрый путь!»

3

Роман забрал у Савчука
Стандарт, причину наказания,
И сразу понял, что задание
Почти готово, лишь слегка

Его придётся доработать,
Собрать в единый документ —
И он готов. «На тот момент
Начальник нас не будет трогать.

Работу надо завершить, —
Решил Роман. – И пусть Арапов
Позлится, новый грех состряпав,

Чтоб премии меня лишить!»

Увидев результат работы,
Евстрат, заваривая чай,
К нему стоя вполоборота,
Спросил, как будто невзначай:

«Роман, ты сам писал стандарт?»
Борей, закончив труд, был рад,
Что завершилась эпопея,
И он, от гордости пьянея,

Чуть было не ответил: «Да!»
Но голос вкрадчивый мгновенно
Смутил Романа: «Вот балда!
Я поступаю дерзновенно,

Чужой присваивая труд,
Ведь от меня всё время ждут
Опасных признаков рассудка,
Чтоб наказать за это жутко...»

Он, чтоб хотя бы в этот раз
Его оставили в покое,
Ответил: «Это высший класс,
Я не способен на такое...»

Глава 17. Братская могила

Всё было проклято в этой среде; всё ходило ощупью в мраке безнадежности и отчаянья, который окутывал её. Одни были развращены до мозга костей, другие придавлены до потери человеческого образа. Только бессознательность и помогала жить в таком чаду.

М. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина

1

Жидков стремительно вошёл
С лицом, багровым от удушья
(Такой же цвет имели уши),
И с силою швырнул на стол

Свой договор: «Не понимаю!
Как можно так себя вести?» —
Он взад-вперёд ходил, не зная,
Куда деть руки, и тряслись

Синюшные от гнева губы.
Таким предстал он в первый раз —
Был сдержан, чувства напоказ
Он выставлял довольно скупю.

«Скажи мне, Сеня, что случилось?
Чем я могу помочь тебе?» —
Лицо Онучина светилось
Участьем в его судьбе.

«Ты понимаешь, я пришёл
К юристам с этим договором,
Ну, а они (накрыт уж стол
Для кофе) отвечают хором:

«Мы заняты!» Ты представляешь?» —
«Понятно... А юристы кто?» —
Спросил Роман. «А ты не знаешь?» —
«Нет». — «Две девицы, но зато

Одна из них — дочь Рыбакова!»
Жидкова взгляд был отрешён,
И понимал Роман, что он
Переживал позор свой снова.

«А Рыбаков кто?» — «Он глава
Коммерческого управленья». —
«Ну, значит, дочь всегда права!
Ты не дождёшься извиненья».

Назавтра, с самого утра
Борея, Савчука, Жидкова
Арапов вызвал, чтобы снова
(Как месть Онучина быстра!)

Им указать на недостатки:
«Вот вы сидите, господа,
Втроём в своей могиле братской...
Изволили б хоть иногда

Ради приличья поучиться,
Как по стандарту оформлять
Свои служебные записки!
Довольно дурака валять.

Семён Абрамович, а Вас
Предупреждаю персонально,
Причём, уже не в первый раз:
У Вас в делах не всё нормально.

Сам Рыбаков на Вас в обиде:
Его ты должность указал
В записке в непотребном виде...
И всё, что я сейчас сказал, —

Он посмотрел уже без злобы, —

Касается и остальных».
И он отправил горемык
Подальше от своей особы.

2

«Наверное, не просто так
Арапов вспомнил про могилу...
Он демонстрирует нам силу...
Он нас боится! Вот чудак... —

Роман продолжил размышленья. —
И не спасает положенье,
Которое он заслужил...
Он для себя давно решил,

Что мы – второго сорта люди,
В могилу нас упаковал...
Что толку с нас уже не будет,
Он будто бы с рожденья знал...

Но всё равно сомненье гложет:
Вдруг кто из нас умнее стал?
Тогда желанный пьедестал,
Сместив его, занять он сможет!

Так поступает только раб,

Внезапно ставший господином,
Он время позабыть бы рад,
Когда был сам простолюдином.

Но мы напомним ему,
Что в прошлом он, как мы, бездельник,
Что не учился ничему,
Что, как и мы, сидел без денег.

Арапов, унижая нас,
Мечтает тайно откреститься
От прошлого, желает враз
С былым позором распротиться.

Он устремлѐн мечтами ввысь,
И это главная забота...
Но и без нас не обойтись:
Ведь кто-то должен и работать.

Он вынужден себя ломать,
Как проститутка-неумеха:
И тело жалко продавать,
И деньги тоже не помеха...

Презрен стареющий король,
Что, до конца за власть цепляясь,

Не правит, а играет роль,
Перед рабами унижаясь.

Презрен и раб, что, видя смерть
В глазах бывшего господина,
Уже готов на трон залезть
С замашками простолюдина.

У каждого своя судьба,
Она для каждого едина,
Нетрудно отличить раба,
Играющего господина».

3

Роман не первый, кто прошёл
Путь унижений, оскорблений,
Впервые встретил произвол
Савчук, он горьких впечатлений

Скрывать не стал, когда они
Втроём об этом рассуждали:
«Арапов груб, бывали дни —
Меня при людях оскорбляли...

Однажды (был такой момент)
Он из меня все соки выжал,

Крича: Найди мне документ! —
Я никогда о нём не слышал,

А через пару дней узнал:
Он сам его отдал кому-то...»
Жидков охотно поддержал —
Уж больно тема пресловута...

Роман с отточенным чутьём
В беседу так и не включился
(Евстрат за шкафом притаился)
И слушал, мысля о своём:

«Никто не загонял нас силой
В рабочий тесный кабинет,
И в том, что стала жизнь унылой,
Винить других причины нет.

Ума нехитрые забавы
Гордей способен предложить —
После очередной расправы
Пасьянс «Косынка»⁶² разложить.

Арапов без привычки мыслить
Стал «всадником без головы».
Онучин, зная, каковы

Задатки шефа, смог причислить

Себе и право всё решать,
Своим патроном управляя,
На нас умело направляя
Его потребность унижать.

Евстрат, на первый взгляд, всесилен,
В своих уловках изобилён...
Но волен только лишь желать,
И сам не может наказать,

Поскольку он, подобно нам,
Хоть и ничуть не угнетённый
И всё решать привыкший сам, —
Но всё ж Гордея подчинённый.

Гордей – породистый кобель,
Онучин же с мигрантской справкой
(Меж ними строя параллель)
Остался беспородной шавкой.

Евстрат в ловушку угодил:
Употребляя слово «квази»⁶³ 63,
Он сам застыл на этой фазе,
А мне едва ли навредил.

Он дух – прозрачный, бестелесный,
И нас желая наказать,
Старается оклеветать,
Усугубив удел свой грешный.

По сути он один из нас,
Как служащий потенциальный
Лишён защиты персональной...
А вдруг Гордея грозный глас

Однажды в адрес свой услышит?..
Он это всё осознаёт
И нас всё чаще выдаёт...
А власть его на ладан дышит!

И я не буду повторять
Ошибки хитрого злодея:
Других пороча, от Гордея
Себя не стану защищать!»

Глава 18. Субботник

*Я помню властителя мудрую речь:
Как недруг ни слаб, им нельзя пренебречь.
Фирдоуси. Рустам и Сухраб*

1

В апреля крайнюю субботу
Все снова вышли на работу —
Субботник был провозглашён...
Сам повод, вроде бы, смешон -

Нет Партии, Союз распался,
Товарищ господином стал,
Страною правит Капитал...
А дух субботника остался...

Все стали переодеваться
В рабочий выцветший наряд,
Онучин, сделав запись вкратце,
Стал тоже надевать халат.

«А ты зачем переоделся?» —
Спросил Арапов у него,
Как будто он был раб его.
«А я – как все», – Евстрат зарделся.

«Но ты – и сам об этом знаешь —
Не русско-подданный у нас,
И «москалей» всегда ругаешь...
Зачем тебе чужая грязь? -

Насмешливо сказал Арапов. -
Всем остальным за мной идти!»
И все пошли... Евстрат в халате
Уныло плёлся позади...

«Зачем ему субботник, кстати? —
Роман подумал по пути. —
Евстрат готов в грязи копаться,
Чтобы Арапова блюсти».

2

Была чудесная погода:
Сияло солнце, лёгкий бриз —
Природой явленный сюрприз
Рождал энтузиазм в народе.

От пота мокрые, в пыли,
Все вместе корчевали рьяно
Кусты огромные бурьяна,
Что незаконно здесь росли.

С Онучина пот лился градом,
Бурьян на кучи громоздя,
Он, ни на миг не отходя,
С Араповым работал рядом.

Гудков со всеми наравне
Мелькал своим огромным торсом.
Жидков терпел и, наконец,
Он подошёл к нему с вопросом:

«Вадим Иванович, за что
У Вас считаюсь виноватым?
Уменьшилась моя зарплата —
Причину не сказал никто».

Лицо Гудкова омрачилось,
И он Жидкову дал ответ:
«Зарплата стала меньше? Нет!
Зарплата Ваша... изменилась!»

Он очень долго объяснял,
Запутанно и... бесполезно,
Какой параметр повлиял
На то, что премия исчезла.

3

Когда закончился субботник,
Усталые, придя назад,
Избавясь от рубашек потных,
Все стали волосы чесать

От пыли вперемешку с потом.
К Роману подошёл Евстрат,
Сказал душевно, словно брат,
Как будто не был антиподом⁶⁴64:

«Ты одолжишь расчёску, Рома?
Я тоже расчешусь», – а сам
Проводит жестом, столь знакомым,
Рукой по грязным волосам.

Роман, когда его просили
Расчёску дать (и много раз!),
Отказывать бывал не в силах
Всегда... Но только не сейчас!

Пред ним стоял заклятый враг,
Его готовый уничтожить,
Считавший, что Роман – батрак,
И век его бесцельно прожит.

Ему противен стал Евстрат,
Едва представил он брезгливо,
Как будет волосы чесать
И на него смотреть пытливо.

Он тут же пересилил страх
Перед возможным наказанием:
«Онучин новым испытанием
Зажал меня в своих тисках.

Привык я совершать уступки —
Глаза у страха велики...
Но все геройские поступки
Вершатся страху вопреки.

Я прежде жил, всему покорный,
Противен мне удел позорный,
Я должен, чтоб себя познать,
Ему хоть в чём-то отказать!»

И он ответил откровенно,
Стараясь, чтоб его слова
Не прозвучали дерзновенно
(Мол, извини, жизнь такова!):

«Евстрат Сергеевич, пойми:
Расчёска – средство гигиены,
Законы эти неизменны
И с детства у меня в крови.

И я к решению простому

Пришёл, и в этом не грешу:
Я сам расчёску не прошу
И не даю её другому».

Евстрат понуро отошёл
Подальше с недовольным видом,
Он явно был на Рому зол
И точно затаил обиду...

«Евстрат Сергеевич, возьми
Мою расчёску, будь любезен!» —
Жидков, Роману вопреки,
Решил, что торг здесь неуместен.

Когда все стали собираться
Домой, задание получил
Жидков – Арапов поручил
Найти по книге регистраций

(А может, в папке – он не знал)
Служебную записку срочно,
И номер исходящий дал.
Жидков остался сверхурочно...

Роман уже причину знал:
Семён к Гудкову приставал —

За это он и поплатился...

Чтобы не очень суетился...

4

Жена напугана была

Евстрата и Романа ссорой,

Боялась, что «источник зла»

Ему воздаст расправой скорой.

Роман нисколько не жалел,

Что показал Евстрату зубы:

«Так поступить мне долг велел —

Не скоро подлость я забуду!

И пусть казнит меня Евстрат

Рукой безмозглого Гордея,

Знать, я мужик, а не кастрат,

Коль удалась моя затея!» —

«Его ты сильно разозлил...» —

«Он сам поступок злополучный

Свершил – и я вдруг уловил,

Что это именно тот случай:

Я буду абсолютно прав,

Впервые без оглядки, смело,

В присутствии всего отдела
Его достоинство поправ.

Он слишком был самонадеян
И уповал на свою власть,
Прося расчёску, был уверен,
Что я не смею отказать.

Онучин сам подставил щёку,
И я обязан был по ней
Ударить со всего размаху:
Долг возвратить – всего важней!» —

«Но в этом никакого проку!
Ты выбрал безрассудный путь!» —
«Неблагодарно не хлестнуть
Того, кто подставляет щёку». —

«Эх, Рома, ну, теперь держись!
Гордей тебя теперь накажет...» —
«Но если вдуматься, что скажет
Евстрат Гордею? «Заступись,

Роман Борей такой жестокий,
С ним невозможно совладать:
Он мне не дал свою расчёску —

За это надо наказать!»

Так, что ли?.. Нет уж, слишком личный,
Ничтожный повод для того,
Чтобы Гордей, поверх приличий,
Стал заступаться за него». —

«Но ум Евстрата очень гибок,
В работе он отыщет вред...» —
«А у меня работы нет —
А потому и нет ошибок!

Евстрата это будет злить,
Он, не привыкший к своеволю,
Потратит силы и здоровье,
Чтоб мне сильнее навредить».

5

Роман морально был готов
К любым жестоким наказаниям
И унижениям всех сортов.
А в понедельник утром ранним

Арапов встретился. Он шёл
Наверх по лестнице неспешно,
Был в свои мысли погружён...

И вдруг, замедлив шаг, небрежно

Спросил: «Ну, как твои дела?»

Роман, как будто уточняя,

Спросил, прекрасно понимая —

Речь о его безделье шла:

«Какие?» – и взглянул фривольно.

Арапов поднял руку вверх

И ею помахал безвольно:

«Мифические, например...»

Роман смекнул, что моментально

Будет раскрыт, наступит крах...

В груди зашевелился страх...

И всё же он сказал: «Нормально!»

Арапов, помолчав, спросил —

Всё так же вяло, безразлично:

«Ты что-нибудь изобразил?..

Ну-у, так,.. хотя бы для приличья?..»

Страх охватил Романа с ног

До головы, но он подспудно

Почувствовать по тону смог:

Уверенно, чуть безрассудно

Он должен, позабыв про страх,
Гордею о своих делах
Сказать... И он, взглянув беспечно,
Сказал Арапову: «Конечно!» —

«Ну, и когда ты сможешь нас
Порадовать своим докладом?» —
Гордей смотрел понурым взглядом.
Роман сказал: «Да хоть сейчас!»

«Ну, хорошо, — сказал Арапов, —
Я через полчаса вернусь...
Придёшь, и я тобой займусь...
Посмотрим, что ты там состряпал...»

Роман, вернувшись, сел за стол...
Готовясь к предстоящей муке,
Он с удивлением нашёл,
Что у него трясутся руки.

«О чём могу я доложить?
Ведь я же ничего не делал...
Мой блеф Арапову раскрыть —
Как грязь узреть на фоне белом!»

А надо ли мне в этот раз
Из кожи лезть, чтоб что-то сделать?..
Арапов думает о нас,
Что мы глупы и неумелы,

Что мы бездельники, твердит.
Он хочет, чтобы так и было,
И мне ему свой умный вид
Показывать – что рыть могилу.

Уж лучше ничего не делать,
При этом быть самим собой,
Чем неуклюже, неумело
Изображать процесс любой.

Чем буду выглядеть глупей,
Тем больше я ему по нраву.
Прикинусь парнем без затей —
И, может, оттяну расправу.

Не знаю, что ему наплёл
Евстрат из мести за расчёску...
Я напущу незнания флёр⁶⁵65
И глупостью добавлю лоску!»

Инструкцию он взять решил,

Ещё записку докладную,
А к ним, подумав, приложил
Порученную остальную

Документацию, что он
Уж больше месяца неспешно
Осваивал (его патрон
Давно забыл о ней, конечно).

И вот, к Арапову придя,
Роман докладывал, сбиваясь,
Волнуясь, слов не находя
И постоянно «ошибаясь»...

Арапов выслушал отчёт,
Не проявляя интереса,
Но стоило «признаться честно»,
Что он забрался в тупичок

С одним заданьем, а в финале,
Сказав, что в цех вчера звонил
И с кладовщицей говорил,
Забуть, как кладовщицу звали, —

Арапов вмиг повеселел:
«Ты уж давно в дела вникаешь, —

Он на Романа посмотрел, —
А кладовщиц ещё не знаешь!

Ну, что, не так?» — «Всё так... Всё так...» —
Роман вздохнул (мол, извините...
Я признаю — попал впросак...
Исправлюсь). «Ладно уж, идите!» —

Арапов даже не скрывал,
Что он доволен подчинённым:
С умом, бездельем помутнённым,
Угрозы тот не представлял.

Раз оправдал он ожидания,
Арапов дал ему задание —
Считать количество затрат,
Пошедших на агломерат⁶⁶66:

«Работа предстоит тупая...
Ты должен уяснить себе:
Работа хороша любая —
Я поручу её тебе».

Онучин мило улыбался,
Когда Романа взгляд встречал,
И тут же «дружески» кивал —

Держись, мол, Рома, не сдавайся!

«Ага, знакомый лексикон! —
Роман мгновенно догадался,
Чьих слов Арапов нахватался, —
То не Арапова жаргон...

Так говорят обычно люди,
Что о способностях других
Всегда высокомерно судят...
Здесь нет намерений благих».

6

Онучин, несомненно, был
Азартен, судя по футболу,
И, возбудив бойцовский пыл,
Не смог, согласно протоколу,

В границы жёсткие ввести
Свои амбиции, обиды,
Не смог ни в ком перенести
Малейшей вольности, свободы.

Он так легко вошёл в азарт,
Что, пользуясь своим влияньем,
С людьми играл, как с пачкой карт,

С высокомерным невниманьем.

Количество всех подлых дел
В защиту собственной персоны
Давно превысили предел
Необходимой обороны.

Когда удачи колесница
Несёт тебя во весь опор,
Легко с пути прямого сбиться —
Как хмелем, затуманен взор.

И кажется, что все невежды,
Все неудачники, толпа.
И грязь летит на их одежды
С твоей повозки колеса.

И разве это лица? Рожи!
И кто их произвёл на свет?
Как мы, однако, непохожи...
А ну, с дороги! Всех в кювет!..

Верша насилье за насильем,
Влеком азартною игрой,
Онучин забывал порой,
Что он играет с пружиной:

Покуда не прошёл угар,
Она его насильем сжата...
Но стоит только зазеваться —
Как тут же нанесёт удар!

7

Роман собою был доволен:
Он научился наблюдать
И мог, как закалённый воин,
Ходы врагов предугадать...

Он вздрогнул от опасной мысли:
«Я начал думать, как Евстрат —
Я возомнил, что я всех выше,
Умнее, лучше во стократ,

Поскольку мысли их читаю
И понимаю каждый шаг...
А это значит – я дурак,
Раз дураками их считаю!

Нельзя людей уподоблять
Математической константе,
Как это делает Евстрат, —
Пигмей способен стать гигантом.

Я должен думать наперёд,
Что враг мой силу набирает.
Кто этот фактор не учтёт,
Тот безнадёжно проиграет.

Общенье с дураком – не мёд,
Но надо с ним уметь общаться,
И тот, кто это не поймёт,
Не может умным называться,

На всех взирая свысока.
Пока же на душе тревожно:
Понять обоих очень сложно —
И умника, и дурака».

Пришлось недолго ожидать
В Евстрате признаков прогресса —
Он стал незримо расширять
Границы шкурных интересов.

Он дружен был с Боровиком,
С Гордеем вместе кофе пили,
В своём углу они тайком
О чём-то тихо говорили...

Однажды, Боровик, найдя
Статейку нужную в Инете,
Сказал: «Сергеич, есть статья,
Такую не найдёшь в газете.

Дай мне бумаги, я б хотел
С ней руководство ознакомить...»
Евстрат спиной к нему сидел —
Рта не открыл, чтоб слово молвить.

Его ответа Боровик
Напрасно ждал весьма покорно,
Онучин, как передовик,
По клавишам стучал упорно.

Встал Боровик и вышел вон,
Спустя минуту возвратился,
В руках держал бумагу он,
Которой у друзей разжился.

А через пару дней пришёл
Гудков, и, не найдя на месте
Боровика, он снизошёл
Спросить Романа: «Вам известно

Где Боровик?» — «Геннадий? Нет...» —

Роман растерянно замялся...
Но тут Гудков вдруг засмеялся:
«Пошёл по бабам наш брюнет?»»

Роман не мог не уловить
Событий этих однородность:
Один Евстрат мог вдохновить
Руководителей на подлость.

Глава 19. Новая система оплаты

*Чего бояться!.. если бог сохранил нас
доселе, то это значит, что он хочет быть
нашим спасителем и далее...*

М. Лермонтов. Вадим

1

Пятнадцатого мая день
Был начат очень необычно:
Роман явился в офис в семь,
На час опередив события.

И тут же ждал его сюрприз:
Явился вслед за ним Онучин,
Который (в том его каприз)
Лишь к девяти ходить приучен.

«А ты чего в такую рань? —
Спросил Роман. — Чего не спится?» —
«Никак мне не найти ту грань,
Чтоб в транспорт точно уложиться... —

Онучин, отведя свой взгляд,
Спросил с тревогой у Романа:
— А ты сегодня что так рано?» —
«К восьми часам я был бы рад

Прийти, но время перепутал! —
Признался искренне Роман. —
Я мчался, словно ураган...
Меня как будто бес попутал...»

Но, уловив Евстрата взгляд,
Серьёзный, полный недоверья,
Он заподозрил, что Евстрат
Опять недоброе затеял:

«Онучин — это не Гордей,
Он даже не чихнёт случайно,
Он полон каверзных идей...
А может, он замыслил тайно

Счѐт опозданиям вести?

Здѐсь я отнюдь не безупречен,

Хотя стремлюсь режим блюсти...

И был уже пример – Амелькин...

Онучин, силясь отомстить,

Готов донельзя опуститься,

Чтобы Гордея разозлить...

Чего они хотят добиться?

Что цели разные у нас,

Я в том уже не сомневаюсь:

Хочу работать (без прикрас!) —

Не просто так, а развиваясь;

Хочу помочь своей стране

А также своему заводу;

Шагать со всеми наравне —

Ведь не был я лентяем сроду!

Что ж получаю я в ответ?

Бесчеловечное глумленьѐ,

К способностям пренебреженьѐ...

Обидно это, спору нет...

Зато теперь я знаю точно:

Мне самому (и очень срочно!)
Мои способности нужны,
Поскольку жизненно важны!»

Чтоб выбить почву у Евстрата,
Роман решил, что очень надо
Пораньше по утрам вставать
И на работу успевать.

2

Роман, привыкший к постулату:
«Евстрат боится потерять
Почёт, влиянье, свою власть,
Свою приличную зарплату», —

Стал постепенно понимать:
Евстрату противостоять
Он сможет, лишь простясь со страхом
Всё потерять единым махом.

Учась у истинных мужчин,
Он сможет с трусостью расстаться,
И не останется причин
Даже Арапова бояться.

Но поначалу эта мысль

Романа даже испугала —
Не перевёлся блюдолиз,
Произносящий мадригалы⁶⁷67:

«Гордей Петрович, как я рад!
О, вы такой большой начальник!» —
Казалось бы, всё невпопад...
Но рад Гордей необычайно.

Роману нужен был судья -
Не чересчур ли загордился
Удобный мальчик для битья?
И он жене во всём открылся:

«Неплохо было б перестать
Мне и Арапова бояться...» —
«Ну, если глубже разобраться —
Чего бояться? Он не тать⁶⁸68...» —

«Да, гнев его, конечно, страшен,
Любого может испугать...
Но он для жизни не опасен
И начинает угасать

Немедленно после разрядки.
Гнев тот кончается ничем

И забывается совсем...» —

«Ну, что-то вроде физзарядки?...» —

«Преследовать; как дичь, травить;

Копаться в грязном гардеробе;

Из щели за тобой следить —

Гордей на это не способен.

Я точно не могу судить,

Но есть такое ощущение:

Он что-то хочет сообщить

Своим развязным поведением...

Не исключу, что я ему,

Быть может, чем-то симпатичен,

Назло позорному клейму,

Которым я, как раб, помечен...» —

«Возможно, хоть Арапов строг,

Но уважением проникся —

Ведь ты за столь короткий срок

Довольно быстро обучился». —

«В нём это глубоко сидит,

Он даже не подозревает,

Что, как бы ни был он сердит,

Ко мне симпатию питает...

Он словно девушка, что всем,
Кто в поцелуе страстном слился,
Завидует, а между тем
Сама испачкать рот боится...

Когда меня он наказал
Деньгами (есть ли что-то строже?),
Возможно, от меня он ждал
Иной реакции...» — «Какой же?» —

«Наверное, хотел, чтоб я
С ним поругался, поскандалил,
Что для него в пределах правил...
Но моветон⁶⁹69 не для меня,

Я не в ладах с таким общеньем —
Высокомерно промолчав,
Его отверг своим презреньем...
Возможно, здесь я был неправ,

И между нами снова пропасть...» —
«Откуда же она взялась?» —
«Не знаю... Но в который раз
Стоят меж нами гнев и робость.

Я не могу никак понять,
Что так его насторожило?
Ведь это золотая жила —
Таких работников нанять:

Степенных, с опытом работы,
Таких не надо подгонять,
Лишь успевай дела давать —
И никакой тебе заботы!

Так нет же, всё пошло не так:
Ко всем придирки, подозренье,
Томительный застой в делах
И бесконечное презренье!»

И вдруг подумалось ему,
Когда он отошёл немножко:
«Всегда встречают по одежке,
А провожают по уму...»

Так вот где корень всех несчастий!
Он совершенно позабыл,
Что в книжке трудовой бесстрастно
Карьерный рост указан был

От замначальника отдела,
Кем очень долго пробыл он,
И до директора картеля⁷⁰70
По производству макарон:

«Савчук с Жидковым, полагаю,
Имели путь, подобный мне,
И, в сговоре подозревая,
Арапов запер нас в тюрьме...

Верней, в могиле нашей братской...
Теперь понятно, почему
Относится он к нам с опаской —
Мятеж мерещится ему!»

3

Он на работе продолжал
О горькой жизни размышленье,
Но тут Гордей его позвал
В свой кабинет... «Опять глумленье!» —

Роман подумал и пошёл.
Арапов пригласил за стол,
Какой-то документ подсунул,
Отрывисто, как будто хрюкнул,

Сказал Роману: «Распишись!» —
А сам, локтями опершись,
Стал изучать свои бумаги...
Роман затрясся... Бедолаге

Казалось: «Всё, пришёл конец!» —
Достал очки, читать пытался,
Поняв, что он сейчас не чтец,
От этой мысли отказался,

Бумагу положил на стол.
Не поняв сути документа,
Который так и не прочёл,
Смирившись, он спросил: «Что это?» —

«Не знаю... – нехотя сказал
Арапов, но в Романа взгляде
Укор безмолвный увидал,
Добавил: – Новые оклады...» —

«Как здорово!» – вскричал Роман,
Но тут же снова испугался:
А вдруг очередной обман,
И мой оклад теперь ужался?

«Какой же у меня оклад?» —

«Не знаю... Там смотри...» – замылся
Арапов, словно растерялся,
И пальцем ткнул он наугад.

Роман, смущённый, удивлённый,
Стал изучать колонки цифр —
Бухгалтерский заумный шифр —
Искать оклад свой обновлённый...

Но тут Гордей очнулся вдруг
И, показав, где расписаться,
Бумагу выхватил из рук,
Велел немедля убираться.

Роману стало веселей:
В последний миг он разобрался —
Его оклад сейчас поднялся
Аж на четыреста рублей!

Зарплата тоже стала выше:
С учётом премии она
(Будь премия сохранена!)
Уже пять с половиной тысяч!

Потом был приглашён Жидков,
И он, как человек дотошный,

Смог вырвать пару вялых слов
О том, что этот суматошный

Сбор подписей есть переход
В систему новую оплаты,
Чьи основные постулаты
Арапов изложить не смог.

Глава 20. Невольные союзники

Гусь. Уйди! Я тоскую...

Аметистов. Вот и отлично! Потоскуйте...

Вот вам ликёрчик и папиросы...

М. Булгаков. Зойкина квартира

1

Таких подарков в этом месте
Роман давно не получал
(С коллегами, конечно, вместе).
Пока он радость излучал,

Ему Евстратом был поручен
(Чтоб у Цуркана подписал)
На десять тысяч счёт (безнал)
За ту статью, что сам Онучин

В журнале опубликовал.
Цуркан, финансовый директор,
На документе написал
Размашисто: «Зачем мне это?»

И веяло от этих слов
Брезгливостью аристократа
(Особенно от слова «это»,
Что явно вставлено назло) —

Как будто бы на подпись дали
Не очень важный документ,
А что-нибудь вроде... фекалий,
Что не всегда эквивалент.

Роман, уже в пылу азарта
(Он был доволен, что скрывать!),
Пошёл «порадовать» Евстрата:
Уж бунтовать – так бунтовать!

Евстрат, узрев отказ бездушный,
Как дикий зверь, рассвирепел,
С него мгновенно добродушный
И философский вид слетел.

Он стал по комнате метаться

И, как обычный человек, —
Как те, кого он в хаос вверг,
Словами грязными ругаться:

«Цуркан... Ах, барин! Ах, буржуй!..
Мне надоела эта сволочь!..
Я рано утром прихожу
И ухожу чуть ли не в полночь!»

Он долго изливал свой гнев...
Роману начало казаться:
Евстрат – пластинка, что, заев,
Не сможет никогда прерваться...

К обеду гнев сошёл на нет,
И он по комнате маячил...
Но тут пришёл его студент
Андрей и жаловаться начал:

Литейный цех (что за народ!)
Не выполняет обещанье
И на работу не берёт —
Мол, штатное есть расписание.

Онучин тут же позвонил
Начальнику, довольно жёстко

С ним говорил (почти грубил!):
«Иван Петрович, в чём загвоздка?

Я тут работаю за вас,
Я бизнес-план за вас верстаю,
Ночами не смыкая глаз.
И что в ответ я получаю?...»

Евстрат расстроен был совсем...
Он был похож на человека,
Разочарованного всем,
Опустошённого... Калеку...

Роман то состоянье знал —
Сам в этот омут погружался
Всегда, когда вдруг понимал,
Что зря работал и старался...

Он видел, что Евстрат устал,
Обмяк от перенапряженья,
Отслеживая все движенья
Стремящихся на пьедестал.

Он был измотан беспредельно,
Творить и мыслить не готов...
И вскоре, побродив бесцельно,

Ушёл с работы в пять часов.

Роман кой в чём решил признаться:
С Евстратом помогли тягаться,
Совсем не ведая о том,
Савчук и (больше всех!) Жидков

Своим настойчивым стремленьем
С Араповым найти контакт,
К работе неприкрытым рвением...
Всего опаснее – простак!

Сказал Наташе – дело чести:
«Я им завидовал всегда,
Что оказались в нужном месте,
При деле эти господа.

И мне хотелось, чтобы кто-то,
Не выдержав Гордея стиль,
Ушёл, обидевшись, с работы,
И я его бы заменил...

Сейчас бы я, как Божью милость,
Сошедшую с небес, желал,
Чтоб всё, как было, сохранилось:
Жидков, как прежде, продолжал

Просить Арапова о встрече,
Онучин чтоб за ним следил,
Оставив все дела на вечер,
Расходуя остатки сил...

В любой борьбе (реальной, мнимой),
В которую решил вступить,
Союзники необходимы,
И ими надо дорожить».

2

Онучин целую неделю
Со всеми вместе шёл домой,
Работал вяло, еле-еле,
И был всё время сам не свой.

А в пятницу Романа вызвал
Арапов. Рядом с ним сидел
Онучин с недовольным видом,
Который пристально смотрел,

Как редактирует начальник
Его служебное письмо
И комментирует его:
«Вот здесь неверно изначально...

А здесь ошибку допустил...» —
Он вскрыл последний недостаток,
Потом Роману поручил
Письмо Онучина печатать.

Евстрата было не узнать:
Потухший взгляд и шаг усталый,
И разговор какой-то вялый...
Был виден внутренний разлад...

Потом он сел и напечатал
Письмо на головной завод —
И сам внёс в книгу регистраций!
Романа этот поворот,

Признаться, сильно озадачил:
Евстрат хитрил или чудачил?
Ведь он доньше никогда
Не опускался до труда

Внесенья в книгу регистраций,
Всегда считал его тупым,
И для подобных операций
Был дан Роман и иже с ним.

Евстрат, тем временем, закончив,
Письмо Роману преподнёс,
Чтоб в канцелярию отнёс
Для отправления по почте.

Роман дотошно изучил
Письмо и сразу обнаружил —
Евстрат изрядно начудил,
Все правила игры нарушил:

Он внёс апрель, а нынче май;
Нет номера; и код входящий,
А нужно было – исходящий...
Как хочешь, так и понимай!

Роман сначала машинально
Хотел ошибку устранить...
И всё ж успел сообразить,
Что это вовсе не случайно:

«Он был похож на размазню...
Но, ум имея извращённый,
Евстрат устроил западню,
И человек непосвящённый

В неё обязан угодить...

И как мне надо поступить?» —
Роман Борей застыл на месте
И стал гадать, что будет, если...

«Онучин мне не поручил,
Чтобы письмо я изучил,
Присвоил номер, вставил дату,
И я, как надлежит солдату,

Обязан тупо исполнять —
Солдат приказ не обсуждает.
Таковыми видит нас Евстрат,
И большего не ожидает.

Всё так, но я ведь не дурак,
И в школе грамоте обучен,
Мне хочется исправить брак,
Что допустил в письме Онучин...

И тут же потерплю я крах:
Как только исправлять посмею —
В момент уподоблюсь Гордею,
Который на моих глазах

Глумился над письмом Евстрата.
Да, был бы я тогда хорош! —

Роману стало жутковато,
Что на Арапова похож. -

А вдруг Онучин не заметит?..
Не-е-т, обязательно проверит!
И он получит результат —
Что я его ошибке рад.

Нет, лучше всё, как есть, оставить,
Не надо забегать вперёд,
И пусть Онучин здесь слукавит —
Ошибку на меня зачтёт.

Получит он «законный» повод
Сказать в который раз: «Ну, что ж,
Не поумнел, хотя не молод,
Роман... Ну, что с него возьмёшь?»

Конечно, это неприятно...
Но для здоровья не опасно.
Подсказывает мне чутьё,
Что он, всучив письмо своё,

Сам с нетерпением ожидает,
Что на себя вину возьму.
Ему, как видно, не хватает

Моральных сил вести войну.

Ведь я, оставшийся без дела,
И ошибаться перестал —
В его глазах безгрешным стал,
И эта мысль его задела.

Пока ещё сыра она,
В его сознании не окрепла,
Неразличима, неясна,
В разумных держится пределах...

Но стоит мне черкнуть пером —
И мысль в испуг преобразится:
Блеск молнии, за нею гром,
И всё в округе озарится —

Всё так, как было у меня:
За диаграммы унижение,
Бессонье, и в начале дня
Меня постигло озаренье.

Поймёт Евстрат, что он раскрыт,
И я слежу за ним в два глаза.
Нет, лучше пусть он крепко спит,
Не будет от меня подсказок!

Да, по натуре он двулик,
Но всё ж по-прежнему велик,
И для меня урок курьёзный
Смог подготовить враг серьёзный.

Ведь я поверить мог и сам,
Бездействуя, в свою безгрешность —
Стал исправлять его погрешность...
Не дай мне, Боже! Стыд и срам!»

Он принял верное решенье,
И тут же спало напряженье.
Роман письмо опять прочёл
И в канцелярию пошёл.

При нём письмо Татьяна Львовна,
Серьёзна и немногословна,
Отправила по факсу вмиг...
Едва он сел – Евстрат возник,

Он еле сдерживал улыбку:
«Всё хорошо, твой факс дошёл...
Есть, правда, минус небольшой —
Ты допустил микроошибку!»

И он к Арапову пошёл,
Чтоб с ним порадоваться вместе.
Вернувшись, был уже лишён
Следов унынья и бесчестья.

Он за компьютер бодро сел,
И звонко клавиши стучали,
И быстро таял ворох дел,
Что он скопил за дни печали.

3

«Как тянет всё везде измерить,
Проверить, ложь разоблачить...
Кто много знает – мало верит,
А веру нечем заменить.

Он тёмным силам предоставлен,
Не видит смысла в фетише⁷¹71,
И нет смирения в душе
У тех, кто знанием отравлен», —

Роман ход мыслей изменил
И вспомнил про «микроошибку»...
То, что Евстрат себе внушил,
Способно вызвать лишь улыбку:

«Как выручает простота,
Что позволяет нам (ей Богу!)
Свалить все беды на кота,
Перебежавшего дорогу...»

Роман от мыслей тех взгрустнул...
А утром к ним пришёл Арапов,
За ним Онучин прошмыгнул
На своё место – там, за шкафом.

Арапов начал свой допрос:
«Семён Абрамович, скажите,
Как Вы решили тот вопрос
С оплатой по контракту «Vite»⁷²72? —

«Гордей Петрович, как же так?
Вы приказали всё отставить...» —
«Ну, приказал... Какой пустяк!» —
«Но без команды я не вправе...» —

«И знать об этом не хочу!
Так, договор Вы завалили...
Вы думаете, я шучу?..
Роман Евгеньевич, не Вы ли

Стандарт закончить поклялись?» —

«Стандарт закончен, для печати
Отдал я Свете свой релиз⁷³73». —
«Так, значит, Света виновата?..» —

Сказал Арапов и пошёл,
Спектакль закончив одиозный⁷⁴74.
Роман и бровью не повёл,
Он промолчал на выпад грозный.

Жидков воспринял всё всерьёз:
«Гордей Петрович, подождите!
Нам надо обсудить вопрос!» —
Но тот уже из роли вышел.

За ним Онучин в коридор
И, разминая папиросу,
Евстрат Жидкову фразу бросил:
«Да-а, завалили договор...»

Романа эта процедура
Заставила предположить,
Что поведение самодура
Должно его насторожить:

Он словно их предупреждает,
Что, к сожалению, за май

Зарплату снова урезает...
Хоть снова деньги занимай.

Роман не ждал иных известий...
Расчётный лист он изучил
И от восторга подскочил:
Получит он пять тысяч двести!

И в тот же день, уже в конце,
Пришёл Арапов, развалился,
Ноги скрестил и обратился
Ко всем в единственном лице:

«Кто папку исходящих писем
Найдёт мне?» – и прикрыл глаза.
Гордея лик был живописен —
Способна спесь на чудеса!

Роман, сидевший ближе к шкафу,
Встал первым, и Жидков за ним.
«Кто ж первый?» – жест, присущий графу,
Был очень просто объясним:

Гордею льстило их старанье,
Он этого и не скрывал,
Когда Роман ему подал

Служебных опусов ⁷⁵75 собрание.

Арапов молча папку взял,
Её лениво полистал,
Нашёл в ней что-то, удивился,
Взгляд задержал, слегка скривился —

И тут же папку возвратил:
«Всё, спрячьте это безобразье!»
Когда Арапов уходил,
Он источал благообразие.

Роман сперва не мог понять,
Что означает эта сцена
И в поведеньи перемена...
И вдруг прозрел: «Что тут гадать?»

Он нам зарплату больше платит,
Потом, как курица, кудахчет,
Которая снесла яйцо, —
Связь этих фактов налицо.

Талантлив каждый человек,
И наш Гордей не исключенье,
Его талант – высокомерье,
Он в этом превосходит всех.

В спеси Арапов совершенен,
В презрении он идеал,
Каких я отроду не знал...
И этим он начальству ценен».

Глава 21. Футбол

*– Следовательно, вы получаете удовольствие
от злоупотребления этой властью?*

*– Более того: я утверждаю, что власть и приятна
только тем, что ею можно злоупотреблять.
Маркиз де Сад. Жюстина*

1

Закинув ноги, на диване
Роман сидел и кофе пил...
Глотки и ровное дыхание...
Но праздник всё не приходил...

В его груди была тревога,
Как будто что-то он забыл...
Всё было пошло и убого...
Диван – и тот ему постыл...

Ему внезапно, против воли,

Арапов, гений в произволе,
Явился, вслед за ним Евстрат,
Который был чему-то рад

И усмехался... Как легко
Себе испортить настроенье!
Всё то, что было далеко,
Приблизилось в одно мгновенье,

И вот он весь уже в борьбе:
Враги глумятся, их так много,
Ему уже не по себе,
В его груди растёт тревога.

Он сам своих врагов сюда
Привёл своим воображеньем,
И с ними в дом пришла беда,
Воспользовавшись приглашеньем...

Роман растерянно гадал:
«Что же со мною происходит?»
Я этого мгновенья ждал,
И вот оно ко мне приходит -

А я ему уже не рад
И жду мгновение другое...

Какой-то внутренний разлад,
Я чувствую себя изгоем. ..

А что же я ещё хотел?
Так и должно было случиться:
Ведь целый день, сидя без дел,
Я жду, когда он завершится,

Когда начнётся новый день,
Я полон новых ожиданий,
Я жду серьёзных перемен,
Но, кроме разочарований,

Не происходит ничего.
Я начинаю жить грядущим,
Утратив жизни естество,
Не наслаждаясь днём текущим.

Уже раскручен маховик,
И дней мельканье всё короче,
Я жду финала выходных,
Как ждал исхода дней рабочих.

Без перерыва, каждый день
Я вынужден терпеть глумленье —
На психику мою давленье

(Ведь человек я, а не пень!).

Я вынужден сопротивляться,
Освоив навыки бойца,
Как в панцирь, внутренне сжиматься,
Борясь с врагами без конца...

Так утомлённый пассажир,
В вагоне много дней прошедший,
От этой качки одуревший,
На землю, наконец, сошедший,
Вдруг узнаёт, что этот мир

С ним вовсе не желал считаться
И так же продолжал качаться,
Как будто это был вагон...
Я этим очень утомлён...»

2

Мир невозможен без гармоний
(Иначе б он давно почил!):
Бездельник, так сказать, «в законе»
Вдруг предложенье получил -

Попробовать себя в футболе.
Его озвучил Боровик,

С компанией в соседней школе
Игравший, – и счастливый миг

Роман использовал мгновенно,
Ещё не верящий в свой шанс,
Но тут же выдавший аванс:
«Конечно, буду непременно!»

И в среду он уже сидел
С Боровиком в его машине,
Как вдруг Арапов их узрел,
С серьёзным видом шедший мимо.

Гордей маршрут свой изменил
И, удивленья не скрывая:
«Ты что здесь делаешь?» – спросил.
«Сегодня мы в футбол играем!» —

Роман был счастлив сообщить.
«Ты завтра же пойдёшь к Гудкову —
По инструменту доложить!» —
Сдержать не смог Арапов злобу.

Роман уже давно привык
К привычке портить настроенье,
И до футбола был лишь миг...

Он не придал словам значенья.

Компания, куда попал
Роман по воле Провиденья,
Была (о чём он не мечтал)
Подобрана на загляденье.

Присутствовал сам Боровков,
По безопасности директор,
Мужчина плотный, с животом,
Что вовсе не было дефектом,

Коль в беге он не уступал.

И были с ним два «особиста»⁷⁶76:

Иван, улыбчивый амбал,
И Юра с внешностью стилиста.

Пригожин был, механик главный —
Добряк, красив, лет сорока.
Представлен был и цех прокатный
Самим начальником... Пока...

Коммерческое управление
Роман здесь тоже увидал
В лице Сергея, он бы дал
Лет пятьдесят ему, не менее.

Большим сюрпризом для него
Явилось то, что был здесь Сокол,
Компьютерщик: ведь он всего
В двух метрах от него работал —

За стенкой, в комнате другой.
Роман, давненько не игравший,
Вначале отбивал ногой
К нему случайно отлетавший

Мяч, но потом, придя в себя,
Легко к игре приноровился.
Он стал обыгрывать ребят,
Играл с умом, не суетился,

Восстановил дыханье, бег,
И постепенно оказалось,
Что он играет лучше всех.
Давно не ощущал он радость!

Уверенность в игре в футбол
Была как свежее дыханье,
Как нежных роз благоуханье
В чаду, что создал произвол.

Став вхожим в местную богему⁷⁷77,
Роман свободу ощутил...
Но создал новую проблему —
С Араповым в конфликт вступил.

Геннадий часто подвозил
Арапова после работы
(Гордей в его районе жил),
И вследствие такой заботы

Арапов, видно, посчитал
«Своей» машину консультанта
(Хотя Роман отлично знал —
Была машина и у «гранда»⁷⁸78).

Он, увидав Романа в ней,
Решил, что это оскорбленье,
И сам, без помощи «друзей»,
Уже оказывал давленье —

Роману стал напоминать:
«Пора докладывать Гудкову!»
Но рано было исключать
«Друзей» услужливую помощь —

К Роману сам Гудков пришёл
(Важнее дел он не нашёл
И только о Романе думал?),
Спросил задумчиво-угрюмо:

«Евгеньич, я заждался вас —
Тебя с Араповым напару...
Про инструмент и про запас
Когда доложите мне?... Завтра?»

Роман не знал, что и сказать:
Гудков, с Араповым встречаясь,
Мог сам Гордея попытать,
Не утруждаться, вниз спускаясь.

Так нет же, сам пришёл к нему,
Как будто всё Роман решает,
Арапов же и знать не знает,
Когда, зачем и почему...

Роман растерянно ответил:
«Я должен переговорить...
Гордей Петрович... Чтоб проверил...
Нам надо вместе обсудить...»

Гудков ушёл. Роман смирился

С тем, что уже не избежать
Доклада, мысленно бодрился,
Себя стараясь поддержать.

В разгар моральной подготовки
Роман узнал, что и Гордей
Готовится... к командировке
В Германию на десять дней

И в понедельник улетает!
Теперь он мог спокойно жить —
Его отсрочка ожидает...
А там уже – как Бог велит...

Но в пятницу Гордей внезапно
Спросил: «К докладу ты готов?» —
Нутро Романа страх царапнул
От неожиданных тех слов.

Он не на шутку испугался,
И долго страх не отпускал...
Наташе вечером признался,
Что в провокацию попал:

«Собака, лая, не кусает,
А если хочет укусить,

То предварительно не лаает.
Пора мне это уяснить.

И человек, который хочет
Реально что-то совершить,
Бесцельно языком не строчит,
А совершает и творит». —

«Напоминанье про доклад
Подобно тьявканью собаки,
Которая, пугаясь драки,
Не собирается кусать?» —

«Гордей, «сидя на чемоданах»,
Меня пытается про доклад,
И мне довольно этих данных,
Чтоб вывести свой постулат:

Доклада никогда не будет,
И вскоре он о нём забудет.
Ясна мне цель его потуг:
Он жаждет видеть мой испуг!»

Глава 22. Чемпионат мира по футболу

*О деспотизм, ты правишь нетерпимо!
Но разве бог нам землю подарил,*

*Чтоб мир лишь ставкою в игре тиранов был?
Д. Байрон. Паломничество Чайльд Гарольда*

1

Роман, начав играть в футбол,
Почуял: есть во всём свобода —
И после сытного обеда
Гулять по пустырю пошёл.

И ощущение свободы
Росло в Романе с каждым днём.
Сперва то были эпизоды,
Затем был ею опьянён,

Когда Савчук, ушедший в отпуск,
Ему оставил все дела.
Он получил к работе допуск,
И не брала его хула.

Но, занятый работой важной,
Что отнимала много сил,
И за Онучиным следил —
Не забывал о силе вражьей.

Зайдя однажды в кабинет
Арапова в конце июня

И увидав большой букет,
Роман недоброе почуял.

Евстрат, как лис, хвостом вилял,
Ввести пытаясь в заблужденье,
Но всё-таки ему сказал,
Что у Гордея день рожденья.

Евстрат открылся новой гранью:
Он обложил всех тяжкой данью,
Чтобы неведомый завхоз
Смог получить букетик роз,

Но о грядущем дне рожденья
Начальника он умолчал,
Купил цветы и без стесненья
Их лично от себя вручал.

Мотивы были очевидны:
Его поступки благовидны,
Евстрат Араповым любим
И для него незаменим.

Он снова доказал патрону,
Что «нет в отделе мужиков»,
И только он всегда готов

Поддерживать его корону.

2

Но вот уже дождался мир
Чемпионата по футболу,
Всех ожидал волшебный пир
Атак, финтов, страстей по голу.

Директор выпустил приказ
С запретом на просмотр футбола
В часы работы... Но экстаз
Не восприимчив к протоколам.

Компьютерщики за стеной,
Болельщики все поголовно,
Дисплей включая запасной,
Футбол всегда смотрели, словно

Настраивали монитор —
Футбол настройке не помеха.
Роману Сокол был партнёр
В футболе – вот залог успеха:

Он к ним частенько заходил,
Чтобы узнать, кто с кем играет,
Кто победил и кто забил —

В работе это окрыляет.

Весь день с волнением предвкушая,
Что будет вечером футбол,
Роман домой скорее шёл,
Свой день рабочий завершая.

Из всех команд игрой своей
(Не только по местам в таблице
Турнирной) были всех милей
Роману немцы и бразильцы.

Бразильцев он сильней любил,
Он видел, как сильна команда —
Сколари звёзд в кулак сплотил.
Как дирижёра музыканты

Все слушались: Дида, Полга,
Кафу, Роналдо, Роналдиньо,
Жилберто Силва, Рикардиньо,
Роберто Карлос и Кака.

Компьютерщики (пусть не все)
Германию предпочитали.
И вот минуты те настали,
Когда себя во всей красе

Команды эти показали
При очной встрече. И Роман,
Сперва выдерживал свой план,
Пока команды выжидали:

К своим соседям приходил,
Счёт узнавал, смотрел немного...
И с сожаленьем уходил,
Коль с дисциплиной было строго.

Команды ускоряли темп,
И не одна звезда блистала,
Забить могли в любой момент,
И напряженье нарастало.

Остаться, вроде, не к лицу...
Роман туда-сюда метался,
Но первый тайм идёт к концу...
Роман не выдержал – остался.

Онучин тоже прибежал,
Счёт узнавал, смотрел мгновенье,
Романа взглядом обжигал
И удалялся, весь в смятеньи.

Но, видя, что Роман сидит
И нагло смотрит, не стесняясь,
Прилип к дисплею, как магнит,
И стал смотреть, не отрываясь.

Бразильцы атакуют – вот
Оливер Кан, вратарь, ошибся,
Мяч упустил, и эпизод
Внезапно голом завершился!

А через несколько минут
Бразильцы снова забивают.
Но немцы игры не сдают,
И до конца всегда играют...

Роман уже победой жил...
И в этот миг вошёл Арапов!
Он в изумлении застыл
От полного паденья нравов:

«Роман Евгеньевич! Ты что —
Остатков совести лишился?
Евстрат Сергеич! Уж кто-кто —
А ты-то здесь как очутился?»

Роман промямлил: «Я зашёл,

Чтоб результат узнать – и только...» —
Предусмотрительно он счёл,
Что здесь не к месту будет стойкость.

Онучин же вошёл в азарт —
Он от Гордея отмахнулся,
И тот, вздохнув, пошёл назад,
А вслед за ним Роман поплёлся.

Арапов, выйдя в коридор,
Сказал: «Такого поворота
Не ждал, и раньше суд был скор —
Вмиг отправляли за ворота!»

Роман прекрасно понимал,
Что прав начальник, без сомненья...
Но внутренне он ликовал,
И не было в нём сожаленья.

Он посмотрел прекрасный матч,
Он стал свободным на мгновенье
От страха (есть ли лучше врач?)
И был готов любую цену

За то мгновенье заплатить...
Но был готов и на уступки...

И он решил изобразить
Раскаянье в своём поступке.

Он низко голову склонил,
Ни дать, ни взять – сама покорность,
И весь остаток дня хранил
Раскаяния иллюзорность.

А в пять часов, когда уже
Домой все стали собираться,
Арапов, вызвав, в чертеже
Велел Роману разобраться

С тем, чтоб его перенести
В компьютер в виде схемы стенда.
Едва ли смог бы он найти
Неряшливее документа:

Чертёж был сделан на клочке
Измятой, в клеточку, бумаги,
Небрежно, как в черновике,
Теснились линии и знаки.

Арапов важно пояснил,
Что рисовал его профессор,
Которого к ним пригласил

Онучин, заводской прогрессор⁷⁹79.

«Тебе на это полчаса!» —
«Так мало? Нет, я не способен
Творить такие чудеса!»
Но был Арапов непреклонен.

Роман, догадливый, смекнул,
Что он наказан... благосклонно,
Хотя сегодня он дерзнул
Проигнорировать законы.

Свободный от вины своей,
Роман над чертежом кумекал.
В окно он видел, как Гордей
С Боровиком домой поехал.

3
Футбол Романа изменил,
Но и Гордей привычкам новым
Подвергся. Прежде он следил,
Чтоб был Роман к столу «прикован»,

Теперь же начал посылать
В различные командировки —
Вполне типичные уловки

Того, кто хочет избежать

Общенья с тем, кто неприятен.

Роман всё понимал, и он

Арапову был благодарен

За столь приятный моцион.

Однажды, обратясь к Жидкову, —

«Роман Евгеньевич!» – сказал

Арапов. Это было ново.

Роман к тому же замечал:

Гордей за стол его садился

И надевал его очки,

Как будто сроду не сердился,

И неприязни вопреки.

Всё это было непривычно...

Роман бы, например, не смог

Надеть очки того, чья личность

Ему противна, кто убог,

Как, например, Евстрат двуличный:

«И всё это после того,

Как я был пойман им с поличным...» —

«Но почему? Из-за чего?» —

Его Наташа вопрошает.
«Быть может, глубоко в душе
Его мой подвиг восхищает,
Когда в футбольном кураже

Я сделал то, что не под силу
Тому, кто властью наделён.
Ему отваги не хватило,
Я ж показал, как я силён.

Борюсь я вовсе не с Евстратом,
И не с Араповым борюсь,
А с собственным животным страхом.
Мне стыдно, что всего боюсь.

Я знаю, что Евстрат с Гордеем
Хотят, чтоб я оболган был,
Чтоб выглядел для всех злодеем,
И мне не остудить их пыл.

Но, обо мне упоминая
На фоне негативных дел,
Стараются... мне помогая:
Я популярным стать успел.

И есть тому пример известный —
Амелькин. Хоть бранит Евстрат
Его, мне он всё интересней,
С ним встретиться я был бы рад».

Глава 23. Жидков

*Об этом портном, конечно, не следовало бы
много говорить, но так как уже заведено,
чтобы в повести характер всякого лица был
совершенно означен, то, нечего делать,
подавайте нам и Петровича сюда.*

Н. Гоголь. Шинель

1

Арапов обязал Борея
В ту схему, что он рисовал,
Вносить поправки, измененья,
Сам указания давал.

Потом он, в виде дивиденда⁸⁰80,
Роману срочно поручил
Писать инструкцию для стенда...
Давно Роман так не творил.

Жидкову поручил Арапов

Цех посетить, проверить стенд:
«В цеху избыток технократов,
А результата что-то нет!» —

«При чём тут я? Ведь это Рома
Над стендом трудится сейчас!» —
«Его метода мне знакома:
Потреплет языком – и пас⁸¹81!

Характер нужен здесь дотошный
И въедливый, как у дельца,
Чтоб получить диагноз точный
И разобраться до конца».

Роман, послушав, удивился:
«Меня Арапов унижал,
Но я ничуть не оскорбился...
Я, несомненно, возмужал».

Роману даже показалось:
Арапов, склонный извращать,
Провозгласив его негодность
Занудливостью докучать,

Из низшей касты «работающих»,
Проблемы призванных решать,

Его возвысил до «царящих»,
Чьё дело – место украшать.

Им позволительно безделье,
Поскольку, как бы ни хотели,
Не в силах дело завершить...
Но им и так неплохо жить.

Арапов возлагал надежды
На то, что въедливый Жидков
Докажет: в цехе все невежды...
Вердикт «эксперта» был таков:

Стенд для работы не пригоден,
Поскольку схема неверна;
Цех результатом недоволен,
И здесь профессора вина.

Жидков сказал, для пользы вящей:
«Профессор нас не убедил —
Вокруг да около водил...
Какой-то он... ненастоящий...»

2

Когда Арапов обратил
Внимание общее на фактор

Такой, как въедливый характер
Жидкова, для себя решил

Роман к Семёну присмотреться,
Характер лучше изучить,
На что в нём можно опереться,
И лучшее заполучить.

Хоть не был дружным «коллектив»,
Но постоянно разрастался,
И сам собой вопрос поднялся:
У них нарушен норматив —

На комнату таких размеров
Один всего лишь телефон.
Подобных горестных примеров —
Два-три на целый миллион!

А коль возникло затрудненье,
У них сформировалось мнение:
Как воздух, нужен аппарат
В тот угол, где сидит Евстрат.

Остерегаясь наказания,
За то, что «собрались» втроём,
Был каждый за своим столом,

Участвуя в том совещаньи.

«Я думаю, что нужно нам
Сказать Арапову об этом, —
Сказал Борей, – к его чинам
Все отнесутся с пиететом⁸²82».

Жидков Роману возразил:
«Арапову я говорил!» —
«И что же?» – «Он мне не ответил...
За нас он, видно, не радетель...»

Тут в разговор вступил Савчук:
«Не будет он за это браться,
Всегда надутый, как индюк!
Не стоит попусту стараться.

Я знаю, как вопрос решить:
Нам надо как-то получить
На документе его визу
И дальше, следуя девизу

О той воде, что камень точит,
Самим с прошением ходить,
Раз наш Гордей ходить не хочет,
И разрешенье получить».

Жидков занялся тем деяньем,
Пять дней продлился марафон,
Благодаря его стараньям
Был установлен телефон.

3

Жидков (он был специалистом,
Что договоры оформлял
И с фирмами вёл переписку)
Довольно часто привлекал

К своей работе переводчиц —
Смазливых молодых девиц,
Ещё недавних выпускниц,
Не знавших толку в производстве.

Он ими недоволен был
И постоянно возмущался,
Одну из них при всех бранил —
Мол, перевода он заждался.

«Ты знаешь, как зовут её?» —
Спросил Роман, когда толмачка⁸³
Ушла от них, едва не плача.
«Нет... Переводчица – и всё!»

Но вот пришёл черёд Романа
Одно письмо переводить.
Его послали, как ни странно,
К той самой, что Жидков судить

Решил бездушно и сурово.
Он не сказал ещё ни слова,
А у неё в глазах испуг:
«Он не ругается?.. А вдруг?..»

Он рядом сел, завёл беседу,
Разведал, как её зовут,
Затем, как будто дела нету
До перевода, словно шут,

Её развеселить пытался,
И этот трюк ему удался:
Она открылась, ожила
И с ним работать начала...

Но вдруг «споткнулась»: термин сложный
Она увидела в письме —
Трясутся руки, взгляд тревожный...
Увидев в этой кутерьме

Страх ошибиться в деле важном
(вполне ответственный подход!),
Роман, стараясь быть бесстрастным,
Её избавил от невзгод:

Синоним подсказал возможный,
Добавил пару добрых слов,
Дал ей понять, что риск ничтожный –
И вот уж перевод готов!

Свершив поступок благородный,
Роман за девушку был рад,
Он видел благодарный взгляд,
От страха полностью свободный.

И вот их Митин посетил,
Что девушками деликатно
И вежливо руководил,
И речь свою повёл приватно:

«А где ваш Хамов? – он спросил
И посмотрел на стол Жидкова
(Романа он не удивил,
Ярлык наклеив яркий, новый).

– Он переводчицам грубит,

Их обзывает постоянно...
Кто так людьми руководит?
Одни потоки речи бранной...

Они наслушались всего,
Им тошно от такой работы...
Вот если бы вместо него
Борей давал им переводы!»

4

В конце квартала подошла
Пора закупки канцтоваров.
Всегда подобные дела
Вершил Савчук (конечно, даром!).

Но был он в отпуске уже —
Да Боровик, на чьей машине
(За право доли в дележе)
Осуществлялось всё доньше.

Жидков взял это на себя,
К Арапову он обратился,
Чтоб дал машину... Как всегда,
Арапов самоустранился...

Лишь соизволил дать совет —

К Зубкову с просьбой обратиться,
Чтоб за товарами в обед
В его машине прокатиться.

Слегка подумать обещал
Жидкову энергетик главный,
Семён звонил ему исправно,
Но он Жидкова избегал.

5

Жидков, оформив с фирмой «Vite»
Довольно сложный договор,
Со всеми вёл жестокий спор,
Твердя упорно: «Подпишите!»

Последним должен быть Цуркан.
Жидковым договор на подпись
Со всеми визами был сдан,
А через день, явившись в офис,

Жидков узнал, что договор
Ещё Цурканом не подписан.
Назавтра снова обратился —
Всё тот же слышит разговор.

Он много раз безрезультатно

Ходил к Цуркану и обратно,
Пока не получил укор
Арапова – он договор

Потребовал оформить срочно.
Жидков пошёл, но, как нарочно,
Узнал всё тот же результат.
Решил он, что ему вредят,

Что секретарь Цуркана, Лорис,
В свой стол убрала договор,
Не подаёт его на подпись,
И он вступил с ней в жаркий спор,

Намереваясь стол обшарить
(Хоть это и не украшает)...
Он лишь тогда умерил пыл,
Когда Арапов сообщил,

Что договор не актуальный,
И он не будет заключен
(Цуркан был в это посвящён).
А Лорис метод радикальный

Жидкова сильно напугал,
И взгляд испуганный встречал

Всех, кто в приёмную явился:
Уж не Жидков ли возвратился?

Глава 24. Проба сил

*«Ай, Моська! знать она сильна,
Что лает на Слона!»*

И. Крылов. Слон и Моська

1

Евстрат в июле объявил,
Что он к отчёту приступил
О деятельности завода
За предыдущие полгода.

А это означало то,
Что все должны сидеть на месте,
Давать Евстрату свой итог,
Чтоб он сводил все цифры вместе.

По списку первым шёл Жидков.
«Семён, с юристами сличили
Количество договоров,
Что за полгода заключили?»

Жидков вскочил, шкаф отворил,

Недолго в толстых папках рылся
И нужный документ открыл.
Онучин удовлетворился.

Вслед за Жидковым шёл Савчук,
Но он был в отпуске... Онучин
Сказал Роману, как барчук,
Которому весь плебс⁸⁴84 наскучил:

«Роман, мне срочно надо знать
О наших заводских расходах
На инструмент, что заказать
Пришлось нам на других заводах!»

Роман решил проблему так:
«Гордей мой истинный начальник,
Евстрат – всего лишь мой земляк
И в злодеяньях соучастник.

Раз человек решил избрать
Путь подлый, что сродни со скотством,
Ему не стоит облегчать
Тот путь ненужным благородством!

Желает данные узнать?
Пусть обращается к Гордею -

Лишь он мне может приказать,
Ему перечить я не смею».

И он сказал, «как на духу»:
«Евстрат, вопрос довольно сложный...
Пока ответить не могу,
Лишь знаю вариант возможный...»

Евстрат вскочил и убежал,
Чуть позже позвонил начальник,
И он Роману приказал
(А голос был вполне лояльный)

Объем расходов отыскать
И сообщить его Евстрату.
И только получив «мандат»⁸⁵85,
Роман пошёл искать затрату.

А в пять часов Евстрат сказал
(И в голосе вина звучала):
«Как надоела, ты бы знал,
Привычка наших бонз⁸⁶86 к авралам!»

Роман признанью был бы рад —
Онучин шёл на примиренье...
Но только лишь на первый взгляд —

Возможно, это ухищрение...

И точно: утром прибежал
Гудков – и напрямиком к Роману.
Он возбуждён был, и дрожал
Массивный подбородок чванный:

«Роман Евгеньевич! Когда
Ко мне вы оба подойдёте?
Хоть вы большие господа,
Надеюсь я, что снизойдёте...»

Роман гадал: «Ну, как же так?
Ведь я решил, что обойдётся...
Выходит, я попал впросак,
И отвечать за всё придётся?»

Он был испуган, напряжён,
Нещадно самоистязался,
Что лез бездумно на рожон,
В работу вникнуть не старался...

После обеда он узнал,
Что всё начальство в одночасье
Уехало в банкетный зал
На головное предприятие.

2

Жидков, работавший полгода,
На отпуск право получил —
На две недели (и всего-то?).
Тут о себе Роман спросил —

Арапов был категоричен
И чересчур академичен:
Мол, не положено, закон —
Вопрос, как минимум, смешон...

Роман обиделся вначале:
«Жидкову можно, мне нельзя?»
Да, это повод для печали...
Гордей так сделал, мне грозя,

Чтоб стало мне невыносимо,
Чтоб мог увидеть боль мою...
Но кто показывает силу?
Кто слабость чувствует свою!»

Арапов сам через неделю
В свой отпуск должен был идти,
И потому доклад решили
На пятницу перенести.

Чтоб показать, что не боится,
Роман к Арапову пришёл:
«Доклад сегодня состоится?
Гудков на нас, похоже, зол...»

Арапов нехотя ответил,
Не поднимая головы:
«Ну, если ты уже наметил,
Иди к нему и доложи!» —

«Но я под Вашим руководством
Работаю, и потому
Решать вопросы производства
Мне не пристало самому». —

«Но, может быть, Вы замечали,
Что времена уже не те? —
Сказал Арапов, поучая. —
Самостоятельность в цене!»

Роман мгновенно взбеленился
От лицемерных этих слов,
Душа рванулась из оков,
И он тирадой разразился,

Не ведая, что говорит:
«Самостоятельным быть сложно
(Всё это местный колорит!),
Когда зарплата так ничтожна

И так зависима от Вас!
Про самобытность Вы твердите?
Но должностную по сей час
Инструкцию не утвердили!

А без неё я не могу
Цех посещать – там Картуз злобный.
Когда я от него бегу —
Всегда ловлю Ваш взгляд довольный!

И вы, смотря со стороны,
Надеетесь, что я не справлюсь.
Вы, как помощник, не годны,
И я, конечно же, ослаблюсь!»

Роман внезапно замолчал —
Гордей ему не отвечал,
Он неожиданно поднялся
И срочно чайником занялся...

Потом он нехотя сказал,

Как будто что-то его гложет:
«Мы к этому вернёмся позже...» —
И Роме спину показал.

Избавив босса от доуки,
Роман ушёл, запомнив вид:
Арапов с чайником стоит —
И у него трясутся руки!

Роман волнение испытал:
«Арапов выглядит ужасно...
Случайно в точку я попал —
И сразу жареным запахло!

Он продолжать не захотел,
Прикинувшись, что много дел, —
Ему сейчас для консультаций
Онучин нужен головастый».

3

И стал Роман смиренно ждать,
Какой решит Онучин дать
Совет, чтоб усмирить крамолу...
Гордей бродил по коридору,

К ним заглянул он пару раз

В поисках мудрого собрата:
«Кто знает, где найти Евстрата?» —
Спросил, не поднимая глаз.

Был жалок предводитель грубый,
И голова (смешно взглянуть!),
Как шар, не до конца надутый,
Безвольно падала на грудь.

Онучин иногда являлся,
Едва Арапов начинал
С ним говорить, он извинялся
И моментально убежал,

Сказав ему, что занят очень.
Уже кончался день рабочий,
Гордей по этажам ходил
И про доклад не говорил.

«Да, отпуск я ему изгадил! —
Злорадствовал Роман, смеясь. —
Евстрат же, от него таясь,
Видать, не смог придумать за день,

Как защититься от меня —
Не по зубам им западня.

Я задал им задание на дом —
Пусть выходные станут адом!»

Вот понедельник наступил.
Арапов дома настрадался —
Всё так же вял и жалок был
И так же экстренно нуждался

В советах мудрых... Но Евстрат
Не торопился появляться —
Просил Гордею передать,
Что вынужден он задержаться.

Евстрат к обеду лишь пришёл,
Арапов с ним имел беседу,
Потом Роман был приглашён.
Арапов не скрывал победу:

«Вадим Иванович нас ждёт...
Ему лишь надо пообедать...
О чём же речь у нас пойдёт?..
Что нам в дальнейшем надо сделать?..

На инструмент в последний год
Мы стали тратить больше денег:
Монополисты, вместо льгот,

Стараются повесить ценник.

И при закупке мы должны
Им находить альтернативу —
Другие фирмы нам нужны,
Мы видим в этом перспективу.

Ты понял?» – заключил Гордей.
Евстрат сидел и ухмылялся.
Роману стало веселей —
Ведь инструмент весь закупался

Шумахером, и, значит, он
Всем этим будет заниматься.
Итог доклада предрешён —
Роману нечего бояться.

И он спокойно подождал,
Когда Гордей к себе позвал
И вместе с ним пошёл к Гудкову...
Но тут всё изменилось снова:

Арапов в кабинет вошёл,
Сказав Борею дожидаться.
Роман ждал больше получаса,
Обследуя журнальный стол.

И вот Арапов появился,
Сказал: «Ну, всё – пойдём со мной!» —
И кабинет свой устремился.
Маяча за его спиной,

Роман спросил насчёт доклада
(Он знал, что бьёт не в бровь, а в глаз)...
«Вадим Иванович... Он занят... —
Сказал Гордей. – Не в этот раз!»

Глава 25. Программа

*Хитрость близорука: хорошо видит только
под носом, а не вдаль, и оттого часто сама
попадает в ту же ловушку, которую
расставила другим.*

И. Гончаров. Обломов

1

Арапов, в отпуск уходя,
Роману поручил программу:
Двенадцать пунктов соблюдая,
Ценою собственных стараний

Роман обязан предложить,

Как заниматься инструментом,
Чтобы расходы сократить
На целых двадцать пять процентов.

Чтоб этот план осуществить,
Он в цех обязан обращаться,
Все сведения получить,
Внимательно в них разобраться.

Арапов стал самим собой —
Начальником высокомерным,
Как нобиль⁸⁷87 перед голытьбой
Твердил с апломбом непомерным:

«Ты должен всё пощупать сам...
Руками собственными... Может,
Испортить что-нибудь им там...
Всё это опыт преумножит...»

Роман уже успел прочесть
Все пункты нового эдикта⁸⁸88:
В любом из них ловушка есть
И основанье для конфликта.

С людьми он должен воевать,
Насилюя свою природу,

Чтоб сведения добывать...
И всё Арапову в угоду.

Роман боялся, как огня,
Общаться с непокорным цехом —
Он не забыл событий дня,
Когда Картуз прогнал со смехом.

«Все пункты, – он сказал жене, —
Заведомо невыполнимы!
Никто не предоставит мне
Всех сведений необходимых

Не из-за вредности людской —
В природе их не существует...
И я утрачу свой покой...» —
«Вот уж Арапов возликует!

Программа эта – приговор,
И не годна для исполненья...» —
«Ну, что ж, тогда я крючкомвор⁸⁹89,
И к ней добавлю измененья.

Арапов хочет, чтобы я
Со всеми ссорился, ругался —
Как он...» – «Но в чём же цель твоя?..» —

«Мне выгодно, чтоб я общался!

Гордей желает, чтобы я
Режимы резанья освоил...
Но делать этого нельзя —
Он ложный путь мне подготовил!

Ведь то, чего я так боюсь, —
Моя надежда и спасенье:
Мне непосильно (признаюсь!)
С людьми открытое общенье.

Я сразу чувствую вину
Перед любым специалистом,
Мне кажется – я ничему
Не в состоянии научиться.

Программа эта – мой предлог
Своё стеснение пересилить,
С людьми наладить диалог,
И чтобы все его вкусили.

И даже Картуз, давний враг
(Он злой, но вовсе не дурак),
Почувствует моё общенье.
О, это будет наслаждение!

Арапов вызов бросил мне —
Я этот вызов принимаю,
И выиграю я вдвойне,
Поскольку сам себя спасаю.

Ведь сам Арапов говорит,
Что я безынициативный...» —
«И ты способен оценить
Его упрёк?» — «Он конструктивный.

Я буду побуждать себя
Активным быть, не уставая...
Но не Арапова любя —
Свои задатки развивая».

2

Роман всё больше понимал:
Арапов внешне был доволен,
И виду он не подавал...
Но дал программу против воли.

Ведь у Романа будто вдруг
Большое войско появилось
Или влиятельнейший друг...
И обстановка изменилась.

Он мог вставать и уходить,
Оставив кандалы Гордею,
И тот не мог остановить,
Поскольку сам подал идею!

Хоть нелегко преодолеть
Сопrotивление народа,
Что любит свысока смотреть,
Но компенсация – свобода!

Роман слегка паниковал,
Но тут помог ему Онучин —
Советы мудрые давал,
А сам был монотонно-скучен.

Роман уверенность обрёл
И начал верить в свои силы,
А так как ум был обострён —
Его буквально осенило:

«Ведь я же право получил
Решать свои дела с Гудковым!»
Роман немедленно решил
Связать себя общением новым,

Хотя прекрасно понимал,
Что тем для разговора мало.
Но сам себе Роман сказал:
«Я должен положить начало!

Ведь главное – не тот вопрос,
С которым я пойду к Гудкову.
Я на себя повышу спрос —
Вот что возьму я за основу!

Его я стану приучать
К себе, войдя в его реальность.
Я не любитель докучать,
Но вынужден пойти на крайность.

Да, будет страшно... Но затем
Мне станет легче... Как с Гордеем:
Сейчас общаюсь наравне
С высокомерным корифеем.

Гудков, конечно, не Гордей,
И страх мой на порядок выше,
Но будет результат ценней —
Я этим сам себя возвышу.

Ну, а пока соблазн большой

Его достоинства принизить,
Чтобы, воспрянув всей душой,
Свою уверенность повесить...

На вид, конечно, метод прост...
Но он обходится дороже:
Я ограничу сам свой рост,
Когда противник мой ничтожен.

Я попытался презирать
Арапова, пока не понял,
Что не способен обладать
Его задатками, и принял

Его таким, какой он есть.
Я стал вести себя смелее
И защищать былую честь —
Сейчас я не боюсь Гордея.

Угрозы жизни больше нет,
Он мне всего лишь неприятен,
Как насекомое, чей вред
Едва ль опаснее царапин.

И вот теперь мне предстоит
Увидеть качества Гудкова,

Осмыслить их и оценить,
И получу я импульс новый.

Мне вскоре предстоит понять,
Сравнив с Арапова манерой:
Ведёт ли он себя, как знать⁹⁰90,
Со мной, обычным инженером?»

3

И в тот же день он получил
(Через Онучина, конечно!)
Заданье: надо, чтоб сравнил
Режимы резанья – и спешно!

Он сразу запаниковал:
Онучин, приказав исполнить,
Ему ни слова не сказал,
В каком же виде всё оформить.

Роман Онучина спросил,
Тот заворчал, засуетился —
И вскоре след его простыл.
Роман на «друга» рассердился...

Но тут же сам себя взбодрил:
«А как бы поступил Онучин?»

Ему никто не говорил,
Что делать, он собственноручно

Вершит все важные дела,
Находит нужные решенья,
Он даже может повлиять
На кадровые назначенья.

Руководители его
На это просто не способны,
Он стал для всех весьма удобным,
Здесь всё зависит от него.

Как важно думать самому,
Тогда не будет униженья
От инвалидов по уму
И безголовых от рожденья.

Кто верить с детства не привык,
Что он достоин лучшей доли,
Тот вечный чей-нибудь должник
И исполнитель чьей-то воли.

Я за бесценок отдаю
Привычку к праздности и лени,
Чтоб никогда за жизнь свою

Не становиться на колени.

И я способен сам решить,
В какую форму облачить
Свою таблицу, – тьма решений,
Поскольку нет ограничений».

Роман придумал форму сам,
Взяв данные в «любимом» цехе,
Её заполнил к трём часам
И сдал – как справку об успехе.

4

И вот он – долгожданный день:
Арапов, к отпуску готовясь,
Призвав к себе своих людей,
Их инструктировал на совесть.

Вдруг в кабинет вошёл Гудков,
Стал говорить о производстве,
Замолвил пару веских слов
О том, что в высшем руководстве

Единства нет и что Цуркан
Несправедливо обвиняет
Гудкова в том, что сорван план,

При этом факты искажает...

Он очень долго говорил,
И вид его был очень грозен.
Роман с волнением следил
За ним, был взгляд его тревожен:

А вдруг он речь свою прервёт —
Романа спросит о программе?
Он понимал, что не найдёт
Слов, чтобы выдержать экзамен.

А с понедельника Евстрат
(Как будто он –Гордей) стал править...
С законом явный был разлад:
О том, что должен он возглавить

Весь аппарат, никто не знал;
О замещении Гордея
Приказ никто не показал.
Выходит, это всё затея

Онучина власть захватить?..
Или тот фактор, что Онучин
С начальником мог кофе пить,
Сработал, и ему поручен

Арапова весь комплекс дел?..
А между тем Евстрат старался.
Своим стараньем он хотел
Всем показать, как отличался

Его демократичный стиль
От автократии Гордея,
Насколько он руководил
И грамотнее, и умнее.

Роман подыгрывал ему
(Меж ними было пониманье),
Но удивлялся, почему
Онучин поощрял свиданья

С Гудковым (прежде никому
Не позволял он приближаться
К Арапову): «Мне по уму
С Евстратом рано состязаться...»

Книга третья

Глава 26. У подножия вершины власти

Хлестаков. Я сам тоже, я не люблю людей

*двуличных. Мне очень нравится ваша
откровенность и радушие, и я бы, признаюсь,
больше бы ничего и не требовал, как только
оказывай мне преданность и уважение,
уважение и преданность.*

Н. Гоголь. Ревизор

1

Роман Гудкова посещал,
Свой прежний план осуществляя.
Сперва он робость ощущал,
Но шёл, все силы собирая

В кулак, и начал привыкать
Общаться наравне с Гудковым,
Программу начал обсуждать,
Был с каждым разом меньше скован.

Теперь он мог в любой момент
Войти к Гудкову без Евстрата,
Чтоб говорить про инструмент,
Про трудности и про затраты.

Большов, директор генеральный,
В командировку отбывал
В Швейцарию. Режим авральный

Гудков Роману навязал.

Роман звонил в Москву, в те фирмы,
Что собирался посетить
Большов, вёл с ними переписку,
Чтоб план в реальность воплотить.

Три дня докладывал подробно
Роман о состояньи дел
Гудкову; точно, расторопно
Вёл все дела, что тот велел.

В четверг он вновь пришёл к Гудкову
И начал было свой доклад,
Но вынужден на полуслове
Его прервать – Гудкова взгляд

Остановился, сам он замер,
Романа слушать перестал,
Схватил вдруг трубку, быстро номер
На коммутаторе набрал.

Пригожин был на громкой связи.
Гудков задумчиво спросил:
«Ведь нами номер не заказан
В гостинице?.. Кто упустил?..»

Возникла пауза... Пригожин
Сказал испуганно: «О, Боже!» —
«Чтоб промах срочно устранить,
Пора в Швейцарию звонить!» —

«Я понял!» – отвечал Пригожин
И аппарат свой отключил.
Доклад Романа был несложен,
Его он быстро изложил —

И срочно кабинет покинул,
Чтоб быть подальше от греха.
Потом мозгами пораскинул —
И тихо улизнул в цеха.

Роман к концу недели кончил
Свои «Швейцарские дела»
И приступил к проблемам прочим —
Программа к творчеству звала.

Он начал думать, вдохновился,
Взял ручку, за ухом скребя...
Внезапно сам Гудков явился:
«Роман Евгеньич, у тебя

Есть карта точная?» — «Какая?» —
«Швейцарии». — «Нет, карты нет». —
«У нас проблема непростая:
Большов назначил свой отъезд

На завтра. Чтоб маршрут составить,
Мне карта точная нужна».
Роман был должен всё оставить
И превратиться в бегуна.

Он побывал в библиотеке,
В отделе оформленья виз
И в профсоюзном комитете,
По этажам летал вверх-вниз,

Но карты нету и в помине.
С тяжёлым сердцем он пришёл
К Гудкову, будто в том повинен,
Что совершил одно из зол.

Гудков сидел угрюм, задумчив...
Роман решил произнести:
«Подумал я, что будет лучше
Из дома карту принести...»

Гудков ожил: «И в самом деле —

Ведь карта есть и у меня!
Оставим всё на понедельник...»
Роман прожил остаток дня

Без той привычной эйфории,
Что в предвкушении выходных
Овладевала им. Впервые
Роману было не до них.

Он сожалел о том, что карту
Не смог начальнику найти, —
Как стайер, повинясь старту,
Он пребывал ещё в пути.

И в понедельник первым делом
Гудкову карту он понёс...
Тут моментально разглядел он,
Что очень благодушен босс.

«Вот карта...» — «Ничего не надо! —
Шеф весело махнул рукой. —
За нас швейцарские камрады⁹¹91
Решили всё между собой».

При следующем посещении
Гудков, в Романа вперив взор,

Завёл, ему на удивленье,
Серьёзный слишком разговор

И о политике завода,
И о финансовых делах,
Хотя дела такого рода
Решают при иных чинах.

«Гудков, привыкший, что Арапов
Всегда находится при нём,
Счёл для себя хорошим знаком,
Что я всё ближе с каждым днём,

И доверяет мне проблемы,
Что возникают у него,
Меня постоянно темы.
И мне не надо ничего

Решать, мне надо просто слушать
Да делать вид, что я умён.
Хоть это всё довольно скучно,
Я, разумеется, польщён.

Гудков не потрудился вспомнить,
Что есть программа, и что я
Обязан был её исполнить —

И стала легче жизнь моя.

Я перестал его бояться,
Я с ним умею говорить.
Он понял, что на тунеядца,
Я не похож, как ни крути.

Его уже не раздражает,
Что о программе нет вестей:
Он знает, что я чем-то занят,
Освобожусь – займусь и ей».

2

Гордей был в отпуске неделю,
А в понедельник позвонил
И слабым голосом спросил,
Который слышен еле-еле:

«Скажите, как у вас дела?» —
И посторонний мог подумать,
Что был Гордей не на досуге,
А очень тяжело хворал.

Роман давно подозревал,
Что отпуск босса был отравлен
Тем, что Гордей переживал:

«А может, я уже отставлен,

И кто-то занял постамент?» —

Нет мысли для него больнее.

Чтоб отпуск отравить сильнее,

Роман использовал момент:

«Отлично! Всё идёт по плану!» —

«И вы справляетесь со всем?»

Роман ударил прямо в рану:

«Конечно! Нет у нас проблем».

Арапов не терял надежды:

«Скажите, есть ли там Савчук?» —

«Да, трудится Савчук, как прежде». —

«Дай трубку, не сочти за труд».

Савчук был не таким жестоким,

И на душу бальзам пролил:

Мол, без Арапова так плохи

Дела, что нету больше сил!

Прошла ещё одна неделя —

Из отпуска пришёл Гордей

И сразу принялся за дело,

Спросив Романа в первый день:

«Ну, как – с Гудковым Вы общались?» —
«Ну, да – программа, как-никак.
По два-три раза в день встречались...»
Гордей смутился: «Даже так?»»

Романа это забавляло:
«Так вот зачем меня Евстрат
Толкал к Гудкову – точно знал он:
Гордей таким делам не рад.

И в первый день Арапов скромн,
Высокомерие забыл...
Мой опыт в тех делах огромен —
Ведь заместителем я был

Сударушкина. Точно так же
Из отпуска он приходил
И был со мною настороже,
Как будто я его сместил.

О чём же говорит так ясно
Арапова недобрый взгляд?
Хоть замещал его Евстрат,
С Гудковым я общался часто!»

День следующий изменил
Арапова и стал сюрпризом:
Вернулся тот к своим капризам,
Надменно губы распустил

И в кресле важно развалился,
Давая всем вокруг понять,
Что к ним начальник возвратился,
Чью волю надо исполнять.

Тем временем Онучин робко,
Старательно потупив взор,
Завёл при всех довольно громко
С библиотекой разговор:

«Галина Власовна, не знаю,
Как это можно объяснить...
Я список Ваш сейчас читаю...
Вы нам решили предложить

Для чтения литературу...
Но где же то, что нужно нам,
Что так волнует клиентуру?
Где, спрашивается, журнал,

В котором есть статья Гудкова?

И дело ведь не в ней одной:
Где, я Вас спрашиваю снова,
Журнал с Арапова статьёй?

Я Вами очень недоволен!
Так дальше дело не пойдёт!» —
Евстрата голос был притворен,
Но для Гордея – словно мёд.

Наташе жалуясь устало,
Роман не собирался врать:
«Онучин с самого начала
Сумел меня переиграть,

Искусно, ловко и цинично
Подставив под прямой удар!» —
«Нет, право, даже неприлично
Иметь такой природный дар!» —

«Онучин знает, что Арапов
Всегда болезненно ревнив
К тем, кто особенно старался,
Его на отпуск заменив,

И он придумал трюк с Гудковым —
Мне с ним общенье навязал,

Чтобы Гордей к угрозам новым,
Взамен Евстрата, привыкал.

А к появлению Гордея
Статейку опубликовал,
Чтобы Гордей, от счастья млея,
Его опасным не считал». —

«Выходит, что программа тоже
Не более, чем ловкий ход,
Чтоб ты к директору стал вхожим?» —
«Запомню это наперёд...

Но у меня нет сожаленья,
Что так бездарно проиграл:
Я, одолев своё стесненье,
Совсем другим сегодня стал». —

«Общенье возвышает всех,
И, вместе с личным обаяньем,
Способно наделить влияньем
И гарантировать успех».

3

Переменился и Онучин —
Его работой завалил,

И стала никому не нужной
Программа, что ему всучил

Ловкач и циник окаянный.
Теперь Романа интеллект
Был призван чуть не беспрестанно
За документом документ

Копировать. Он начал злиться...
И только после – размышлять:
«А стоит ли мне так сердиться?»
Я знал, что будут мне мешать,

Как только я добьюсь успеха,
И ими овладеет страх.
Теперь программа – им помеха,
Я должен быть повержен в прах.

Я из неё извлёк, что нужно,
Она мне больше не нужна,
Да и Гордей с Евстратом дружно
Мне дали знак: ей грош цена.

Задания Евстрата – ссылка
За то, что я вошёл во власть.
Чтоб я не возгордился пылко,

Он «помогает» мне упасть.

Лишив программы и общенья,
Меня низверг он в пустоту.
Я, обречённый на лишенья,
Свою увидел правоту.

Наш брат – лукавое создание,
Он поступает иногда
Бездумно, отключив сознание,
Но без мотива – никогда!

Но в чём мотивы их поступков?
Они желают мне добра
При этом беззаконьи жутком?
Возможно... Истина стара:

Родители чад обижают,
Добра желая от души;
Мужчины женщин избивают,
Что не настолько хороши,

Чтобы в любви им признаваться...
Везде мотив один – любовь.
Арапов мною восхищаться
Давно, мне кажется, готов...

И в отпуск он не отпускает,
Боясь, что от него сбегу?..
(Чего только не возникает
В привыкшем к праздности мозгу!)

Гордей ведёт себя, как нищий:
Ему достался бриллиант,
И он, от страха весь дрожащий,
Его боится потерять.

Мою порядочность Арапов
Вполне способен оценить
На фоне подлого Евстрата —
Её ничем не подменить.

Он знает: здесь не приживётся
Природный мой идеализм,
Ему от этого неймётся,
Он прячется в абсолютизм⁹²92.

К тому же рядом с ним Онучин,
Он подл, но грамотен, учтив.
Ему он более сподручен —
Ещё и тем, что очень льстив».

4

Большов приехал из Европы,
Поездкой он доволен был.
Роман к нему был вызван срочно,
Не веря счастью, получил

Заданье важное: чтоб факсы
В те фирмы, что он посетил,
Где встретили его прекрасно,
Роман, не медля, сочинил,

Затем, переведя, отправил.
Печатал он, как в образце,
Всё с соблюденьем строгих правил,
Вставляя «Best regards»⁹³ в конце.

Онучин часто появлялся,
Когда же мимо проходил,
То почему-то ухмылялся.
Роман работу завершил

И всё отдал Татьяне Львовне.
Она всегда была точна
И проверяла хладнокровно
Все телефоны, адреса

И всем вопросы задавала.
Сегодня же она была
Какой-то безразличной, вялой,
И молча факсы приняла.

Он опасался строгой девы,
Но через час явился вновь.
«Я всё отправила в Женеву...» —
«Но там пять разных городов!»

Она испуганно схватилась
За сердце, факсы перечла —
И на Романа рассердилась:
«Но это же твоя вина!

Ты подал их единой пачкой,
Ещё и скрепкой их скрепил!
И я решила: не иначе
Ты вместе их объединил...» —

«Готов Святым поклясться Духом,
Я не скреплял...» — он уточнил,
Но в ней боролся гнев с испугом,
И он, подумав, уступил.

Она все письма просмотрела

И снова отослала их,
Потом немного присмирела,
Произнесла, как будто стих

Ему любовный прочитала:
«Вот если б это был Жидков,
То на него б я накричала...»
Он, разомлев от этих слов,

Сказал, чтоб ублажить Татьяну:
«Ну, накричите на меня...» —
«А на тебя кричать не стану!»
Они расстались как друзья.

По всем приметам выходило:
Он продолжал духовный рост.
Зарплата это подтвердила -
Он заработал пять шестьсот.

Глава 27. День рождения

Элизабет раньше не пришло бы в голову, до чего могла прийти его самоуверенность. И, сидя в этой комнате, она дала себе зарок в будущем никогда не верить в существование предела бесстыдства для бесстыдного человека.

1

В начале августа Арапов
Стал лично деньги собирать
(Таких демонстративных знаков
Роман не чаял увидеть) —

Через три дня свой день рожденья
Отметить должен был Савчук.
Дожив до этого мгновенья,
Он получил букет из рук

Арапова и поздравленья.
«Ты погоди, ещё не всё!» —
Сказал Гордей, через мгновенье
Гудков стремительно вошёл,

Вручил увесистый подарок,
Речь вдохновенно произнёс,
В которой каждый образ ярок...
Роман растроган был до слёз.

Не зря он чувствовал волненье,
Когда за этим наблюдал:
Ведь собственный свой день рожденья

Через неделю ожидал.

Савчук торжественность момента
Как будто бы не ощутил:
Не очень рад был комплиментам,
В обед лишь тортом угостил.

Напрасно намекал Арапов
На «праздник» и «накрытый стол» —
Он натыкался на Евстрата,
Что неотступно следом шёл.

2

Прошла неделя, у Романа
Свой день рожденья наступил.
Он в этот день проснулся рано —
Его нюанс один смутил.

Он вспомнил пышность поздравлений,
То, как воспринял их Савчук:
«Здесь много преувеличений,
Похоже всё на ловкий трюк —

Увидев это представленье,
Я размечтаюсь, что и мне,
Когда наступит день рожденья,

Всё воздадут с ним наравне.

Но невозможно мне представить,
Что вдруг Гордей (считай, Евстрат!)
Решится, чтоб меня поздравить,
По пятьдесят рублей собрать!»

Он долго думал, как одеться, —
Ведь случай очень непростой...
Потом решился, наконец-то:
«Нет, это праздник лично мой!

Меня, возможно, не поздравят...
Но есть же в людях смысл здравый,
И мне ещё не довелось
Встречать в других такую злость».

Надел он белую рубашку
И галстук яркий нацепил,
Чтоб в этот день на замарашку,
Избави Бог, не походил.

Он сел за стол, изрядно маясь...
Онучин, в комнату войдя,
Сказал, приятно улыбаясь:
«О, Рома! Праздник у тебя?» —

«А что за праздник?» – встрепенулся
Жидков и чаю отхлебнул.
««Зенит» играет! – ухмыльнулся
Евстрат и руку протянул. —

С игрой «Зенита» поздравляю!» —
«Спасибо», – отвечал Роман,
Всею силой воли подавляя
Возникший в голове туман.

Его ещё не унижали
Так сильно прежде никогда!
Внезапно слёзы набежали
И закружилась голова...

Он был унижен и подавлен,
И сил хватило лишь на то,
Чтоб, как бы ни был он затравлен,
Не отворачивать лицо,

Когда Онучин обращался...
Вот кто сегодня счастлив был!
Роман смотрел, но не общался...
Когда совсем не стало сил,

Он встал, чтоб выпить чашку чая,
Потом у чайника присел,
Оттуда молча наблюдая,
Как враг его от счастья млеет.

«Такие выходы способны
Всех вышибить из колеи...
Так выживают неугодных —
Амелькина и остальных...

Но почему они так злятся?
Чем я так сильно насолил?
Неужто так меня боятся?
Но в чём источник моих сил?

Их страхи снова оживают,
Когда, задание получив,
Его исправно выполняю...
Тем самым им не угодив.

И от задания к заданию
Их страх становится сильнее.
И только я не ощущаю
Растущей силушки своей.

Хоть я уже не унижаюсь

(Вот в этом нет пути назад!),
Но постоянно защищаюсь
От козней, что творит Евстрат.

Я до сих пор живу надеждой,
Чтоб миром завершить конфликт,
Но, защищаясь, стал невеждой:
Наш бой давно уже кипит...

И всё-таки сегодня праздник,
Хотя позор я испытал:
Я очень точно угадал,
Что затевает злой проказник!»

3

А через день – вновь день рожденья,
И именинник – сам Гудков.
С утра в приёмной оживленье,
В директорской столовой стол

Накрыт Гудковым изобильный,
К нему виновник щепетильный
Сам лично всех сопровождал,
Кто с днём рожденья поздравлял.

Арапов с ним был неразлучен,

Во всём Гудкову помогал:
Стол накрывать он был допущен,
Со всеми вместе выпивал.

Он в офис пару раз являлся
Узнать, загружен ли народ
Работой, тут же удалялся,
Облизываясь, словно кот.

Онучин тоже при Гудкове
Нёс вахту весь рабочий день
И был всё время наготове.
Носил он в офис (и не лень!)

То огурцы, то бутерброды —
И на виду у всех съедал,
Как будто он не ел их сроду...
Он очень долго их жевал...

Когда же праздник завершился,
Онучин снова к ним пришёл,
Принёс остатки апельсинов
И важно выставил на стол.

Гудков, отметив день рожденья
И сдав Арапову дела,

Уехал в отпуск в понедельник...
Программа б тихо умерла,

Когда бы не была аферой:
Романа посылали в цех,
Но только в качестве курьера...
Что вызывало горький смех.

4

Хоть слаженной была команда,
Роман (уже в который раз)
Вновь стал свидетелем разлада:
Гордею нужен мастер-класс,

Он бродит в поисках Евстрата,
А тот всем видом говорит,
Что перед ним все виноваты,
И от Арапова бежит...

К обеду он переменялся:
Вдруг без причины подобрел,
К Роману тихо обратился:
«Где Жора?» – странно посмотрел,

Захотал, как Мефистофель,
Здрав свой украинский профиль,

Как будто он услышал вздор,
И быстро вышел в коридор.

Роман застыл от изумленья:
«Не дай мне Бог прийти в восторг
От истязанья и глумленья
Над кем-нибудь! Не дай мне Бог...

Но отчего такие страсти?
Ах, да, ведь август на дворе,
И представитель высшей касты
Отбудет в отпуск в сентябре...

Они помирятся, как прежде,
И мне двоих не одолеть...
Пора похоронить надежду
Стать победителем, и впредь

Могу я лишь обороняться...
И вскоре я уйду с пути...
А если, бросив приbedняться,
Себе союзника найти?

На ком остановить свой выбор?
Арапов или же Евстрат?
И жребий на кого б ни выпал,

Он мой союзник, третий – враг.

Я стал бы более активным,
Освободив одну из рук,
И доступ к мерам превентивным
Я получил бы вместо мук».

Глава 28. Приказ о наказании ни за что

*Не может проищательность сама
Постичь безумие под маскою ума.
Д. Байрон. Паломничество Чайльд Гарольда*

1

Роман воспринял с пониманьем
Приказ со строгим наказаньем
Его, Жидкова, Савчука —
Сменили тактику в верхах.

Жидков, предельно возмущённый,
Потребовал всё объяснить,
Арапов, несколько смущённый,
Сказал, что надо погодить.

«Без помощи Евстрата жалок
Наш горделивый командор,

И без спасительных подсказок
Он от Жидкова прячет взор», —

Роман спокойным оставался.
Ну, а тем временем Евстрат
Над ними всеми издевался,
Настроясь на «шутливый» лад:

«Да-а, как же я не догадался,
Что нарушители вы все?» —
И он искусственно смеялся,
Являя зло во всей красе.

Когда Онучин так общался,
Надеясь, что его поймут,
То он на землю опускался
На эти несколько минут —

И становился уязвимым,
Таким же точно, как Роман:
Теперь судья мог быть судимым,
«Неприкасаемым» – «брахман»⁹⁴94.

Роман поймал момент удачи,
Он мощный импульс ощутил,
Чтобы обидчику дать сдачи —

Ударить, сколько было сил:

«Я думал, ты переживаешь,
Нас хочешь как-то поддержать...
Но ты же рад... И не скрываешь...
Как это надо понимать?»

Онучин замолчал, смутился
И, взяв бумаги со стола,
В свой угол тихо удалился,
Как будто у него дела.

Жидков вернулся от Гордея.
Ему Арапов клялся в том,
Что он, претензий не имея,
Был совершенно ни при чём.

Жидков в сердцах сказал Роману:
«А почему же ты молчишь?
Ведь ты потворствуешь обману,
Молчаньем дела не решишь!»

Роман имел другое мнение,
Поскольку, изучив приказ,
Отбросил всякое сомнение:
Приказ подписан был как раз

В те дни, когда Евстрат был главным,
А, значит, это была месть
Своим коллегам «своенравным».
Числа подобным актам несть:

«Жидков наивно полагает,
Что он случайно жертвой стал,
Он до сих пор не понимает,
Как здесь высок страстей накал.

Приказ был выношен Евстратом,
И созревал он ночью, днём
В воображении богатом...
А в сущности – уже больном...»

Жидков, лишившийся поддержки,
Стал жаловаться Савчуку,
Евстрат, печатавший без спешки,
Всё слышал там, в своём углу.

«Ну что ж, мы все под Богом ходим!» —
Савчук уныло произнёс,
Роман, как будто между прочим,
Вдруг задал каверзный вопрос:

«А вдруг тот «Бог» имеет имя?
Хотелось бы его узнать...» —
«О-о, остроумно! Шутка-прима!» —
В углу заговорила «знать».

Так существа из высшей расы,
Макак исследуя, весьма
Удивлены, что их гримасы
Содержат признаки ума.

«Евстрат, за власть свою цепляясь,
На помощь призывает страх,
А я в защите не нуждаюсь,
В нижайших будучи чинах.

Я отказался от желанья
Остаться здесь любой ценой —
Теперь пусты его старанья,
Ему не совладать со мной.

Мне незачем идти к Гордею —
Я знаю, что не виноват.
За эту подлую затею
Наказан будет мной Евстрат».

Но это сильное желанье
Роман мгновенно подавил,
Как только получил задание:
Ему Онучин поручил

Размножить срочно «Положение»...
А документ тот содержал
Евстрата стилем изложение
Формирования начал

В заводе некого «Совета»
Специалистов молодых —
Как предпосылки для расцвета
Идей и тем передовых.

Евстрат возился с практикантом,
Всегда его перевозносил
Как парня с редкостным талантом,
И не жалел на это сил.

Андрей представлен был Гудкову
Как человек, что «Power Point»⁹⁵95
Знал в совершенстве, мог толково
(Чем он, конечно, был бы горд)

Им презентацию оформить.

Роман никак не мог понять,
Куда Онучин хитрый клонит,
Помогший опубликовать

Статью Андрея в том журнале,
Где напечатан был Гудков,
Затем Арапов: «В арсенале
Евстрата множество ходов,

Он незаметно расставляет
Одну фигуру за другой.
Евстрат Андрею помогает...
Как будто это сын родной...

Так вот в чём главный ход Евстрата!
Готовит сыну он плацдарм!
Такой манёвр надёжней блата.
О, украинский командарм!

Чьё место сыну он готовит,
Скрывая замыслы пока?
Кого он в нужный час подловит?
Конечно же, Боровика!»

Роман, за ними наблюдая,
Давно заметил: Боровик,

С Евстратом часто обсуждая
Проблемы важные, отвык

За их осуществленья браться —
Он был достаточно ленив,
Зато любил покрасоваться,
Поскольку очень был красив,

У переводчиц был в почёте,
У них всё время пропадал,
Привычки не имел к работе,
Куда-то часто уезжал.

Евстрат же – противоположность:
То, что наметил Боровик,
Но бросил, осознав всю сложность,
Онучин делал за двоих.

И превзошёл все ожидания
Полученный им результат:
Евстрат все рычаги влиянья
Уже держал в своих руках.

Евстрат был нужен постоянно
Гудкову, даже сам Большов
С ним совещался регулярно —

Так далеко Евстрат зашёл.

Все стали отвыкать от мысли,
Что есть научный консультант,
И Боровик, в каком-то смысле,
Ненужным стал... как практикант.

Евстрат к нему переменялся:
Он непривычно грубым стал
(Чему Роман не раз дивился),
И даже голос повышал.

Арапов требовал отчёта
(И, как Евстрат, был раздражён),
Зачем он уезжал с завода,
Куда с работы едет он,

И говорил ему с презреньем
Губами с мелкой бахромой,
Что он теперь под подозреньем —
И повезёт его домой.

И даже сам Большов однажды,
Увидев вдруг Боровика,
Воскликнул: «Здравствуйте, Геннадий!» —
Дивясь: он здесь ещё пока?

Всё это не насторожило
Нисколечко Боровика,
На всех смотрел он свысока
И улыбался очень мило.

Однажды, в мыслях о своём,
Он поднял палец вертикально:
«Бумажка на столе моём —
И та уж представляет тайну!»

Он не заметил, как Евстрат
От этих слов его скривился...
И, несомненно, вдохновился
Бахвальство это наказать.

Роман поймал себя на мысли:
Геннадию подобен он —
Стараясь избежать конфликта,
Наносит сам себе урон.

Да, начал он сопротивляться...
Но недостаточно пока —
От страха надо избавляться,
Намать противнику бока.

3

Обретший о Евстрате знанье,
Наташе сообщил Роман:
«Себя готовит на закланье
Интриг и подлостей гурман.

Для сына место занимая,
Наш хитроумнейший Евстрат
Настроен, как я понимаю,
На стопроцентный результат.

Такая жёсткая задача
В душе всегда рождает страх:
«А вдруг случится неудача?
Тогда наступит полный крах!»

Он сам себя лишил свободы,
А мне он руки развязал.
Беречь посеянные всходы,
Он должен: чтоб никто не знал

Про сына, хлёсткие удары
Он будет молча пропускать,
И будут слишком запоздалы
Его попытки наказать.

Сын – очень лакомый кусочек
Для всех взращённых им врагов,
Но, следуя примеру дочек,
Как это сделал Рыбаков,

Евстрат идёт напропалую...
Он совершенно не учёл:
Не всех Фортуна так балует,
Как Рыбакова – тот орёл,

Глядит с достоинством, как барин,
Евстрат – озлобленный лакей,
И их различье (рок коварен!)
Коснётся также их детей». —

«Онучин, может быть, уверен,
Что нету у него врагов?» —
«Я – враг его, и я намерен
Не отпускать ему грехов!

А где один – там и другие...
Здесь просто у меня нет слов:
Евстрат заботится о сыне...
И тащит в логово врагов!

Беда Онучина не в том,

Что он и в самом деле очень умный,
Он, при мышленьи развитом,
Ведёт себя... словно безумный.

Не оправдать ему ничем,
Что, сам поднявшись на вершину,
В уме отказывает всем...
А также и родному сыну.

Он не способен допустить,
Что враг его умней быть может,
Но смутный страх Евстрата гложет...
И может даже погубить».

4

Раз в месяц семинар научный
Свою работу начинал,
И этот термин благозвучный
Всегда Романа восхищал.

На этот семинар являлся
Гудков, как правило, всегда,
Но он был в отпуске. Собрался
Туда Гордей... Но вот беда —

Он совершенно растерялся!

Чтоб не подвёл под монастырь,
Евстрат (он в теме разобрался)
Поехал с ним... Как поводырь.

Гордей вернулся с семинара,
Собой довольный, как герой,
Он говорил высокопарно,
И даже чересчур порой:

«Ну, что, сидите?.. Ну, сидите...
Работайте хоть допоздна...
Бумажки всякие пишите...
Бумажкам вашим грош цена!»

Когда служебную записку
Роман к Арапову принёс,
Там Боровик, сидевший близко,
С ним важный обсуждал вопрос.

Онучин же, сидевший рядом,
Служебную записку взял,
Её окинул острым взглядом
И что-то быстро написал.

«Онучина лишить конфеты!» -
Сказал Гордей Боровику

(Гордей с Евстратом и брюнетом
Попить собрался кофейку).

«Ещё один урок Гордея! —
Подумал радостно Борей. —
Евстрат показывать затеял
При всех, что он его умней.

Он стал частенько ошибаться,
Почти всё время раздражён...
Я должен больше улыбаться,
Дав знать ему, что я силён.

Евстрат, давая «Положеньё»
Для размножения, не знал:
Теперь в моём распоряженьи
Довольно мощный арсенал».

5

Арапов вкрадчиво напомнил:
«С программой как у нас дела?»
От этих слов Роман аж вздрогнул:
«Ведь я решил, что умерла

Программа та благополучно —
В чём жизни нет, всегда умрёт...

Что ж, видимо, Евстрату скучно,
И злость покоя не даёт...

Онучин убедил Гудкова:
Программа выручит их всех,
А, значит, мне придётся снова
Ломиться в непокорный цех...

Как много сил... И всё впустую —
Ведь Каргуза мне не сломить...
А может, тактику иную
Давно пора мне применить?

Ведь сколько раз я убеждался:
Природа свой закон блюдёт —
Мой враг, с которым я сражался,
Мне сам оружие даёт.

Они надеются на чудо,
Я знаю: чудо – это бред.
Моим союзником покуда
Пусть будет наносимый вред.

Не должен я программу слепо,
Их защищая, исполнять,
Она поистине нелепа —

Вот что заставлю их понять!

Лишь внешне буду я активен,
И тупо буду сообщать:
Предмет программы эффективен...
Но цех не хочет исполнять!

Я буду в стороне от схватки,
Непобедим цех бунтовской —
Уж слишком явны недостатки
Структуры нашей заводской.

Здесь боссы виноваты сами,
И мне они не запретят
Наотмашь их хлестать словами,
Что слышать вовсе не хотят!»

Глава 29. Новый сотрудник

*Способностями Бог меня не наградил,
Дал сердце доброе, вот чем я людям мил,
Совру – простят...*
А. Грибоедов. *Горе от ума*

1

Сентябрь принёс им оживленье,

И изменился интерьер:
Пришло в их группу пополнение —
Василий, новый инженер.

Чуть выше метра с половиной
Был простоватый толстячок,
С копной волос, как с гривой львиной,
Добрейший русский мужичок.

В глазах такое же смятение,
Как у Романа в первый день:
В них страх, неловкость и смущенье,
Бойся так же он вождей

И так же в рот Гордею смотрит,
Как и Роман тогда смотрел...
Арапов так же за нос водит...
Роман как будто бы прозрел:

«Ну, вот – ещё один бездельник...
Зачем его Арапов взял?
Привык, чтоб в рот ему смотрели?
Что ж, в этом Вася – идеал.

Жизнь автократа тяжела,
Всего сильнее его заботит

Не то, что не идут дела,
А то, что в рот никто не смотрит».

Прошло два дня, и стало ясно:
Василий не переживал,
Что он весь день сидит напрасно,
Он в это время... просто спал,

Блаженно развалившись в кресле...
И это было хорошо:
Вина Романа вдруг исчезла,
Он был помилован, прощён.

Есть новый эталон безделья,
Перед которым он померк —
Василий волей Провиденья
Романа с «пьедестала» сверг.

Зато на остановку Вася
После работы так бежал —
Роман его, как ни старался,
Ни разу так и не догнал.

Арапов всё прекрасно видел
И, чтобы это прекратить
(А вдруг родится новый идол!),

Он Васе поручил ходить

В литейный комплекс регулярно
И там «работать» целый день.
Смирился Вася... но коварно
Порой бросал на группу тень.

Борей однажды в пик работы
Услышал за спиною храп.
Роман и сам едва зевоту
Скрывал, а тут такой коллапс⁹⁶96!

Он оглянулся: сытый Вася,
Откинув голову назад,
Привыкший к новой ипостаси⁹⁷97,
Храпел – и чёрт ему не брат!

Шумахер, что сидел напротив,
Всё это видел без прикрас.
Он был достаточно незлобив...
Но спать так нагло, напоказ!..

Жидков заёрзал в своём кресле,
Как будто разминая чресла,
И кресло начало скрипеть...
Но Вася продолжал храпеть.

Жидков попробовал иначе —
Стал папки громко раскрывать,
Но Вася, перед ним лежащий,
Продолжил безмятежно спать.

Жидков (какой же я неловкий!)
Вдруг что-то на пол уронил,
И этот стук, довольно громкий,
Конечно, Васю разбудил.

Он в их компанию вписался
Легко и быстро – как здесь был,
Он не сердился, не ругался,
Любил смеяться, сам шутил.

Беседуя по телефону,
Стучал он ручкой по столу,
И был подобен марафону
Тот бред – был Вася словоблуд..

2

Роман заметил: сделав милость —
Бездельниками всех назвав —
С приходом Васи (так случилось)
Арапов оказался прав.

То был последний штрих портрета —
И всеми узнаваем стал
Отдел бездельников отпетых...
Арапов о таком мечтал?

Они, как яркое пятно,
От служб завода отличались,
Где молодых людей полно,
И где свободно все общались,

Где иностранным языком
(И даже не одним!) владели.
Им за участие в общем деле
Платили, а не на прокорм.

А в ГПП всё по-другому:
Работал за троих Жидков,
Роман с своим коллегой новым
Был изнурён борьбой со сном.

И это было всё законно,
Онучин это подтвердил,
Когда сказал ему резонно:
«Хочу, чтоб Васю ты взбодрил,

А то, измаявшись без дела,
Бедняга беспробудно спит.
Поройтесь в файлах техотдела,
Пускай прочтёт хоть пару бит⁹⁸98».

Жидков над Васей шефство взял
(Не шевельнулось в нём сомненье),
Ему задания давал
И проверял их выполнение.

Затем он подвиг совершил —
Демонстративно, с Васей вместе
Бумаги разобрать решил
(Как будто это дело чести).

Бумаги эти накопил
Савчук, хоть шкаф всегда был рядом.
Он, видно, просто не любил
Хранить и наводить порядок.

Арапов был самым собою:
Недели две всего прошло —
Он Васе выговор устроил
(И, как всегда, довольно зло),

За то, что тот, войдя к Гудкову,

В карманы руки запустил...
Василий шёл на остановку,
Казалось, из последних сил

И часто делал передышки...
Что мог Роман предположить?
Страдает Вася от одышки?..
А если сердце?.. Может быть...

3

«Я еду в Керчь, – сказал Онучин. —
Могу альбом твой отвезти...»
Роман решил: «Так будет лучше,
Евстрату это по пути...»

И тут он вспомнил с содроганьем
Свой день рожденья, как Евстрат
Своим циничным надруганьем
Его испортить был так рад.

«Благодарю за предложенье, —
Ответил сдержанно Роман, —
Но принял я уже решенье:
Зимою в Керчь поеду сам».

Евстрат готовился к отъезду

И, получив уже отказ,
Он снова выразил надежду,
Что непременно в этот раз

Роман ему альбом доверит,
Чтоб передал его сестре...
Но знал Роман, что лицемерит
Евстрат, и был готов к игре.

Евстрат заигрывать пытался,
Чтобы прикинуться «своим», —
Однажды «искренне» признался:
«Арапов наш неисправим —

То крепко спит... Как без сознания...
То вдруг очнётся ото сна —
И полетели указанья!...»
Роман уловки эти знал

И пресекал их беспощадно —
Войну никто не отменял:
«Ты говоришь, конечно, складно...
Но если бы Гордей узнал,

Как ты его при нас ругаешь?..» —
«Не-е-т, ты ему не говори! —

«Шутил» Онучин. – Ты ведь знаешь,
Что мы с тобой не бунтари,

Моральный климат в коллективе
Стараемся мы сохранить,
И в долгосрочной перспективе...»
Он долго мог так говорить...

4

Работу вот какого рода
Роман неделю выполнял:
От белорусского завода
К ним представитель приезжал,

Роман готовил эту встречу,
Он всех людей оповещал,
Кто привлекаем был на вече
Араповым – тот всё решал,

Твердил Роману постоянно,
Чтоб был на встрече и Чистов —
Он в цехе был технолог главный,
Знаток процессов всех сортов.

Переговоры состоялись —
Гордей Романа вдруг спросил:

«А Вы куда же подевались?
Тот белорус нас вдохновил...

Об инструменте, между прочим,
Что ты пытаешься вести,
Рассказывал он много очень...
Ты мог бы тоже подойти...» —

«Но Вы меня не пригласили!» —
«Настойчивее надо быть!
Про инструмент бы расспросили,
Чтоб информацию добыть...»

Арапов начал увлечённо
О том Роману говорить,
(Причём, туманно, обобщённо),
Что надо срочно изучить

Алмазные круги, режимы
(Но не идти на инцидент!) —
Так можно выявить причины
Растущих трат на инструмент...

Роману сразу стало грустно:
Арапов, как всегда, ведом...
Сейчас – заезжим белорусом,

Но только не своим умом.

Он раньше, как и всё начальство,
Станки «Zero» боготворил,
Но изменился в одночасье —
Что белорус наговорил,

Он повторял, как свои мысли:
Технологи в цеху вредят
Процессу и в известном смысле
Всё производство тормозят;

Станки от «Schneeberger», «ANCA»⁹⁹
Намного лучше, чем «Zero»...
Он вывернулся наизнанку,
Твердя, что всё у них старо...

Но болтовнёй своей пространной
Он важный пункт исполнил сам —
Из тех, предписанных программой,
Станки подробно описав.

5

Жидков узнал, что на заводе
Открылись курсы языка —
Английского... Подумал... Вроде

Есть смысл заняться им слегка...

Когда Гудков пришёл к Евстрату,
Он разрешенья попросил
Ходить на курсы – как награду.
Гудков на это возразил:

«Ну думаю, что это нужно...
Нет, ни к чему не приведёт!» —
Сказав довольно благодушно.
Жидков, решивший наперёд,

Что разрешенье – лишь формальность,
Был удивлён: «Но почему?»
Гудков, что излучал лояльность,
Ему сказал: «Я объясню.

Меня на курсы вдруг послали,
Как помню, года два назад...
Английского... И я был рад...
И за границу отправляли —

На стажировку... Ну и что?
Ты думаешь, я помню что-то?
Не то чтобы стать полиглотом —
Вообще не помню ничего!»

Когда Гудков ушёл, Онучин
Шутливо Савчуку сказал:
«Георгий Павлович, послушай,
Вот я бы организовал

Другие курсы на заводе:
У нас бы каждый изучал...
Хоть украинский... Он ведь в моде!»
Савчук смиренно промолчал,

И за него Роман ответил:
«Я к полумерам не привык —
И в ранг единого на свете
Возвёл бы твой родной язык!..

Что у украинцев в мозгу?
Себя считают за Европу...
А едут в Питер и в Москву!
Что, россияне филантропы¹⁰⁰100?

В Россию едут для того,
Чтоб разговаривать на русском,
А не душиться в круге узком,
Что создан местным языком.

Национальная забава
Для украинцев всех мастей —
Шутя налево и направо,
Всех ненавидеть «москалей»...

И это вам легко даётся...
Сергеич, ты ещё скажи,
Что всех нас надо, как поётся
В известной песне, «на ножі»...» —

«Большой вопрос гуманитарный
Решается в умах у нас:
Ведь мы режим тоталитарный
С Россией путаем подчас...» —

«От этого отождествленья
Избавьтесь сами, наконец,
Чтоб стал родным народ-близнец
И не страдали поколенья,

Шарахаясь от россиян,
Как от заразного больного,
Как будто мы из разных стран,
А не из этноса родного». —

«Идеи не внушить извне:

Слова чужие укрепляют
То, что родилось в голове...» —
«И недруги об этом знают.

Везёт же нашему врагу:
Помог использовать уродам
Любовь к родному очагу
Как ненависть к другим народам,

Взлелеял национализм,
Родивший «глобус Украины»,
Запущен тайный механизм,
Не остановят их руины». —

«Велик украинский народ!» —
«Но, как ребёнок своенравный,
То в чьи-то сети попадёт,
То на подарок иностранный

Завистливо уставит взгляд,
Забыв о роде нашем царском,
И обещает всё подряд,
Чтоб только завладеть подарком...

Всё в Украине, как всегда:
Паны опять передерутся

За власть, ресурсы, и тогда
Наёмники в страну ворвутся». —

«Возобладает в нас всегда
И анархичная ментальность —
Когда суровая реальность
Трубит: в наш дом пришла беда! —

И уникальная способность
Создать общественный раздор:
В нас сразу вспыхивает гордость,
И кровью заливает взор...» —

«Мы по рождению едины,
Пусть вас хоть к Чёрту занесёт,
И русский мир не раз спасёт
От бед великих Украину!..

А если Крым опять вернётся
В состав России, словно приз?
Какой одеждой обернётся
Твой ярый национализм?...»

6

Роман на эту злую шутку
В тот день не получил отпор,

Но, помнил, что на институтку
Онучин не похож, и спор

Продолжит – стиль его изучен,
И здесь бессилён был прогресс...
Всего лишь день спустя Онучин,
Собравшийся в УФМС¹⁰¹ 101,

Сказал Жидкову виновато,
Забыв амбиции и спесь:
«Я слышал, у тебя есть карта
Единая на транспорт весь

Наземный...» – «Есть. Вот тебе карта!» —
И он Евстрату дал её.
Евстрат, взбодрившийся от фарта,
Оставив прежнее нытьё,

Сказал Роману: «Дай мне карту
Метро – как пушкинский Балда,
Я быстренько туда-обратно —
На дармовщину... Как всегда...»

Роман сначала растерялся:
Ему Онучин предложил,
Чтоб спонсором он притворялся

И за проезд его платил!

«Откуда вдруг такая «милость»?..

Ах, да – недавний разговор!» —

Его сознание обострилось,

Он на Онучина в упор

Взглянул и понял: есть причина

Евстрата снова отхлестать

При всех, чтоб слово «дармовщина»

Он впредь не смел при нём болтать:

«А разве у тебя нет денег?» —

«Да деньги есть, но я прошу...» —

«Ах, карту... Здесь я академик,

И всё подробно распишу.

Метро – совсем другая песня.

К примеру, карту я купил —

И всё количество поездок

Сам честь по чести оплатил.

С меня за каждую поездку

Снимают ровно пять рублей...

Не жалко денег мне... Но если

Окажется – ты ротозей

И карту эту потеряешь?..
Мне проще дать десять рублей...» —
«Не надо денег». — «Ну, как знаешь...
Да будет путь твой веселей!»

Он над Евстратом издевался,
Его прилюдно унижал,
Причём, на совесть он старался,
Поскольку всё Онучин знал —

Про карту, деньги и поездки,
Но лез упорно на рожон...
Ради чего? Ради отместки
Он игнорировал резон

И показал своё бессилье.
Роман использовал свой шанс —
Под глуповатый смех Василья
Вёл назидательный рассказ:

«Похоже, ты ещё не знаешь,
Как всё устроено хитро,
И многого не понимаешь —
В Керчи, я знаю, нет метро...»

Роман с огромным наслаждением,
Сказав всё это, наблюдал
За беспорядочным движеньем,
Что в это время совершал

Евстрат: по комнате метался,
Хотя в плаще давно уж был,
И часто за карман хватался,
Как будто что-то позабыл.

Разительная перемена
С Онучиным произошла:
То не философ был, степенно
Обдумывавший каждый шаг, —

Роману даже показалось,
Что перед ним сейчас Гордей,
В ком импульсивность сочеталась
С отсутствием больших идей.

7

Роман был счастлив бесконечно:
Он смог достойно отомстить
И поступившему беспечно
Евстрату отпуск отравить.

Наташа не могла понять,
И выражала удивленье:
«Кто мощно так на поведенье
Онучина мог повлиять?..» —

«А может быть, в самой поездке
Сокрыт секрет, в смене ролей?
Он скрыть не смог обиды детской
Своей на «клятих москалей»

За то, что должен раз в полгода
Просить у низшего народа
Его на время приютить...
И за свой счёт обогатить.

Ведь нет на Украине газа,
А он в Союзе общим был!
И это горе, как проказа,
Заводит в отношеньях гниль.

Так за улыбкой беззаботной
Обиду утаить стремясь,
Мы словно яркой позолотой
Скрываем ржавчину и грязь.

В СССР нас всех учили:

Богатств природных нам не счастье,
О чём бы мы ни говорили —
Всё это в недрах наших есть.

Теперь же в Украине учат,
Что нет того и нет сего,
И без конца они канючат
Средств у соседа своего.

Забыта общая культура,
Теперь хотят в Европе жить...
Стремление всё поделить —
Вот украинская натура.

Невинно всё на первый взгляд:
Что ж делать, коль страна распалась?..
Но отделиться так хотят,
Чтоб часть богатств и им досталась.

Огромнейший людской ресурс,
И территории немало...
Но всё ж империей не стала
Украина, взяв ложный курс...

И ей не выплыть без буксира...
В Голландии ресурсов нет,

А завоёвано полмира —
В истории заметный след...

Империей стать не случилось,
Соседи во сто крат сильнее —
Так уповай на чью-то милость,
И впредь об этом не жалеи!

Но наши чужды им сикуры¹⁰²102,
И помощь ищут вдалеке...
Евстрат твердит о языке...
Но в нём обида за ресурсы.

На мне хотел он отыгаться
(Я для него теперь «москаль»)
За то, что должен унижаться —
Так велика его печаль!

Тебе, варягу, повезло —
Так радуйся, что ты в достатке!..
Но он срывает свою злость,
Вскрывая наши недостатки.

Живёт в России... и твердит
Упорно: «Украина лучше!» —
Но верность ей он не хранит,

Раз предпочёл благополучье.

Я ж никуда не убежал,
Когда страна катилась в пропасть,
Я честно вместе с ней страдал,
И этим заслужил я почести».

8

Он вспомнил слово «дармовщина»...

Ведь именно вокруг него
Здесь происходит чертовщина
И всех ресурсов мотовство:

«Меня вот на работу взяли,
Всё обсудили: что да как —
А стол рабочий мне не дали...
Вот дармовщины первый знак.

Зарплату мне пообещали,
Поднять её клялись порой —
Потом два раза уменьшали...
Вот дармовщины знак второй.

Зарплата их гораздо больше,
Но, не стесняясь, сахар, кофе
Они «стреляют» у меня,

Потом во всех грехах вина.

За инструмент я весь в ответе...

На дармовщину, на словах —

Я ни в едином документе

Не утверждён в своих правах.

И так во всём... И я, конечно,

У них в долгу не остаюсь —

На дармовщину здесь успешно

Всему, что нужно мне, учусь».

Глава 30. На вершине власти

Хлестаков. Один раз я даже управлял департаментом.

И странно: директор уехал, — куда уехал, неизвестно.

Ну, натурально, пошли толки: как, что, кому занять место? Многие из генералов находились охотники и брались, но подойдут, бывало, — нет, мудрёно. Кажется, и легко на вид, а рассмотришь — просто черт возьми; после видят, нечего делать, — ко мне.

Н. Гоголь. Ревизор

1

Знаком сентябрь печальной нотой:

На фоне блекнувших небес

Прощальной убран позолотой
Саван надеть готовый лес.

Знаком сентябрь густою тенью,
Что солнце низкое даёт,
Добавкой горькой к настроеню
От птиц, начавших перелёт, —

На юг, за солнышком вдогонку...
Они, перекликаясь громко,
Скорей от золота бегут
Туда, где зелень... В добрый путь!

Но в сентябре кто ж не грустил,
Что истекают лета сроки,
Что год учебный наступил,
И будут вместо игр уроки.

В груди щемящая тоска,
И, утопая в сладкой боли,
Ты провожаешь облака,
Лишённый сил, ума и воли.

2

Онучин в отпуск собирался...
Вдруг он Романа попросил

Душевно, словно с ним братался,
Взять на себя, по мере сил,

Его работу... Если можно...
Роман мгновенно оценил
Ту уникальную возможность,
Что вдруг открылась перед ним,

И очень искренне ответил:
«Всё сделаю, спокоен будь!» —
Благословил в далёкий путь,
Беседой по душам приветил.

Онучин нудно наставлял,
Как заниматься бизнес-планом:
«Нас кризис крепко наказал,
И инжиниринг¹⁰³ стал обманом.

А кризис между тем крепчал,
Его чураться – авантюра,
Реинжиниринг¹⁰⁴ показал:
Процесс важнее, чем структура.

Переосмыслить всё пришлось,
Принять ряд непростых решений,
Чтобы добиться удалось

Скачкообразных улучшений.

Есть конкуренции предел,
Когда последний наступает,
То конвергенция¹⁰⁵ 105 затем
Её на рынке заменяет.

Идёт сближения путей,
Задачи поиска различны,
А если проще, без затей —
Они многопараметричны.

Национальный кенотип¹⁰⁶ 106
Явился центром интереса,
Он связан, без альтернатив,
С процессом культурогенеза¹⁰⁷ 107.

Одну модель другой взамен
Нельзя пожертвовать без риска,
Как инновации с «кайдзен»¹⁰⁸ 108 —
Тут можно сильно ошибиться.

Способен каждый регион,
Промоделировав сценарий,
Минимизировать урон,

И бизнес-план – инструментарий...»

3

День замещения наступил —
Борей прощается с зевотой:
Его Арапов завалил
Несвойственной ему работой.

Роман ничуть не возражал,
Ему представилась возможность
Понять: в чём состояла сложность
Того, что недруг совершал;

Способен ли, коль будет случай,
Хоть ум его не столь велик,
Работать так же, как Онучин...
Но только честно, без интриг.

Он сразу сел за стол Евстрата,
Бесцеремонно завладел
Компьютером, и как награда —
Вход в Интернет, помимо дел.

В глазах коллег он зависть видел,
Входя в желанный Интернет,
И вёл себя как покровитель,

Ища для них в Сети ответ.

Так, сидя на рабочем месте,
Где всё, что нужно, под рукой,
Он понял, что великой чести
Был удостоен земляком.

Он благодарен был за это,
Войну поклялся прекратить...
Но импульс нужен был ответный,
Его он жаждал получить.

4

Гордей вначале был несносен —
Давал работу, словно мстил:
Борей то в семь, а то и в восемь
Домой частенько уходил.

Роман работал напряжённо,
Гордея выходки терпел,
Он верил: злоба не бездонна,
Всему на свете есть предел.

И вскорости Гордей смягчился,
Свой гонор перестал блюсти —
Уже к Роману относился

По-человечески... почти...

За сверхурочную работу
Ему доплату обещал...
Роман подобную заботу
Пока со скепсисом встречал.

Но, несмотря на напряжение,
Роман судьбой доволен был,
Сменил к работе отношенье:
Пришёл домой – и всё забыл!

Про выясненье отношений
Он тоже вскоре позабыл —
Он был соавтором решений,
Которые Гордей ценил.

И вскоре ожидавший краха
Переживает новый взлёт,
И на работу он без страха
И с удовольствием идёт.

5

В те дни в Технический отдел
Приезд поляков намечался.
Роман, помимо прочих дел,

Вопросом этим занимался.

Как прежде, должен Рыбаков
Для них гостиницу оформить...
Тот отказал без лишних слов,
Не дав Роману слово молвить.

Роман Гудкову доложил,
И тот пошёл с ним разбираться —
Чтобы причину изложил
Отказа этим заниматься.

Прошло всего лишь полчаса —
И в комнату Гудков ворвался,
Горели бешенством глаза,
И голос у него срывался:

«Роман Евгеньевич! Не смей
Полякам оформлять поездку!
Не любит Рыбаков гостей,
И он срывает нам повестку!

Я не намерен всё терпеть,
И завтра доложу Большову,
Он будет горько сожалеть,
Наш Рыбаков, поверьте слову!»

«Была объявлена война
Техническому управлению,
Гудкова в этом есть вина, —
Пришёл Роман к такому мнению. —

Он окружил людьми себя,
Что вызывают лишь презренье...
Так думают и про меня...
Что близко к правде, к сожаленью...

И я за стареньким столом
Сидел два месяца сироткой,
Не зная, что борьба со злом
Идёт здесь исподволь, украдкой».

Гудков победу одержал —
Большов заставил Рыбакова,
Чтоб он полякам заказал
Места в гостинице... Сурово

Гудков в тот день на всех смотрел...
А вскоре сам попал в немилость
И поражение потерпел:
Когда Цурканом проводилось,

С участием директоров,
В части финансов совещанье
(Присутствовал и сам Большов),
Намеренно или случайно

Вместо него был приглашён —
Арапов. Было жаль Гудкова,
Он был морально сокрушён,
Рассказывал всем слово в слово:

«Большова жаль, конечно, мне...
Чьи это происки — я знаю...
Из всех один я понимаю,
Что в наше непростой стране

Директором быть... даже мерзко,
Дела приходится иметь
С чиновниками в министерствах...
Мне так, поверь мне, не суметь...

И в высших коридорах власти
Нет государственных людей,
О государстве лишь отчасти
Пекутся, между личных дел.

Там все — такие же министры,

Что и при Брежневe, сидят:
И помыслы не очень чисты,
И бесконечно алчный взгляд.

Они по случаю схватили
Огромный лакомый кусок,
И лишь потом сообразили,
Что нужен толстый кошелёк

Для поддержанья производства
И для развития его.
Они же, кроме руководства,
В делах не смыслят ничего.

Не много знаний просочится
В их отупевшие умы,
И если что-нибудь случится,
То виноваты будем мы...

Такие вот у нас владельцы...
Большову с ними нелегко,
Но вряд ли кто на его месте
Продвинулся б так далеко...

А по характеру он добрый,
В людскую верит чистоту,

И эти, извините, «кобры»
Используют его черту!»

Роман Гудкова молча слушал
И всё отлично понимал:
«Другие здесь должны быть уши,
Гордей беседу б поддержал

И в нужное направил русло -
Важна поддержка для брюзги.
А без него Гудкову грустно,
Когда вокруг одни враги,

Он пользуется им нередко —
Как женщина в «иные дни»
Гигиенической салфеткой,
И тем Гордей ему сродни».

Достаточно реалистично
Гудков Роману описал
Своих противников, но лично
Себя виновным не считал,

И тех, кто был в его команде,
Воспринимал как идеал.
«Руководителю бы надо

Слегка расширить ареал,

Смотреть на мир не однобоко, —

Подумал, слушая, Роман, —

Тогда не будет одиноко...

А то воюют клан на клан,

А государство в запустенье...

И лишь Онучину везенье:

Обиженным очки втирай —

Работы непочатый край!»

6

Так проходили дни Романа.

Среди волнений и забот

Он обнаружил, что неожиданно

Зарплата стала шесть шестьсот.

Уехал вновь в командировку

Арапов, прежде чем отбыть,

Он дал Роману установку:

На совещания ходить.

Ему представилась возможность,

Едва начался новый день:

Гудков, учитывая сложность

В финансах, вызвал всех людей,

Кто к экономике причастен,
Цуркан был тоже приглашён.
Гудков был чересчур пристрастен,
И часто возвращался он

К перенесённой им обиде,
Которую нанёс Цуркан:
«Что ж, не хотите – не зовите
На совещанье... Кто не зван,

Тому не доверяют дело...
Но я за должность не держусь,
И мне всё это надоело...
Зачем я с этим всем вожусь?..

Не нужен – пусть меня уволят...
А нет – так я уволюсь сам:
Я вижу, ничего не стоят
Мои усилия властям...»

Участники же совещанья
Смотрели, как воюет знать,
И слушали его стенанья...
Цуркан был вынужден признать,

Что им допущена ошибка,
Когда Гордея пригласил...
Гудков всех вскоре отпустил,
И прекратилась эта пытка.

Обед закончился, и вновь
Очередное совещанье,
Но без Цуркана, и Гудков
Им под всеобщее молчанье

Сказал, как будто с ним друзья,
Что перемирие не вечно:
«Цуркану доверять нельзя,
И мне он будет мстить, конечно...»

Роман невольно отмечал
Гудкова мимику и жесты,
Которые, как он считал,
Порою были неуместны,

И заподозрить был готов
Его в психическом уродстве...
Но в то же время был Гудков
Не новичок на производстве.

Он совещанья проводил
И знал все важные проблемы...
Но очень часто уводил
Беседу на другие темы:

Мог очень долго говорить
Сотрудникам про увлеченья,
И уводила мысли нить
В иные умозаключенья.

Он их подробно излагал,
Напоминая балаболку,
И в кабинете всех держал
Из-за речей своих подолгу.

Он был, как верно говорят,
Руководитель однобокий...
И рядом с ним всегда Евстрат —
Психолог тонкий и глубокий.

Но вот Гудков теперь один,
Нет ни Евстрата, ни Гордея,
И этот важный господин
Стал слушать мнение Борейя.

Почти всё время проводил

Роман в Гудкова кабинете,
Тот очень много говорил,
Имел потребность в оппоненте.

И кое-кто уже решил
(Хоть это было против правил):
Арапов в Польшу укатил —
Романа за себя оставил.

7

Гордей вернулся, всех собрал
И начал раздавать задания,
Но вдруг, когда черёд настал
Романа, начались метанья.

Сначала он упомянул
Программу... Но остановился,
В глаза Роману он взглянул —
И неожиданно смутился.

Он о программе вмиг забыл,
Раз пользы нет от рудимента,
Сказал: «А ты чтоб изучил
Объём закупок инструмента!»

Война, что объявил Гудков

Цуркану – да и Рыбакову —
Не оживив программу вновь,
Иную ей дала основу.

Теперь за средств перерасход
На инструмент и на оснастку,
Который потерпел завод,
Гудков стремился для остратки

Повесить всю вину на тех,
Кому подвластны все финансы.
Теперь с Романа всякий грех
Автоматически снимался.

Гордей обрёл свой прежний вид,
Карал за промахи сурово,
Но даже если был сердит,
То гнев его... казался новым:

Он мог виновника ругать
Так, что порой трещали кости...
Но всё ж Роман смог угадать
Отсутствие в нём прежней злости.

Известна всем привычки власть:
Гордей по-прежнему глумился —

И в этом он не изменился —
Но то была уже не страсть.

Порой в игривом настроеньи
Подшучивал над всеми он
И позволял (на удивленье!)
Поддерживать шуточный тон,

Но если видел, что Борею
Не нравится подобный вздор,
И он намерен дать отпор,
Он тут же прекращал затею.

Роман всё это объяснял
Одним – отсутствием Евстрата.
Теперь он видел, как влиял
Онучин на «большого брата».

Когда развязана война,
Когда витает дух скандала,
Усилий требуется мало,
Чтоб муху превратить в слона.

Глава 31. Падение с вершины

За что они все меня ненавидят? – думал я. – За что?

Обидел ли я кого-нибудь? Нет. Неужели я принадлежу к числу тех людей, которых один вид уже порождает недоброежелательство?

М. Лермонтов. Герой нашего времени

1

Шестнадцатого октября
Арапов вызвал вдруг Романа
И, лишних слов не говоря,
Вручил, как будто бы спонтанно,

Ему письмо и приказал
К Гудкову сей же час подняться
И попросить, чтоб подписал.
Роман, не смея отказаться,

Пошёл к Гудкову. Коридор
Ему пустынным показался,
Нигде не слышен разговор...
Он всю дорогу удивлялся

И коридорной пустоте,
И поведению Гордея —
Ведь он нарушил этикет,
Послав вместо себя Борю.

Он постучался и вошёл...
И удивился перемене:
Гудков, всегда такой большой,
Стал будто бы заметным менее.

Он был задумчив и угрюм...
К плохому внутренне готовясь,
Роман отвлёк его от дум
И протянул письмо на подпись.

Гудков прочёл и подписал.
Роман собрался поскорее
Исчезнуть... Но Гудков сказал
Оторопевшему Борею:

«Вы собираетесь начать
По специальности трудиться?
И если да – хочу я знать:
Как мыслите распорядиться?»

Богатый опыт прежних лет
Давно подсказывал Роману:
Системы безотказней нет
Той, что разрушили недавно.

И он, решив, что час настал

Открыть всю истину народу,
Гудкову напрямик сказал —
Как прыгнул в ледяную воду:

«Кто закупает инструмент —
Следить обязан за расходом,
Я ж – инородный элемент,
Сужу об этом мимоходом,

Поскольку нет у меня прав
Влиять на цены и закупку!» —
Роман, Гудкову всё сказав,
Был рад безумному поступку.

«Ты говоришь, как Рыбаков, —
Гудков ответил недовольно. —
Он мне уже давно готов
Без принужденья, добровольно

Инструментальщиков отдать...
Но я, конечно, не согласен!»
Его пытаться убеждать
Роман не стал – вердикт был ясен:

Всё делалось наоборот
На этом проклятом заводе...

И вдруг неожиданный поворот —
Гудков сказал (серьёзно, вроде):

«Но, если хочешь, хоть сейчас
Возьму Шумахера в структуру...
Готов принять этот балласт?»
На откровенную халтуру

Похожи были те слова,
Произнесённые небрежно,
На разновидность хвастовства,
И отрезвляли неизбежно.

Поэтому Роман сказал
Уклончиво: «Подумать надо...» —
И понял он, что угадал,
В глазах Гудкова видя радость,

Который тут же закричал:
«Он, видите ли, думать будет!..
Сидел полгода, размышлял..
А результат довольно скуден!

Зато пока ты размышлял,
Большов мне премию уменьшил! —
Достав листок, он помахал

Перед Романом ошалевшим. —

Им это даром не пройдёт!

Я знаю, чьи это проделки...»

«Вот почему меня вперёд

Гордей отправил... жулик мелкий! —

С задержкой проявил Борей

Свою природную смекалку. —

А я-то думал – всех хитрей

Онучин, провокатор жалкий...

Мне наш пустынный коридор

Напоминает поле битвы,

На нём сидит, потупив взор,

Военачальник именитый.

Его покинули войска

При первом боестолкновеньи —

В них сплошь бойцы исподтишка,

И он сидит в недоуменьи...»

«Так вот! – настаивал Гудков, —

Я знать хочу твоё решение:

Заняться дальше ты готов

Тем, в чём твоё предназначенье?

А может быть, ты охладел
И хочешь что-нибудь другое?»
Роман опять оторопел:
«Так просто? И меня в покое

Оставят?.. Нет, не может быть!
Здесь это просто невозможно...» —
Не дав Гудкову с толку сбить,
Роман ответил осторожно:

«Ну, что Вы! Я всегда без слов
Работаю, всегда стараюсь...
Но Картуз выдворить готов,
Когда я в цехе появляюсь...» —

«Любой работник заменим,
И Картуз будет мной уволен!..
Начальник цеха – вместе с ним...
Любой, кто нами недоволен!..»

Роман решил не отвечать
На лозунги такого рода:
Слова те были не под стать
Руководителю завода.

Он перестал вникать в их суть
И ждал, когда они иссякнут,
Следя за тем, чтоб не зевнуть,
Решаясь иногда поддакнуть...

И, наконец, Гудков сказал:
«Покажешь все распоряженья,
Что я недавно издавал,
Где цех своё пренебреженье

Неисполненьем показал.
Достаточно неподчиненья,
Чтоб я примерно наказал
Тех, кто своё имеет мненье!»

2

Роман не сразу осознал,
Усевшись за столом «любимым»:
Ведь он Гудкову возражал —
И возвратился невредимым!

Он был Гудковым обвинён
В бездействии – подумать страшно!
Но не был он ничуть стеснён
В своих поступках – вот что важно!

Его с Гудковым разговор
Нуждался в долгом осмыслении:
«Я вынужден давать отпор
Уже троим, и их давленье

Не ослабеет ни на миг
В противоборстве нашем остром...
Выходит, я почти велик,
Раз принял вызов этих монстров!

И я нащупал верный ход:
Не терпит неповиновенья
Гудков и смело в бой идёт,
Горя душой от возмущенья,

И я даю ему врага —
Картуза и его команду...
Пружина мести уж туга,
И отпустить когда-то надо!»

Роман решил, что понесёт
Лишь утром все распоряженья
Гудкову: может, всё пройдёт
До завтра... всем на облегченье...

Гордей планировал провал

Боря, но Роман вернулся
Героем... Тот его назвал
Мыслителем – и не запнулся.

Роман в душе возликовал:
Великий титул им получен!
Ведь до сих пор (всяк это знал)
Мыслитель был один – Онучин.

3
В те дни курьёз произошёл -
Задержка с выплатой зарплаты.
Арапов в комнату вошёл
Со всех спросить за недостатки —

Роман мгновенно оценил
Гордея взгляд самодовольный
И, упредив его, спросил,
Изображая вид фривольный:

«А деньги нам когда дадут?»
Гордей Арапов вдруг смутился,
Как будто он попал под суд,
Вперёд прошёлся, воротился,

Немного погодя сказал:

«Всё выплатят в конце недели», —
И, развернувшись, он сбежал,
Забыв об очень срочном деле,

С которым в комнату входил.
Когда он вёл себя так важно,
Роман Гордея не щадил
И первым нападал отважно.

Он начал уважать себя...
Как это было непривычно!
Все будто смотрят на тебя...
Но отступаться неприлично.

4

С руками мокрыми вошёл
Арапов после туалета
(И с окрылённой душой,
Что облегчением согрета).

«Опять бездельничаете?» -
Спросил Арапов, весь сияя.
Глухим оставшись к клевете
(Над бизнес-планом для Гордея

Работал в этот час Борей),

Ответил просто: «Я при деле...» —
«А Вам известно, сколько фрез
Цех заточил за всю неделю?» —

«Вы знаете, как знаю я:
Мне стоит в цехе появиться —
Увидит Картуз там меня
И надо мной начнёт глумиться.

И первым делом спросит он:
А где инструкция, любезный?
И я, как прежде, убеждён:
Вопрос его не бесполезный».

Арапов строго вдруг спросил:
«А где инструкция, ответьте?» —
И, рук своих не досушив,
Гордей умчался, словно ветер.

В груди образовался ком,
И затряслись Романа руки —
Об издевательствах таком,
Душевные плодящем муки,

Он больше слышать не хотел.
Решив покончить с этим сразу,

Пока остыть он не успел,
Пошёл искоренять заразу.

Его уже не мучил страх,
Что вслед за разговором нервным
В его судьбе наступит крах —
Конец «блистательной карьеры»...

Вёл очень важный разговор
Арапов, телефон держащий.
Роман присел, потупив взор, —
Момент не очень подходящий.

И он стал молча ожидать,
Когда Гордей наговорится.
Арапов продолжал болтать
По телефону, как девица...

Вдруг появился сам Гудков,
И, подчинившись «знаку свыше»,
Роман поднялся и без слов
Из кабинета тихо вышел.

Он понял – время не пришло
Ему везде расставить точки:
«В других искореняя зло,

В себе убей его росточки!»

Роман нашёл, чем объяснить
Причину «праведного» гнева:
«Я попытался обвинить
Гордея в том, что он не делал.

Ведь слово – это лишь сосуд,
Пригодный к действиям различным,
И эту ёмкость все берут
И наполняют смыслом личным.

Гордей спросил лишь: сколько фрез
Цех заточил за всю неделю —
Я тут же на рожон полез...
И удержался еле-еле.

Он не просил за ним бежать,
Поднявши боевое знамя,
И я бы мог ему сказать
Беззлобно, попросту: «Не знаю».

И если б я не смог сдержать
Свой гнев и подал заявление
В ответ на склонность побрюзжать,
То вызвал бы тем удивление.

Уж коли начал признавать
Свои права на уваженье,
Спешить не стоит выдавать
Мне свой успех за поражение!»

Наутро осознал Борей
Вчерашних доводов полезность:
Гордей, вчера ещё злодей,
Сегодня был – сама любезность,

Как будто быть не может злым...
Такое происходит с каждым:
Сегодня кажется смешным
То, что вчера казалось важным.

Роман решил: «Себя любить
И уважать – совсем не значит
Начальникам начать грубить,
А сослуживцам – уж тем паче».

Глава 32. Джокер

*Очень рад; я люблю врагов, хотя не по-христиански.
Они меня забавляют, волнуют мне кровь. Быть всегда
настороже, ловить каждый взгляд, значение каждого*

слова, угадывать намерения, разрушать заговоры, притворяться обманутым, и вдруг одним толчком опрокинуть все огромное и многотрудное здание из хитростей и замыслов, – вот что я называю жизнью.
М. Лермонтов. Герой нашего времени

1

Толпа осенних будней блеклых
Пришла и стала в длинный ряд,
Случайность дней стыдливо-светлых
Не оживит усталый взгляд.

Уныло всё и безнадёжно,
Дождям и ветрам нет числа...
Тоска... И на душе тревожно,
Как будто жизнь уже прошла...

Октябрь дождливый на исходе,
Несутся дни во весь опор,
И вот уже о Новом годе
Заводят светский разговор...

2

Семнадцатого октября
Пришёл из отпуска Онучин.
Явившись на исходе дня,

Дорогой дальнею измучен,

Он по-хозяйски стал снимать
Нательное бельё с носками
И ими молча занимать
Пустые стулья меж столами.

Его компьютер занят был:
Роман с удвоенным стараньем
(Его Арапов торопил)
Боролся с непростым заданьем.

Он сел за стол Боровика
И лихорадочно, но молча,
Порой вздыхая лишь слегка,
Стал «рыться» в электронной почте.

Пришёл Гудков, счастливый весь,
Чтобы с Евстратом повидаться.
Арапов целый день был здесь,
Чтобы людьми распоряжаться:

Они готовили отчёт —
Комиссия их проверяла —
И все терпели его гнёт
При подготовке матерьяла.

Они собрались все втроем:
Гудков, Онучин и Арапов —
Вели беседу о своём,
Был задан тон её Евстратом.

Роман, сидевший к ним спиной,
Невольно чувствовал угрозу,
Он был подавлен силой той,
Ему сменить хотелось позу...

А утром прибывший земляк,
Как благодарность за старанье,
Цепляясь за любой пустяк,
Ему устроил испытанье.

В тот час отсутствовал Гордей,
Онучин, сидя в его кресле,
Потребовал, чтобы Борей
Сказал: пока он был в отъезде,

Как изменился бизнес-план,
Что он убрал или добавил.
Спокойно отвечал Роман:
«Всё делал строго в рамках правил:

Сам ничего не изменил —
Я не готов к идеям новым,
Все изменения вносил
Со слов Арапова с Гудковым».

Онучин суммы стал считать,
В расчётах что-то не сходилось,
Он раздражённо стал ворчать,
Что всё порядком изменилось.

Пришлось Роману повторять
Всё сказанное – слово в слово:
Он бизнес-план мог изменять
Со слов Гордея и Гудкова.

3

Застал врасплох всех Боровик:
Он отмечал свой день рождения,
Да так, как он всегда привык, —
С гостями, водкой, угощением.

Он пригласил соседей всех
По комнате и переводчиц,
И были речи, шутки, смех.
Жидков, расчувствовавшись очень

От поздравлений и речей,
Тост произнёс, и голос дрогнул:
«Нет, не обилие харчей
Всех привело за стол сегодня!

Здесь собрались все те, кто чтут
И уважают Вас, Геннадий.
Увы, не к каждому придут
В таком количестве на праздник...»

Жидков Романа удивил:
Об уважении особом
Всё, вроде, верно говорил —
Но тем, на ком срывал он злобу.

Роман Евстрату намекнул:
«Собрать бы деньги на подарок...» —
Онучин ловко увильнул,
Сказав в ответ, что повод жалок.

Борею же не повезло —
Его Арапов караулил
(Роман уверен был – назло!
А может, кто-то надоумил...):

«Роман Евгеньевич, пора,

Есть очень срочная работа!»
Пришлось Роману на-гора
Гордею выдавать расчёты.

Не дали толком закусить,
Он пропустил обед – заданье!
Романа начало тошнить
От водки и недоедания...

4

Его решимость возросла
Соизмеримо с униженьем,
Когда Арапов в цех послал
С невыполнимым порученьем -

Узнать количество всех фрез,
Что «Zero» в месяц выпускает, —
И смыслу здравому вразрез:
Арапов ведь всё это знает!

Он был уверен, что Каргуз
Ему во всём откажет снова —
К нему придёт козырный туз,
Его он выложит Гудкову.

Он быстро получил отказ

(Как предсказуемо бахвальство!)
И с новым чувством в этот раз
Пошёл «порадовать» начальство:

«Я, к сожалению, был прав:
Картуз ответить отказался...
Здесь неуместен гордый нрав,
В чём убедить его пытался...

Наверное, придётся мне
Писать служебную записку...»
И тут Гудков рассвирепел
(Хвала тому, кто склонен к риску!):

«Нет, так не будет! Я приму,
Не медля, экстренные меры!
Я уничтожу, как чуму,
Непослушания примеры!»

Роману лишь осталось ждать,
Чем кончится война титанов.
Ему не надо воевать
Ни за один из этих станов.

Все, кто желает воевать,
Нашли противников достойных —

Что требовалось доказать...
Война – предтеча дней спокойных.

Лавируя меж двух огней,
Роман всё больше убеждался:
Из-за нешуточных страстей
Здесь технадзор образовался.

Что будет дальше, он не знал,
Хоть это было интересно.
Чем кончится страстей накал —
Лишь Богу одному известно.

Пока Роман так размышлял,
Пришёл встревоженный Арапов:
«Вадим Иванович сказал:
Записку в цех писать не надо —

Там разберутся без неё...
Он говорит: так будет лучше...
Но ты не радуйся – своё
Ты как-нибудь потом получишь!» —

С угрозой в голосе Гордей
Добавил то, что не просили.
Причину понимал Борей:

Сказал он это от бессилья.

А утром сам Гудков пришёл
(Роман стал важной персоной!),
В курс новых дел Борея ввёл,
Сказал, как обойти препоны:

«Запомни, в цех когда пойдёшь:
Настали времена другие —
Там задавай любой вопрос
И сведенья бери любые!

Возникнут трудности – не жди,
Не делай жестов самовольных,
Скорей к начальнику иди,
Он приструнит всех недовольных!»

Роман уверенно кивал:
«Всё сделаю, как говорите!» —
Он искренне себя считал
Частицей в твёрдом монолите,

Что всё способен сокрушить,
И все должны повиноваться.
Чтоб производство воскресить,
Всё только так должно решаться!

В Романе сдвиг произошёл —
Он должностью своей гордился...
Но только лишь Гудков ушёл —
И сон чудесный испарился:

«Начальник цеха Королёв
И Картуз – живы и здоровы
И не страшатся грозных слов
В их адрес самого Гудкова.

Я снова получу отказ,
И, сохранить лицо желая,
Гудков меня от лишних глаз
Упрячет в офис... Я же знаю...»

5

Роман собрался в цех идти,
Но с целями уже другими —
Гудкову снова принести
Известие, что тот бессилён.

Гордей его остановил
И, хоть Онучин был на месте,
Над бизнес-планом поручил
Работать... Словно под арестом,

Роман трудился пару дней,
С Гудковым избегая встречи, —
Так торопил его Гордей.
На третий день, уже под вечер,

Гудков Романа сам нашёл:
«Роман Евгеньич, как успехи?
Как выполняете свой долг?
И сколько раз Вы были в цехе?» —

«Сегодня, каюсь, не ходил,
Работаю над бизнес-планом —
Гордей Петрович поручил.
Я в цехе буду утром рано».

И утром, как и обещал,
Роман был в цехе, верный слову.
Картуз, конечно же, послал
Романа... прямо к Королёву.

Начальника он не застал —
Тот в цехе редко появлялся
(Он был уже довольно стар),
И Картуз всем распоряжался.

Борей иллюзий не питал
С Картузом как-нибудь поладить —
Савчук Роману рассказал:
Чтобы рабочего спровадить,

Что по обмену приглашён
(Большов на это дал согласие),
Картуз, нимало не смущён,
Охрану вызвал в одночасье.

Гудков Борей торопил
(Болезнь начальников извечна):
«Роман Евгеньевич, ходил
Ты в цех сегодня?» — «Да, конечно!

Картуз мне снова отказал,
И я пошёл, как Вы сказали,
К начальнику, но не застал —
Его куда-то вызывали.

И я решил, что вновь пойду
К начальнику после обеда
И это дело доведу,
Как говорится, до победы!» —

Роман себя же превзошёл,

Придать уверенность стараясь.
Гудков послушал и ушёл,
Довольно странно улыбаясь.

Роман попытку предпринял
Застать на месте Королёва,
А вышло – просто погулял:
Его не оказалось снова.

Так продолжалось много раз:
Арапов убеждал Романа,
Что Картуз выполнит приказ,
Поэтому сдаваться рано;

Что можно смело получать
Любые данные у цеха
И их «пилить, сортировать»;
Что Картуз больше не помеха...

Но Картуз каждый раз твердил
Уверенно, как заклинанье:
«Мне этого не говорил
Никто! Я ничего не знаю!»

Роман выслушивал его
И шёл, как зомби, к Королёву,

Тот был незрим, как божество,
И не спешил к родному крову.

Но продолжал Роман ходить,
Жене сказав про бой с «тузами»:
«Пытаются руководить
Они с закрытыми глазами!» —

«Неужто надо продолжать
Бесцельным делом заниматься
И эту злобу ощущать?
Ты можешь от неё сломаться...» —

«Конечно, стоит! Ведь теперь
Моя позиция известна.
Пристав к Картузу, как репей,
Я докажу им, что не к месту

Такая должность создана,
Как инженер по технадзору.
Они себя, а не меня,
Пытаются предать позору.

И каждый раз, когда иду
От Картуза безрезультатно,
Доказываю правоту

Своих идей неоднократно!» —

«Но преимущество у них,
Твои враги едва ли дрогнут...» —
«Чужие зубы не помогут
Беззубому — только свои».

Глава 33. Новая тактика

*Свое мы поздно видим вырождение,
Где сею зло, чтоб злом ответил свет,
И где царит война, но победивших нет.
Д. Байрон. Паломничество Чайльд Гарольда*

1

Роман увидел в коридоре:
Евстрат, Арапов и Гудков
Участвовали в разговоре.
Причём, Гудков, помимо слов,

Так выразительно кривлялся,
Копируя, как видно, тех,
Кто неохотно подчинялся,
Возглавив непокорный цех.

Роман подумал безутешно:

«У тех, кто болен головой,
Руководителем, конечно,
Такой же должен быть больной».

Его уверенность росла
Ещё и по другой причине:
Он видел, как идут дела
У Васи – гладко, без усилий.

К нему ходили «на приём»
Технологи, начальник цеха,
Он мало разбирался в чём,
Но это не было помехой,

Чтоб говорить с ним о делах,
В которых он не разбирался.
Роман же, в спорах и боях,
Как в Зазеркалье оказался...

И вот настойчивость его
Дала ему благие вести,
И Королёва самого
Он, наконец, застал на месте.

Узнав суть дела, он тотчас
К себе Картуза вызвал спешно:

«Мы можем дать ему сейчас
Журнал, где данные?» – «Конечно!»

2

Борей, что нужно, получил
И думал – от него отстанут.
Когда он перечень вручил
Гордею, тот сказал Роману:

«Я это знаю без тебя!
Мне это всё неинтересно...
А сколько доблестных ребят
Там трудится, тебе известно?» —

«Гордей Петрович, вот дела!
За Королёвым я гонялся —
И это Ваша похвала?
Зачем я этим занимался?» —

«Ну-у, дело обстоит не так...
Всё это нужно, успокойся,
И цифры эти – не пустяк...
Но у меня есть беспокойство,

Что не загружены станки
И не работают в три смены,

Стандартам нашим вопреки.
Их методы несовершенны.

Не раскусить нам их нутро
Без расписания дежурства
Рабочих на станках «Zego».
Мы не потерпим самодурства!»

Роман продолжил свою роль
(Ей следуя, он делал часто:
«Что пожелаешь ты?.. Изволь!») —
Пошёл к начальнику участка.

Горелов, выслушав его,
Стал возмущённо препираться:
«Мне неизвестно ничего!
Я буду с этим разбираться!»

Роман доволен был, узнав,
Что ничего не изменилось —
Сдаваться не готов анклав¹⁰⁹ 109
Врагам бесчисленным на милость —

И с чистым сердцем доложил
Арапову о стычке новой.
Горелову тот позвонил:

«Распоряжение Гудкова

Ты должен строго исполнять!»
Тот начал громко возмущаться,
Арапов взялся объяснять,
Пытаясь вяло оправдаться:

«Да ладно... краски не сгущай...
Мы как-нибудь договоримся...
Ну, мне-то хоть пообещай,
Мы этим удовлетворимся...»

Гордей, закончив разговор,
Сказал Роману: «Ну, и чёрт с ним!
Мы сами, им наперекор,
С вопросом этим разберёмся.

Ты должен будешь посидеть
Там, на участке... Присмотреться...» —
«А Картуза куда нам деть?
Гудков же знает, что есть средство...» —

«Гудкова ты сейчас не трожь...
Он в этом мало понимает...
Ты сведения соберёшь:
Круги как долго заменяют,

И сколько на одну фрезу
Уходит времени... Есть мнение:
Они пускают зря слезу,
Надеются на пополнение

Станков...» – Арапов так бубнил,
Как будто это был Онучин.
Роман за жестами следил —
Гордей был странно неуклюжим:

Он, задыхаясь, говорил,
Как будто сильно волновался,
Общаясь из последних сил,
И голос часто прерывался;

Дрожали губы у него;
С руками он не знал, что делать...
Не предвещала ничего
Хорошего его смятенность.

«На это всё тебе даю
Неделю! И придёшь со списком...»
Роман всё понял: речь свою
Тот строил не своим умишком —

И он, вникая в этот бред,
Негодовал от возмущенья...
Но выхода иного нет —
Он молча принял к исполненью:

«Не раскисай, Роман, держись
И жди благоприятных знаков...»
«Ну, если ты специалист...» —
Добавил вслед ему Арапов.

3

И тут Романа прорвало
(Невмоготу терпеть уродство —
Арапов делал всё назло,
А не болел за производство):

«Гордей Петрович! Если Вы...
Раз обо мне такое мненье...
То Вы... конечно же, правы...
Готов писать я заявленье —

Не думая, в любой момент,
Когда Вы скажете мне это!» —
Такой весомый аргумент
Давал понять, что честь задета.

«Ну, речь об этом не идёт... —
Сказал Арапов, но при этом
Отвёл глаза. – Ведь целый год,
Согласно поданным анкетам,

Ты не трудился, есть пробел
В твоей практической работе...»
Роман мгновенно оробел —
Он помнил о бесплодном годе:

«Да, есть пробел...» – промямлил он,
И, ощутив его покорность,
Гордей был воодушевлён,
Вернул природную топорность.

Он снова начал говорить,
Свалив слова в большую кучу.
Не мог их смысла уловить
Роман – так сильно был измучен.

Гордей победно заявил:
«Ну что, понятно? Или снова
Ты ничего не уяснил?»
От обращения такого

Роман очнулся, и вина

За год пропавший испарилась,
Второе, как у бегуна,
Ему дыхание открылось,

И он Арапову сказал,
В своих словах не сомневаясь:
«Вот Вы устроили аврал,
Мне помогать не собираясь...

А ведь Вы знаете, что цех
Ни с кем сотрудничать не хочет.
Я не надеюсь на успех —
Мне не хватает полномочий...

И Вы могли бы мне помочь...
Ведь при нормальных отношениях
Совместно можно превозмочь
Любых врагов сопротивленья...» —

«Неужто хочешь ты сказать,
Что отношения не нормальны?» —
«Не стану я от Вас скрывать:
Они – особо экстремальны!

Вы хитро делаете вид,
Что технадзор – моя проблема,

И смотрите со стороны,
Что ж я такое буду делать...

Привыкли Вы с людьми играть,
И поступаете бесчестно,
Меня заставив в цехе брать,
Что Вам давно уже известно.

Той, что кокеткой рождена,
Простительно играть словами.
Вам по ошибке власть дана,
Работать невозможно с Вами.

Вы требуете от меня,
Чтоб я дежурил на участке —
И даже ночью, будто дня
Не хватит, чтобы стало ясно,

Что это пройденный этап,
И никому не интересно...» —
Роман увидел, что нахрап
Его подействовал чудесно:

Гордей держал какой-то акт,
Уста Арапова молчали,
На судорогу схожий такт

По полу ноги отбивали...

Роман немного подождал...

Не удостоившись ответа,
Как при больном, тихонько встал
И вышел вон из кабинета.

Когда он в комнату вошёл,
Навстречу выскочил Онучин.
Он по лицу его прочёл,
Что тот серьёзно озабочен.

4

Далась победа нелегко —
Роман беседой был подавлен,
Уверен был, что враг его
Лишь на мгновенье обезглавлен:

«Онучин, как всегда, найдёт
Гордею эликсир секретный,
Арапов снова оживёт,
Как сказочный Кащей Бессмертный...

Араповым я был взбешён...
Но что меня так возмутило?
Ведь я годами умудрён...

И это мне глаза застило.

Я посчитал, что не к лицу
Сидеть ночами на участке...

А это повод подлецу
Меня унижить... для острастки...

Уж если ты попал в скандал
И злишься больше всех на свете —
Ты не случайно пострадал,
Здесь явный умысел заметен.

Я сам Онучину сказал,
Что, как огня, боюсь я цеха,
И он Гордею мысль подал:
Гонять меня туда... для смеха...

Я сам создал стереотип
И сам попал в его тенёты¹¹⁰ 110,
И это значит – я погиб,
Коль быстро не найду ответы

На свой вопрос: что предпринять,
Чтоб в дураках не оказаться?..
Чужие правила принять
И перестать сопротивляться —

Как в айкидо!.. Стереотип
Оставить надо для Гордея,
И свой посильный вклад внести,
Хоть и дурна его затея:

Сказал, что с нетерпением ждёт
Расчёта мощностей участка
«Zego», и здесь простой расчёт —
Я должен этого бояться.

И в самом деле страшно мне:
Как взяться за такое дело?..
Но я откроюсь новизне
И соберу в кулак всю смелость!»

Роман решительно пошёл
За книгой в фонд библиотечный.
Когда он вышел в коридор,
Онучин шёл ему навстречу.

Увидев, что идёт Борей,
Он отдал честь с серьёзным видом.
Роман гадал: «Как там Гордей?..
Не стал случайно инвалидом?..»

Но что же значит этот жест?
Онучин раньше улыбался
И кланялся, слащавый весь...
Так просто честью не бросался...»

Роман припомнил, что Гордей,
Пока был в отпуске Онучин,
Себя вёл просто, без затей,
Его нападки – редкий случай,

Как дань привычке без вреда...
Но вот Онучин появился —
Вернулась вместе с ним беда.
Гордей мгновенно изменился

И снова злобен и жесток,
Забыты мелкие нападки,
Он стал похожим на каток
Что оставляет битум гладкий.

Глава 34. Выбор союзника

*У мерзавца действительно был талантик.
Ф. Достоевский. Бесы*

Роман Гудкова победил...
Но он недолго наслаждался —
Евстрат Гудкова «отстранил»
За то, что сам в борьбу ввязался.

Теперь Романа «вёл» Гордей
(Который был ведом Евстратом),
Он каждый раз твердил: «Смелей!» —
Как слышал: «С цехом нет контакта!»

Роман готов был закричать:
«Мне что ж – бросаться с кулаками?» —
И начинал осознавать:
Они об этом и мечтали!

Он постепенно прозревал:
Ведь он столкнулся с игроками,
И каждый искренне желал
Жар загребать его руками.

Обеспокоена была
Жена унынием Борея
И помогала, как могла, —
Подбросила ему идею:

Во избежание вреда

Писать Гордею докладную —
Так надо поступать, когда
Цех посетит Роман впустую.

Роман идею подхватил...
Но тут же (словно душ контрастный!)
Интуитивно ощутил,
Что этот путь весьма опасный:

«Я вдруг представил, как «они»
Начнут махать моей запиской
И утверждать, что очернил
Я цех своей моралью низкой...»

Я должен делать, как они:
Ни подписей, ни отпечатков,
Инструкции им не нужны,
Нет чётких правил и порядков.

Сегодня «да», а завтра «нет»,
И никогда не угадаешь,
Какой же правильный ответ,
И в чью игру сейчас играешь.

Здесь всё размыто, как туман,
Здесь правят домыслы и слухи,

Во всём присутствует обман,
К людским страданиям здесь глухи.

Гордея план невыполним —
Давно прошла моя наивность.
Мне надо соглашаться с ним —
И имитировать активность...» —

«Но невозможно превзойти
Того, кому ты подражаешь!» —
«Свободен выход из клетки
На случай, если проиграешь». —

«А ведь ты дал Гордею шанс
Решить проблему радикально:
Он мог использовать твой транс
И разрешить – официально,

Без принужденья и интриг,
Как форму волеизъявления —
Чтоб написал ты в тот же миг
Об увольнении заявленье...» —

«Да, он бездарно упустил
Свой шанс... Похоже, испугался...
Он не нашёл на это сил,

И я пока что здесь остался...

Я представляю, как Евстрат
Беззвучно на него ругнётся...
Но самой высшей из наград
Он от меня уж не дожждётся!»

2

Он был настроен воевать...
Но неожиданно Онучин
Опять Роману дал понять,
Что недостаточно изучен, —

Принёс Роману показать,
Как бы за что-то в благодарность,
Простых вещей предметов пять,
Что из Керчи привёз недавно:

Неброский альманах стихов;
Газету «Керченский рабочий»
(Она – основа всех основ
Керченской прессы, между прочим!);

Изюминку сего «добра» —
Из глины амфору-малютку...
Гордеем сломленный вчера,

Роман воспринял всё, как шутку, —

Довольно грубую, причём,
Учитывая отношенья, —
Решил, что лис Евстрат хвостом
Следы бывшего преступленья

Решил от глаз Романа скрыть,
И закипел от возмущенья:
«Ну нет, нас этим не купить!» —
Но наступило отрезвленье:

«Роман, помилуй, что с тобой?
Ты зол до головокруженья!
Ты напряжён, и жест любой
Читаешь ты, как униженье!»

Роман нуждался в ком-нибудь,
Кто бы помог облегчить душу,
И он ступил на новый путь —
Рассказы подлеца стал слушать.

Он амфору вертел в руках —
Немало вызвала восторга
Она, был очень рад Евстрат,
И подарил её без торга.

Он дал Роману почитать
И альманах, и три газеты...
Роман не знал, с чего начать:
Ему Арапов перед этим

Участка мощность рассчитать
Велел, и срок – всего неделя.
Пришлось Роману выбирать...
Он думал: «Что важней для дела —

Не для Гордея, для меня?
Мне для борьбы нужна опора...
Евстрат Гордею – как броня,
Я это знаю... Но коль скоро

Он явно знаки подаёт
И демонстрирует лояльность,
Мне не мешало б, в свой черёд,
Смирить свою принципиальность.

Я удивляюсь до сих пор,
Как уживаются в Евстрате
Готовность опустить топор
На шеи «москалей заклятых»

И искренняя нежность к тем,
Кого друзьями он считает...
Но кто же враг? И дружит с кем?
Их сам Онучин назначает.

Мне стоит брать с него пример...
А что? Учиться – так учиться!
Пусть я немного лицемер,
Но лишь затем, чтоб защититься.

В союзники возьму его —
Проверю метод радикальный.
Есть опереться на кого,
Хоть он союзник виртуальный».

3

Роман все силы приложил,
Чтоб мощность рассчитать участка...
Но будто кто-то ворожил,
И всё пошло не очень гладко.

Каргуз Роману разрешил
Нести дежурство на участке...
И моментально укатил
В командировку – по оснастке.

Роман, ссылаясь на него,
С такой же просьбой обратился
К Горелову, и ничего,
Как он и думал, не добился —

Тот отказался наотрез
Без Картуза пускать Романа,
Чтоб тот считал замены фрез,
Вскрывая признаки обмана.

Роман собрался доложить
Арапову, что мало шансов...
Пришёл Гудков, чтоб поручить
Гордею встретить итальянцев.

И продолжали прибывать
К ним ходоки от иноземцев,
Пришлось Арапову встречать
И делегацию от немцев.

Когда же их поток иссяк,
Роман к заданию вернулся...
Но неожиданный зигзаг —
И он с расчётом разминулся:

Гордей торжественно вручил

Брошюру «Всё о переломах»
И тут же срочно поручил
Скопировать в двух экземплярах.

Гордей Роману дал понять,
Что просьбы этой нет важнее:
То дочь его (и внучки мать)
Просила сделать побыстрее.

Потом Арапов поручил
Письмо составить к Королёву,
Прочёл его и заключил:
«Всё так, как надо – слово в слово!

Ты нас приятно удивил...
Откуда взял такую фразу?»
Онучин тихо подтвердил:
«Ты не ошибся здесь ни разу».

Да, это была похвала!
И от кого же? От Гордея!
Идея правильной была:
Союзник усмирил злодея!

Растерян был слегка Роман —
Не ожидал такого чуда...

И тут же понял: всё обман,
Вновь перед ним Гордей-зануда —

Письмо он вдоль и поперёк
Исчёркал, изменив основу.
Что ж делать – взяв под козырёк,
Роман пошёл печатать снова.

Гордей и новый вариант
Стал доводить до совершенства —
Перед Романом был педант,
Испытывающий блаженство.

Роман решил, что уж теперь
Арапов удовлетворится...
Но тот нашёл ещё глупей
Письмо и даже начал злиться.

Тот смысл, что вкладывал Роман
В письмо, давно уж испарился,
И вдохновенный графоман
Над собственным письмом глумился.

4

Роман измотан был борьбой,
И постепенно истощался

Его воинственный настрой.
Он из последних сил держался.

Гордей навязывал маразм,
Ему конца нет и начала...
Уже не выручал сарказм...
Романа это удручало...

Он декабря с надеждой ждал,
Чтобы уйти в законный отпуск,
Хотя возможность допускал:
За отпуск предстоит бороться.

Роман, чтоб вовремя унять
Соппротивление адепта¹¹¹111,
Стал земляку напоминать,
Что в Керчь поедет наконец-то.

Он заявление писал,
Свои готовя аргументы...
Арапов заявленье взял -
И подписал одномоментно!

Глава 35. Новые союзники

Ничтожному ничтожнейший подвластен,

И в этом равновесия оплот.
Д. Байрон. Дон Жуан

1

Нельзя остановить прогресс,
И снова семинар научный,
В простонародье – НТС,
Назначен был. Евстрат Онучин

Роману срочно поручил
Готовить документ к докладу
Гудкова. Не жалея сил,
Роман был рад в науку вкладу.

Поскольку он поднаторел,
Работая над бизнес-планом,
Всё получалось, как хотел
Онучин. Стоя над Романом,

Евстрат сначала наблюдал,
Как дело шло легко и гладко,
Потом встревоженно сказал:
«Чтоб мне не мучиться в догадках,

Давай я всё закончу сам...»
О, это высшая награда!

Роман, готовый к похвалам,
Так и воспринял жест Евстрата:

«Стал получаться документ,
Не мог он этого позволить
И понял, что настал момент,
Чтоб авторство себе присвоить».

Роман за то, что лепту внёс
(К тому ж Евстрат союзник, вроде),
Был приглашён на НТС —
Он проходил на их заводе.

И шла об НТС молва:
Не рядовым был заседаньем —
Гордей с Евстратом те слова
Произносили с придыханьем.

И правда было отчего
С подобострастием сдружиться:
Объединения всего
Должна верхушка появиться.

И, словно высший из даров
(А может, просто разнарядка),
Прислал Совет Директоров

Чиновника... Так, для порядка...

2

Сначала выступал Гудков.

Андрей сидел за ноутбуком

И демонстрировал slideshow¹¹²112,

Следя за речью чутким ухом.

Роман определённо знал:

Гудков не раз тренировался...

Но только лишь доклад начал —

И моментально растерялся.

Он говорил не то совсем,

Что было видно на экране,

Андрей, гонясь за сменой тем,

Явил чрезмерное старанье —

Гонял вперёд-назад slideshow,

Устроив людям испытанье.

Тут возмущаться стал Большов:

«Пора уж прекратить мельканье!»

«Гудков доклад свой затянул...» —

Повсюду стало слышно мнение.

Раздался недовольный гул,

В рядах возникло оживленье.

Раз толку от доклада нет,
Народ между собой общался.
Вот кто-то вышел в туалет,
А кто-то покурить собрался.

Был очень недоволен зал,
Создался климат нерабочий...
Большов Гудкова оборвал —
Дал пять минут, чтоб тот закончил.

Вторым докладывал Большов...
В умах и он не вызвал трепет —
Роман доклад его нашёл
Похожим на капризный лепет.

После докладов – перерыв.
Все дружно пили чай в буфете.
Гудков, волнение пережив,
Нашёл забвение в галете.

Вдруг громко произнёс Большов:
«Приходится работать с теми,
Кто есть!» – от этих слов Гудков
Как будто бы ужался в теле

И в дальний угол отошёл,
Чтоб в одиночестве остаться.
Арапов мудро предпочёл
К нему сейчас не приближаться.

Потом был главный инженер
От головного предприятия.
Он был уверен не в пример
Предшествовавшим двум собратьям.

За ним – докладчик из НИИ,
Его слова звучали веско...
Сомнений нет: спецы они,
Их слушать было интересно.

Гудкова научал Евстрат
И повышал его готовность —
В итоге показал доклад
Команды недееспособность.

Роману этот НТС
Добавил новых размышлений.
Большов, имевший раньше вес
В глазах Романа, стал пигмеем:

Показывал всем, что Гудков,
Как менеджер, не состоялся,
На это тратил много сил...
Но убирать не собирался.

Он повышал авторитет
На фоне неспособных замов.
Роман узнал менталитет:
Он делал то же, что Арапов.

3

Роман опять надолго сник,
Познав начальников бесплодность.
Казалось, он попал в тупик,
Во всём сквозила безысходность.

Ждать свежих мыслей и идей
Сидящему в навозной куче,
Пусть он умнейший из людей,
Особо безнадежный случай.

Но не один Роман имел
Такие умонастроения:
Гудков Онучина задел,
Скостив ему вознаграждение.

Евстрат сказал Боровику:
«Мне всё порядком надоело,
И не останусь я в долгу:
Расстаться с ним – простое дело!»

Роман доверчиво решил:
Онучин уходить собрался...
Но вскоре понял: поспешил -
Онучин властью упивался.

Не убегал он, как Роман,
От испытания простого,
В его словах – то не обман —
Была угроза для Гудкова.

Роман невольно ощутил
Вновь уважение к Евстрату:
«И в самом деле хватит сил
Ему для смены декораций.

Он создал сам свою среду,
В которой вес большой имеет,
Он постоянно на виду,
Он публикуется, владеет

Умами тех, кто связан с ним,

Везде своих людей внедряет —
Что данный кадр необходим,
Всегда начальство убеждает.

И у него есть свой язык,
Который знать необходимо.
Он на Арапова ярлык
Наклеил, чтобы шёл я мимо,

Что для него он лишь Гордей,
Дал мне понять при первой встрече:
«Арапов мой, ты с ним не смей
Сближаться – мною он помечен!»

Вот так гремучая змея
Предупреждает человека,
Гремя хвостом: «Не тронь меня,
Иначе будешь ты калека!»

4

Онучин строго соблюдал
Союзные их отношенья:
Теперь Василий выполнял
Его простые порученья.

Евстрат по-прежнему шутил

Почти на грани оскорбления,
Роман же всё ему простил —
Союзник был ему важнее.

«Поскольку начался процесс
Украинизации России,
Ты понимаешь, что прогресс
Никто остановить не в силах»

Гордей с Романом вежлив был...
Но недовольство прорывалось —
И тут же охлаждал он пыл...
Евстрата воля здесь читалась.

Арапов продолжал твердить —
И был упрямее упрямых —
Чтоб продолжал он в цех ходить
Для получения всех данных.

Смирившись, уж в который раз,
Роман пошёл... И вдруг Горелов
Радушно, словно напоказ,
Всё предоставил – без предела!

И сразу страх его прошёл.
Он цеха перестал бояться —

И заключил: «За произвол
С Гордеем надо рассчитаться!

Чтобы Гордея наказать,
Опять необходим союзник.
Я сам могу их назначать...
Так пусть же будет им... Картузик!

Арапов хочет доказать,
Что новый им станок не нужен...
А я же буду утверждать,
Что без станка цех безоружен!»

Чтоб в цехе чужаком не быть,
Роман взял на себя заботу:
Стал регулярно заходить
В цех по дороге на работу.

Он сам Горелова искал,
Он вёл с ним долгие беседы
И постепенно убеждал:
Не понимают буквоеды,

Что нужен им ещё станок...
Он не совсем в поступках волен,
Но в этом им помочь бы смог...

Горелов очень был доволен.

Роман был слабым до сих пор
И думал: «Такова уж доля!»
Теперь он вёл с Гордеем спор,
И у него окрепла воля:

«Он постоянно мне твердит:
Специалист ты никудышный!
Мне это здорово вредит,
Напоминая страх давнишний.

Чтоб эти страхи победить,
Я сделаю расчёт участка,
Всё постараюсь усложнить,
Чтоб не сумел он разобраться!»

И, наконец, Гордей спросил:
«Как у тебя дела с расчётом?» —
Роман невольно предвкусил
Испуг в умишке недалёком:

«Три типа фрез я посчитал...
Вы для надёжности проверьте,
Чтоб я и дальше продолжал».
Арапов взял расчёты эти,

Внимательно их прочитал,
Роману голосом строжайшим,
В себе уверенным, сказал:
«Всё правильно, считайте дальше!»

Роман по взгляду угадал,
Что ничего Гордей не понял,
И он в душе возликовал:
«Арапова я сильно донял!» —

Был очень воодушевлён
Победой, целеустремлён,
И с тем считать продолжил дальше...
Но обернулось всё иначе.

Глава 36. Временщик

*Ты нежно чуждые народы возлюбил,
И мудро свой возненавидел.
А. Пушкин*

1

В те дни готовился доклад
С обоснованием закупок
Станков на следующий год.

Его готовила вся группа.

С таким докладом каждый год
Перед владельцами завода
Бесменно выступал Гудков...
Но нынче изменилась мода.

Гудков вдруг сразу как-то сник,
На задний план был отодвинут,
Доклад готовил временщик —
Арапов (и Евстрат... незримо...).

Гордей, известный паникёр,
Животный страх смешал со спесью,
Его безудержный напор
Всех выводил из равновесья.

Он всех нещадно подгонял,
Не позволяя в тему вникнуть,
Сам ничего не понимал —
Зато был важностью проникнут.

Он подчинённых заставлял
После работы оставаться.
Роман в обед в столовой брал
На вечер расстегаи с мясом.

Арапов страсти нагнетал,
И лишь один Евстрат Онучин
За всем спокойно наблюдал,
Давал совет, что делать нужно.

В разгар всей этой суеты,
Когда все были у Гордея,
Вошёл Гудков... Как у черты
Запретной, постоял у двери...

Арапов продолжал читать,
Внимания не обращая.
Гудков хотел что-то сказать...
Но вышел, рта не раскрывая.

2

Пока готовился доклад,
Арапов очень изменился:
Взросшей власти был он рад
И без конца на всех бранился,

При этом слов не выбирал.
Он раньше тоже не стеснялся —
Бездельниками называл,
Теперь же как с цепи сорвался:

Жидкова чокнутым назвал;
Пригожина назвал придурком;
Того, кто заслужил похвал,
Гордей назвать мог... недоумком;

И, дав задание трудяге,
Легко мог палку перегнуть —
Присвистнуть, будто бы дворняге:
«Всё, быстро исправляй! Фьють, фьють!»

Болезнь такая не нова
И пострашнее геморроя —
Когда пустая голова
Владельцу не даёт покоя.

Напор начальника крепчал:
Проникшись важностью момента,
Гордей совсем не замечал
Переживаний оппонента

И каждый день терзал с утра
Безжалостно почти до ночи...
Той гонке не было конца,
И все уже устали очень.

Все эти тяготы терпел
Чистов, технолог главный цеха,
Он вместе с ГПП корпел
Над созиданием успеха.

Он был единственный в цеху,
С кем мог Роман в любое время
Решать вопросы, и греху
Презрения подвержен не был.

Роман частенько угощал
Чистова чаем с пирожками,
Пока их голод умолкал,
Они немного отдыхали.

И вот однажды, выпив чай,
Чистов похвастался Гордею,
Причём, спонтанно, невзначай,
Что он от голода Бореем

Спасён, и похвалил его...
В долгу Арапов не остался:
«Роман не сделал ничего,
А в отпуск в декабре собрался!»

Романа словно ток прошиб:

Так вот какая благодарность
За то, что допоздна сидит,
Чтобы прикрыть эту бездарность!

Он в руки взять себя не смог,
Устав от перенапряженья:
«Какой в моём терпеньи толк,
Коль нет ни капли уваженья?»

Казалось бы, такой пустяк —
До отпуска всего неделя...
Нет, мне не выдержать никак,
И я справляюсь еле-еле...

Да и чего ещё здесь ждать?..
Жаль, что работал меньше года...» —
И заявленье стал писать
Об увольнении с завода.

Он был так сильно возбуждён,
И руки сильно так дрожали,
Что им был промах совершён
Глупейший – и, причём, в начале.

Он начал заново писать —
И снова совершил ошибку...

На третий – начал понимать,
Что он поторопился шибко:

«Дела такие совершать
Я должен трезво и спокойно,
Когда способен понимать,
Что я веду себя достойно...

Но как Гордея болтовня
Меня свела до помраченья?..
Похоже, отпуск для меня
Имеет важное значенье».

Чистов Романа до метро
Довёз любезно на машине.
Услышав про оклад его,
Скривился в удивлённой mine,

Потом подумал и сказал:
«Мне это тоже надоело...
Чтобы никто не унижал,
Есть у меня другое дело —

Я заключил уже контракт
И уезжаю за границу!»
Роман терял живой контакт,

Не смог им вволю насладиться,

И он наутро грустен был

И в угнетённом состоянии.

Гордей же разжигал свой пыл —

Роману сделал замечанье:

«Наказанным ты можешь быть —

Большие траты по бумаге!»

Роман решился возразить,

Что не забыл об общем благе:

«Но это же черновики!» -

«И что с того, скажи на милость?»

Твои расходы велики —

Не экономишь на чернилах!»

Роману не хватило сил

Открыть всю правду надувале:

Он ручку эту сам купил —

Им ручки редко выдавали.

Гордей сказал Борею: он

Теперь курирует заявки...

Роман был очень удивлён,

Но более всего – Шумахер.

3

Борей печатал документ
По поручению Евстрата —
Сказал Роману референт,
Чтоб переслал он файл обратно.

Компьютер общий занят был —
На нём Савчук расположился,
Евстрат Романа торопил,
И даже голос изменился.

«Компьютер занят – видишь сам...» -
Сказал Роман миролюбиво,
Привыкший обучать азам
Начальников нетерпеливых.

И тут он вспомнил, что Евстрат
Копировать сам файлы может
(Он видел это, и не раз),
А он Онучину поможет.

Он на бумажке написал
Название и адрес срочно:
«А кстати, ты же можешь сам
К себе скопировать файл... Точно?»

Договорить он не успел,
Слова застряли комом в горле —
Онучин вдруг расшвырялся,
Чего не позволял дотолле:

«Я не советую учить
Меня тому, что сам я знаю!»
Чтобы Евстрата не бесить,
Роман вернулся, размышляя:

«Вот, наконец, своё лицо
Он обнажил, и стало видно:
Он представляет высший сорт,
А я в его сознании – быдло!»

Обижен очень был Роман
Евстрата выходкой жестокой...
«Но почему, – спросил он сам
Себя, – задет я этим докой¹¹³ 113?»

Его я другом не считал
Чуть ли не с самого начала...
Я ничего не потерял,
И до него мне дела мало...

Мне больно только от того,
Что вижу я высокомерье...
Но здесь я повидал всего,
И мне привычно лицемерье.

Но как теперь мне поступить?
Ведь я союзника теряю...
Зачем Онучин стал «дружить» —
Сейчас я только понимаю.

Как я, Онучин одинок,
Устал он против всех бороться
И ищет, на кого бы смог
Он хоть немного опереться.

Я наш союз не нарушал,
Разрыв на совести Евстрата,
И он, эмоций не сдержав,
Себя считает виноватым.

И я ему не отомщу —
Себе дороже обижаться.
Евстрата я не отпущу,
Союз наш будет продолжаться!»

Закончился рабочий день.

Он вышел на морозный воздух —
Мозги, что были набекрень,
Мгновенно получили отдых.

Он сделал несколько шагов —
И всё по-новому увидел:
«У нас основа всех основ —
Евстрат, и в выдержке он лидер.

Но он сегодня предпочёл
Сердиться, руша все устои.
И я Евстрата превзошёл...
А это дорогого стоит!»

Наутро подошёл Евстрат
И о Керчи завёл беседу.
Роман, конечно же, был рад,
И всё уладилось к обеду.

Когда союз опять возник,
Онучин задал тон беседы:
«А не найдётся ль пару книг
Для керченской библиотеки?» —

«Найду, конечно, не вопрос,
Есть много книжек интересных.

Вот кто бы их туда отвёз...» —
«Ну, есть старушка на примете...

А может, я поеду сам...
А может, ты туда поедешь,
И я с тобою передам...
Да мало ли путей на свете...» —

«Я собираюсь ехать в Керчь,
Давно я там не появлялся». —
«Вот именно... О том и речь —
Доедут книги, кто б ни взялся».

Онучин словно проверял
Намеренье Романа ехать,
Взамен гарантию давал
В том, что Арапов не помеха.

4

Арапов обошёл цеха
И всех собрал на совещанье.
Он по привычке злопыхал
И выдал каждому заданье.

Начав Романа обсуждать,
Гордей сказал ему со злобой:

«От Вас привык сюрпризов ждать,
И будет к Вам подход особый!

Расчёт участка, так и знай,
Неправильный в своей основе!» —
«Спасибо Вам на добром слове,
«Я прекращу...» – «Нет, продолжай!

Всегда помощники найдутся,
Раз опыта недостаёт,
Вам надо двигаться вперёд,
Лицом к проблеме повернуться!..»

Роман всё это проходил...
Он отмечал непроизвольно:
Арапов гадость говорил
Умышленно, чтоб сделать больно.

А чтоб Роман сильней страдал
И не посмел ему ответить,
На совещание собрал
Всех, кого можно, в кабинете.

И вновь мучительный вопрос
Роману растревожил душу:
«Зачем я вон из кожи лез?..

Ведь это никому не нужно...

Ах, да! Ведь я опять забыл,
Что лично для себя стараюсь:
Каким вначале робким был —
Каким я стал... Сам удивляюсь!

Ведь я теперь совсем другой,
И для меня Арапов мелок,
Чтобы разрушить мой покой...
Всё так, но что мне дальше делать?

Ведь всё имеет свой черёд,
Всё в жизни важно: время, место —
И в декабре всяк снега ждёт,
В апреле же он неуместен.

И я давно уж исчерпал
Свои лимиты на безделье...
Я от Арапова устал...
Он — как нарыв на чистом теле.

До отпуска — несколько дней,
И силы у меня найдутся
Их потерпеть... Потом, Гордей,
Дороги наши разойдутся!»

Наутро – снова на доклад
К Арапову... Тот изменился:
Роману вроде даже рад...
Вчера как будто не бесился...

«Да, эта парочка крепка:
Арапов – это лишь кувалда,
Онучин – тайная рука,
Что рушит всех, кого не жалко.

Онучин выпустит из рук —
Арапов снова благодушен,
Ведёт себя почти как друг,
Хотя недавно был бездушен.

Нет, я ошибся в том, что он
Страх испытал передо мною.
Страх – это чувство испокон
Для тех, кто вслед за новизною

Шагнуть готовы в пустоту.
Самодовольство – вот та сваха,
Что так сплотила их чету.
Самодовольство ниже страха».

Уже замечено давно:
Всегда Арапов поручает
То, что Борею мудрено.
Как только тему изучает

Роман, меняется Гордей:
Он к старому охладевает
И ищет пакостных идей.
Он будто бы в игру играет.

И если, наконец, Борей
Всерьёз займётся технадзором,
От самой глупой из затей
Гордей откажется с позором...

Но он не может жить без смут,
И будет новое заданье...
А на другой Сизифов¹¹⁴ 114 труд —
Ни сил, ни воли, ни желанья.

Глава 37. Обратный отсчёт

*Пред женщиной ужели ты робеешь?
Да, таково величье красоты,
Что поражает чувство и язык.*
У. Шекспир. Генрих VI

1

Очередной эксперимент,
Сотрудникам являя милость,
Устроил высший менеджмент,
И в комнате всё изменилось.

Теперь уже Савчук давал
Своим коллегам порученья:
Вот кто-то пропуск заказал,
Кто-то копирует решенья.

Опять никто не возражал,
Но каждый, получив задание,
Подспудно недоумевал:
Где перемен обоснованье?

Борей невольно ощутил,
Что здесь, в погоне за удачей,
Стараясь из последних сил,
Все те, кто так или иначе

Имеет близость «ко двору»,
Лелеет замысел тщеславный,
Играют в важную игру —
Кто первый скажет: «Чур, я главный!»

Роман же не переживал —
Ведь шла последняя неделя.
Он с интересом наблюдал,
Привычно маясь от безделья.

Он знал, что скоро всё пройдёт,
К безделью он не возвратится,
И он старался наперёд
Своим покоем насладиться,

Запомнить каждый этот миг...
Он знал, что это не забудет...
Он одолел страданий пик,
И прежним он уже не будет.

Он делал то, что он хотел,
И игнорировал заявки.
Гордей всё видел, но не смел
Вносить в его режим поправки —

Евстрат негласный договор
Послушно принял к исполнению,
И он Арапова с тех пор
Взял на «ручное управление».

Гордей стал тих и невидим,
И от Романа отделился...
Зато теперь Евстрат над ним
Без сожаления глумился.

Он непрерывно заставлял
Романа копии печатать,
Их смысл Романа удивлял,
Был совершенно непонятен.

Роман печатал договор
О связях Крыма с Петербургом,
Из керченских газет обзор —
И голова его шла кругом.

Но он достойно всё терпел,
Часы до отпуска считая.
Перешагнёт он за предел —
За ним наступит жизнь иная.

«Меня использует Евстрат,
А я – его, с таким же правом:
Он навязал протекторат¹¹⁵ 115
Гордею с его гордым нравом, —

Злорадствовал Роман, трудясь. —

Он думает, билет заказан...
В Керчь не поеду отродясь!
Онучин будет мной наказан».

2

К Онучину пришёл Гудков.
Ещё недавно был он грозен,
Сейчас же, будто нездоров,
Был молчалив и насторожен.

Арапов же, наоборот,
Развязным стал, раскрепостился,
К Гудкову больше не идёт
И сам подписывает письма.

Гудков вёл долгий разговор,
Закончив, к выходу поплёлся.
Едва он вышел в коридор,
Онучин словно встрепенулся:

«Вадим, постой!» – он закричал,
Догнав Гудкова, как о тайне,
Тишайшим голосом сказал
Об измененьях в бизнес-плане.

Роман был фарсом поражён,

Смотрел, как жалок повелитель.
Шумахер тоже был смущён:
Так кто ж из них руководитель?

3

И вновь был удивлён Борей,
Когда неожиданно оказалось,
Что на четыреста рублей
Его зарплата повышалась.

Гордей был очень возбуждён,
Увидев, что народ доволен,
Шутил, не прекращая, он,
И в шутках, как всегда, был волен.

Он каждому из них твердил,
Что тот – отъявленный бездельник,
И обязательно грозил,
Что он закроет богадельню.

«Побушевав», ушёл Гордей...
Но возвратился, закартавил,
К Роману стопы от дверей,
Неся в руках буклет, направил:

«Тут фирма небольшая есть...

Для фрез пластинки предлагает...

При этом я прошу учесть:

Их представитель утверждает,

Что натурально, без прикрас,

У них продукция дешевле.

Ты должен выяснить сейчас,

Как обстоит на самом деле».

Роман в тот миг не ощутил

Ни вдохновенья, ни азарта,

Он в эту фирму позвонил

И пропуск заказал на завтра.

Он встретил их на проходной —

Двух девушек из фирмы «РИО»¹¹⁶116,

Увидев их, стал сам не свой —

Не чаял здесь увидеть диво.

Одна красивая была —

Другая же была прекрасна!

«Не зря я бросил все дела,

И время трачу не напрасно!

Ценитель тонкой красоты

Всегда оценит совершенство,

И столь прекрасные черты
Лишь созерцать – уже блаженство.

Тот, кто оценит красоту,
И сам способен стать красивым!» —
И он повёл супер-звезду
Через пустырь к стенам родимым.

Красавицы из местных дев
Вмиг перед ними потускнели.
Те из мужчин, кто их успел
Увидеть, сразу столбенели.

Евстрат к Роману подошёл,
Хваля его вкус утончённый...
Как будто бы Роман привёл
Всем показать своих любовниц.

Роман решил не отступать
От принципов своих новейших,
И похвалы стал принимать,
Как будто он – сам князь светлейший.

Настал Романа звёздный час,
И он блистал в сиянии славы.
Он знал, что восклицанья «Браво!»

Услышит здесь в последний раз.

«В инструментальном нашем деле
Я не припомню топ-моделей...
Я получил ориентир,
Как изменился этот мир!» —

Стереотипам не подвластный,
Он красотой пренебрёг —
Единственный продолжить смог
Показ пластинок беспристрастный.

На презентацию пришли
Шумахер и технолог цеха,
Ни слова не произнесли,
Глазели на богиню тихо

И всё ловили её взгляд.
Под этим взглядом мир менялся,
Евстрат – и тот её стеснялся
За свой неряшливый наряд.

Красивой деве, может статься,
Гораздо проще в мире жить:
Ей умной нет нужды казаться,
Хоть умной все же может быть.

И всё-таки Природа против
Класть мудрость в нежные уста:
Хоть ум порой развития просит,
Да не пускает красота.

Красотки покорили всех.
Они уверенно держались
И обеспечили успех:
«Поклонники» не сомневались -

Пластинки их дешевле тех,
Что из Германии привозят.
Шумахер клялся: «Нет помех,
Руководители позволят

Пластинки ваши закупать!» —
Он был взволнован и растроган
И предложил их покатать
До проходной на новом «Logan»¹¹⁷117.

«Матвей Давидович, меня
Придётся взять тебе в нагрузку —
Сопровождать их должен я!» —
Сказал Роман в шутливом русле.

Он это мог не говорить:
Шумахер, соблюдавший строго
В подобных вольностях лимит,
Сейчас был рад катать любого.

Евстрат на выходе стоял —
Когда вся группа выходила,
Роману молча честь отдал...
Кого краса не молодила?..

«Во мне и правда что-то есть,
Чего я сам не замечаю,
Коль сам подлец мне отдал честь!
А я себя лишь удручаю...» —

Роман на окна посмотрел:
Из всех на них смотрели лица.
Евстрат Онучин всех успел
Предупредить и вниз спуститься.

Гудков – и тот на них смотрел,
И взгляд его был грустен очень.
Один Большов не лицезрел...
Но он в отлучке был... рабочей...

Роман, красавиц проводив,

Пошёл докладывать Гордею.
Тот был подавлен, нелюдим,
Как будто пережил потерю.

Лишь взгляд украдкой выдавал
Его Романом восхищенье.
Тот взгляд был выше всех похвал —
Почти по службе повыщенье.

4

И вот последний день настал
В несостоявшейся карьере.
Роман всех тортом угощал —
Почтительно, всех в равной мере.

И лишь Арапов зло сказал:
«Твой торт мне в горло не ползет!
Ты до сих пор не показал
Расчёт обещанный на фрезы!» —

И, приняв гордый вид, сбежал.
Желание догнать Гордея
Роман вначале испытал,
Чтоб оправдать себя скорее...

Но вспомнил, что союзник есть,

Которому исправно платит
Своим трудом за то, чтоб честь
Не замарать о психопата.

И он Онучину сказал:
«Не передашь ли торт Гордею?
А то он вдруг забастовал...»
Онучин торт схватил скорее

И, глядя на него, унёс...
А позже Боровик явился,
Сказал Борею: «Рома, босс
Так сильно на тебя ругался...

Ты передай кому-нибудь
Незавершённые задания».
Роман же проще выбрал путь —
Забыл про все напоминания:

«Бессмысленно передавать
То, что заведомо не нужно...
Довольно мне уже играть
В игру постылую натужно».

Он о Керчи поговорил
С Онучиным весьма приятно...

И вскоре миг тот наступил,
Что изменил всё безвозвратно:

Он начал сумку собирать —
Подарок для библиотеки.
Онучин взялся добавлять
Туда брошюры и буклеты.

Роман за этим наблюдал,
А тяжесть сумки возрастала.
Он с интересом ожидал,
Когда Евстрат проявит жалость.

А тот, меж делом, настоял,
Чтоб сшил Роман его брошюру:
Он своеволья не прощал,
Чем подтвердил свою натуру.

Роман верней узнать хотел,
Как ценит земляка Онучин,
А тот с ухмылкой пыхтел
И сумку набивал получше,

Туда пихая всякий хлам —
Что наиболее обидно.
Меж ними выросла стена,

И мстить теперь совсем не стыдно.

Роман оправдывал себя,
Все связи с земляком рубя,
Что это случай вопиющий —
Ведь злым не должен быть дающий.

Евстрат участливо спросил,
Увидев, что перестарался:
«Потребуется много сил...
Но если ты не собирался

Тащить такую тяжесть в Керчь,
Так ты скажи, и я убавлю...» —
И он закончил свою речь
Пытливым взглядом. «Нет, я справлюсь!» —

Роман коварно предвкушал,
Что сумку повезёт Онучин,
И будет – чтобы проклинал —
Он дополнительно навьючен:

Роман попросит отвезти
В Керчь два альбома фотографий
И купит – раз уж по пути —
Конфет два килограмма с гаком...

Рабочий день был завершён.
Роман с коллегами простился,
У двери оглянулся он —
Евстрат был грустен, но скривился,

Улыбку сиясь отразить...
В Романе шевельнулась жалость:
«Быть может, что-то изменить
Евстрат хотел?.. Нет, показалось...»

Глава 38. Мечь

*А, Чацкий! Любите вы всех в шуты рядить.
Угодно ль на себя примерить?
А. Грибоедов. Горе от ума*

1

Как низко солнце наше пало!
Едва поднялось из-за крыш —
А выглядит уже устало,
Скорей засобиралось вниз...

Так человек, устав бороться,
Стремится спрятаться в норе
Или упасть на дно колодца...

Совсем как солнце в декабре...

Желанный отпуск наступил.
Забыть стараясь о работе,
Роман по выставкам ходил,
Предался полностью свободе.

Стал в Филармонии бывать...
И вдруг подумал о Гордее —
И время повернуло вспять,
Он вновь в страданий апогее.

Прошла неделя... Снова он
Музыку слушал в том же зале —
И был приятно удивлён:
Воспоминанья не терзали

Его уже со всех сторон,
И нет обиды на Гордея.
Он был от страха исцелён,
И вновь своей судьбой владеет!

2

А в середине декабря
Роману позвонил Онучин.
Роман, как стих из букваря,

Ему свой давний план озвучил:

«Я перед отпуском мечтал,
Что на поездку денег хватит...
А отпускные подсчитал —
И прослезился в результате...» —

«Что ж, следовало ожидать
Такой исход при подготовке...
Придётся сумку мне забрать», —
Евстрат ответил философски

И сообщил Роману день
И час отбытия состава...
Весь потный, с шапкой набекрень,
Роман принёс суму устало.

В теченьи нескольких минут,
Что были в их распоряженьи,
Онучин проклинал «зануд,
Что выстужают помещенье,

Проветривая без конца»;
Сказал, держась за поясницу,
Что стало меньше на бойца —
Василий угодил в больницу;

Больной Савчук набрался сил
И сразу же, без проволочки,
С женой на Christmas укатил
В Германию к любимой дочке.

Все эти жалобы его
Почти растрогали Борея,
И земляка он своего
Решил оповестить скорее,

Что увольняется... Но тут
Он понял, как он им приручен...
Зря посещал он институт
С названием «Евстрат Онучин», —

Сам нарушает свой закон,
Заимствованный у Евстрата:
«Вход в мои мысли запрещён
Всем – от противника до брата!»

Вокзальный голос объявил,
Что скоро будет отправленье.
Роман заботу проявил —
Внёс сумку, символ избавленья.

В вагоне женщина была —
Онучина родная тётка,
А с ней три сумки барахла.
Она запричитала громко:

«Какая тяжесть, ай-ай-ай!
А кто её нести-то будет?» —
«Я, — был ответ. — И не стенай!» —
Он был убит... по виду судя...

3

Назад была закрыта дверь:
Евстрат наказан им примерно,
И заявление теперь
Роман напишет непременно.

И он продолжил отдыхать...
Но мысль покоя не давала,
Что так легко людей предать
Он мог — лиха беда начало...

Роман невольно представлял,
Как заявление он предъявит
Арапову, переживал,
Что душу он ему растравит...

Таким уж был Роман Борей —
Не мог о людях думать плохо.
Был слишком далеко Гордей,
Чтобы избавить от порока.

Он истязал себя виной
За слишком жёсткое решение
И выход выбирал иной,
Чтобы исправить положение.

Он мог оформить перевод
В Коммерческое управление,
Так поступали до него,
То было б верное решение...

Но он недолго этим жил —
Сомнение внесла Наташа:
«Ты про Онучина забыл...» —
«Да, им отравлена вся чаша.

Он, как Амелькина, меня
Давно представил в худшем свете,
А люди высшего звена
И знать не знают о навете.

И, создавая образ мой,

Евстрат без устали трудился —
Как над подарочной сумой...» —
«Похоже, он собой гордился...» —

«Онучин только делал вид,
Что от Гордея защищает,
Он, как всегда, во всём хитрит
И лишь свои дела решает.

Моя судьба предрешена
На этом проклятом заводе,
И уговаривать меня
Остаться здесь – уже не в моде.

Ведь и Арапов, и Гудков
Не знают, что со мною делать». —
«И то, что ты уйти готов,
Им дарит радость без предела.

Меня, признаться, удивил
Евстрат, дав знать, что вы в союзе...» —
«Я лишь сейчас сообразил,
Как ошибался в этом плюсе.

Онучин сам меня учил,
Что стресс – причина «выгоранья»...

Его-то я и получил...» —
«Благодаря его стараньям!» —

«Моих эмоций резкий всплеск
Достаточен для пониманья,
Что надо мной довлеет стресс,
И стал я жертвой «выгоранья».

Он, как психолог, точно знал,
Что я созрел для увольненья,
Когда Арапову сказал
Свои слова про заявленье,

И напоследок он решил
Затратить минимум усилий,
Чтоб память я о нём хранил
В душе почти как о мессии.

Арапову он слово дал,
Что мой исход не за горами,
Тот терпеливо ожидал,
Лишь изредка глумясь над нами.

Так набирал очки Евстрат
И у меня, и у Гордея». —
«Я лишь одно могу сказать:

Весьма циничная затея.

Он слишком много захотел,
Решив примерить роль мессии...
Я понимаю: мы в России...
Но ведь всему же есть предел!» —

«Незыблема Евстрата власть,
И вместе нам здесь не ужиться...
Я должен этот факт признать
И молчаливо удалиться...»

Он облегченье испытал,
И мысли потекли свободно.
Роман спокойно ожидал
То, что его судьбе угодно.

Глава 39. Возвращение

*Никогда и ничего не просите. Никогда и ничего,
и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами
предложат и сами всё дадут!*

М. Булгаков. Мастер и Маргарита

1

Вновь наступает Новый год,

Вокруг всё, вроде бы, как прежде...
Но нет, настрой уже не тот,
Что год назад, в нём нет надежды:

«Опять больная голова...
Веселье пьяное, притворство...
Пустые (в основном) слова...
И бесконечное обжорство...

Пусть до краёв бокал налит,
На гранях пусть сверкают блики...
Вино уже не веселит —
Нужны мне крепкие напитки.

И шутке прежней я не рад,
Её уже считаю пошлой.
В ней глупо всё и невпопад,
Как и в поступках жизни прошлой...»

Представить силился Роман,
Как он напишет заявление,
Воспримет как Гордей-тиран
Его нелёгкое решенье...

Но невозможно мир познать,
Себя тюрьмою ограничив...

Ему осталось только ждать
До окончания каникул.

Роман с тревогой ожидал,
Как с ним судьба распорядится,
И безучастно наблюдал,
Как люд в округе веселится.

Противно русскому нутру
Скромнее жить, как все народы, —
Клевали птицы поутру
С икрой красной бутерброды.

2

К работе, что решил бросать,
Вела привычная дорога,
Чтоб заявленье написать,
Осталось уж совсем немного...

Холодный ветер дул в лицо...
Роман остыл, нашёл решенье:
«Чтоб не казаться беглецом,
Спешить не надо с заявленьем.

Назначен срок в моей судьбе,
Когда начнутся перемены...

Явиться должен знак с небес,
Тогда решусь я непременно.

Нельзя без цели уходить,
Уйти возможно лишь куда-то,
И прежде должен я решить,
Какой избрать мне род занятий».

Но неудобно отступать,
Меняя трудное решенье, —
Подумал: «Надо написать
И бросить в стол то заявленье...

А стоит ли судьбу гневить?
Ведь знаки, что рука чертила,
Начнут своею жизнью жить
И обретают свою силу...»

Пока Роман вопрос решал,
Вошёл Арапов с кислой миной —
И сам собой вопрос отпал:
«Вот он – источник воли сильной!

Ему всё плохо, всё не так,
Над нами он всегда глумился,
Как к рыбе пойманной рыбак,

Похоже, к нам он относился.

И, руки уперев в бока,
Он всех чванливо поучает...
Ничто нас так не возвышает,
Как взгляд на низших свысока.

И способ есть распространённый
Народ возвысить угнетённый:
Приобретя огромный джип,
Себя считать персоной VIP.

В машину сесть среди убогих,
Прохожих брызгами обдать —
Черты подобные у многих
Нам доводилось наблюдать,

Когда душа надёжно скрыта
За толстым корпусом стальным,
Мотором, воющим сердито,
И едким газом выхлопным.

Но чем внушительней машина,
Тем мизернее человек...
Они, к несчастью, в большинстве —
Кто ноги заменил на шины.

Им невозможно допустить,
Что до родительской могилы
Пешком положено ходить —
Нет, на машины взгромоздились!»

3

День без эксцессов истекал...
И вдруг за час до завершенья
Арапов всем задание дал:
Заполнить бланки соглашенья.

Он дважды им напоминал,
Что это нужно очень срочно...
Роман прекрасно понимал:
Он это делает нарочно.

Борей не видел ничего,
Что делало задание важным,
Жидкова бросив, в пять часов
Роман ушёл домой отважно.

Ему важнее было знать,
Что он Гордея не боится,
И что его не испугать —
Там, где продолжит он трудиться.

4

Он мужественно ожидал,
Когда появится Онучин,
Которому он преподавал
Урок за все грехи до кучи.

К финалу плавно дело шло,
Роман уже засобирался...
Но что-то вдруг произошло...
Как будто ветер поменялся.

Вот день приезда наступил —
А враг его не появился.
Арапов сумрачный ходил
И над народом не глумился.

Потом им вызван был Роман,
Которому, пока с сомнением,
Озвучен был ближайший план
В связи с внезапным изменением:

«Пришёл сигнал издалека:
Не может из Керчи приехать
Евстрат Сергеевич пока...
А нам нельзя в работе мешкать...

Нам срочно нужен бизнес-план,
А ты уже имеешь опыт...» —
Не лез за словом он в карман,
Готов на всё, чтоб быть в почёте.

Был очень удивлён Роман...
Но сразу сел за стол Евстрата:
«Здесь нет намёка на обман...
Быть может, стоит постараться?..

Наш мир безжалостен – нельзя
Быть бесконечно недотрогой...
Так пусть мне скажут небеса,
Что я пошёл не той дорогой!»

Он окунулся с головой
В процесс, что создан был Евстратом,
Хоть с ним работал не впервой,
Вначале было трудновато.

Но он втянулся, изучил,
Стал мыслить более масштабно,
А чтоб уменьшить трату сил,
Решал задачи поэтапно.

Вдруг сообщил ему Гордей:
Больна и требует заботы
Евстрата мать, печась о ней,
Он вынужден уйти с работы.

Арапов сильно загрустил...
Но у Романа получалось —
Ему он должность предложил...
А что Гордею оставалось?

Роман вначале оробел:
«Уж слишком уровень высокий...
А в стаже у меня пробел...
И кругозор не столь широкий,

Как у Евстрата... Как же быть? -
Но он встряхнулся от печали:
– О страхе надо позабыть,
Коль мне доверье оказали.

Не всё я знаю, как они,
Что знаю я – они не знают,
Ну, а в итоге – мы равны!
Горшки не боги обжигают.

За дело браться надо с тем,

Чтоб начатое преумножить,
Решая скопище проблем,
А вовсе не затем, чтоб бросить».

Он согласился, хоть жена
Была, напротив, вся в сомненьях:
«А разве преодолена
Потребность шефа в униженьях?»

Роман и сам уже гадал,
Как сложатся их отношенья,
Но прежний опыт подсказал,
Что кончились его лишенья:

«Да, год прошедший – сплошь беда,
Немало я понёс урона...
Но беззаконие всегда
Ведёт к принятию закона.

Покинул нас Евстрат-стратиг,
И пусть ему там... счастье будет...
Ну, а без подлостей, интриг —
Совсем другой завод и люди.

Вернутся «на круги своя»
Те, кто умеет лишь трудиться,

А не кусаться, как змея,
И подлостью своей гордиться.

Арапов может быть другим
Без подстрекателя Евстрата:
Довольно жёстким, но не злым...
Да, к прежней жизни нет возврата!»

Роман припомнил, как решил
Не действовать «с пол-оборота»:
«Я заявленье отложил —
И вот мне новая работа!»

5

Роман остался за столом,
Где восседал Онучин прежде.,
Чтоб рядом быть с Боровиком
И чтоб предстать в иной «одежде»

Перед Араповым – он знал:
В нём осознания маловато,
Хотел, чтоб тот воспринимал
Его почти что как Евстрата.

Едва Роман освободил
Бездельем проклятое место —

Туда Арапов посадил
Сотрудницу-экономиста.

На удивленье остальным
Она компьютер получила,
Такая щедрость к «молодым»
Сотрудников слегка смутила.

Савчук отважился спросить
Арапова: «Надеюсь, можно
И мне компьютер получить?» —
«Нельзя!» – Гордей ответил грозно.

Тем временем Жидков забрал
Ту тумбочку – источник спора
С Бореем... Назревал скандал,
И женщина спросила скоро:

«Мне можно тумбочку забрать?» —
«Нельзя! – сказал Жидков ей строго. —
Порядок надо соблюдать:
То атрибут стола другого».

6

Немало пройдено дорог,
Где было тупиков немало,

Борей в себя поверить смог
И начал жизнь свою сначала.

Так стал Борей дела вершить.
Чтоб получить на всё ответы,
Пришлось Роману изучить
Статьи Евстрата в Интернете.

То не составило труда —
Учиться для него не внове,
Стал знатоком он хоть куда,
И все нуждались в его слове.

Он не пытался повторить
Евстрата стиль – власть над умами:
Неумно слишком умным слыть,
Других считая дураками.

В отделе стали отмечать
Все праздники без исключения,
Себя все стали ощущать
Свободными от заточенья.

Арапов с ними выпивал,
Он был в компании раскован,
Порою даже приглашал

К ним выпить самого Гудкова.

На этом настоял Роман,
Ведь ситуация просила,
Чтобы униженный гигант
Уверенность обрёл и силу.

Помог Роману и контакт,
Налаженный с механоцехом.
Он проявил завидный такт,
И дело кончилось успехом.

Сошли на нет страстей накал,
Обман, оружием бряцанье,
Никто вражду не разжигал —
Войну сменило пониманье.

Исчез в общении надрыв —
Вдруг стал он непосильной ношей,
Как будто прорвало нарыв —
И рану затянуло кожей.

И, просыпаясь утром рано,
При тусклом свете фонарей
Зимой и летом неустанно
На службу шёл Роман Борей.

Домой он приходил затем,
Чтобы поужинать, помыться,
Обдумать пару важных тем
И в сон желанный погрузиться.

Казалось бы, вся жизнь – работа...
Но есть же пятница, суббота!
Налажен чёткий механизм —
Как всё-таки прекрасна жизнь!

Роман с женой зажил в достатке,
Себе дал клятву: «Меру знай!
А чтобы быть всегда в порядке,
Себя из виду не теряй!

Среди людей жить невозможно...
Но без людей прожить нельзя,
И прятаться от них – безбожно,
Себя при том превознося».

Он изменился: принял веру,
Сменил дурацкую манеру
Других людей перебивать,
Своё пытаюсь рассказать.

Хоть иногда всплывает страх,
Он важной роли не играет,
Роману он напоминает
О тех нелёгких временах.

7

Он растворился в жизни новой...
Так жил он много лет назад...
Он мог бы многое сказать
Евстрату, появись он снова:

«Я Крым, как родину, люблю,
А Невский – просто обожаю!
И из деревни на краю
Сюда, как в сказку, приезжаю,

Когда, смахнув остатки лени,
Сквозь грохот, перепад давлений,
В метро во весь опор качу —
На встречу с Невским я спешу!

Люблю стоять я vis-a-vis¹¹⁸ 118,
Где купол Спаса-на-крови,
Сверкает каменным узором
Перед моим открытым взором.

Вот Грибоедова канал —
Здесь туристический аврал.
А вот бесценная услуга —
Два храма друг напротив друга:

Глубокой мудрости полны
Храм знаний с храмом христианским —
Дом Книги и собор Казанский.
Мне оба дороги они.

Не забываю я, конечно
(признаюсь искренне, сердечно),
Собор Казанский посетить
И грешный лоб перекрестить.

Театр – прекрасные мгновенья!
С галёрки иногда спустясь,
Смотрю в партере представленья,
В старинных креслах размещась.

Сидели в них князья и графы,
Там не могло быть мужичья,
Но сильно изменились нравы —
Теперь сижу в тех креслах я.

Прими поклон, великий город,

За то, что создал Ты меня!
Ты утолил духовный голод,
Оберегал день ото дня.

Я не любил Тебя, не скрою,
И был готов Тебя предать —
Ты был жесток со мной порою...
Но гнев Твой – Божья благодать!

Ты не терял ни на мгновенье
Высокомерия столиц,
И я, смилив своё презренье,
Перед Тобою падал ниц.

Я убежать хотел от муки —
Твой холод тело леденил,
Но всюду изнывал от скуки
Без Невских каменных перил.

Я жаждал моря, солнца, зноя,
Мечтал, что с ними веселей...
Вот море есть, но нет покоя —
Я понял: холод мне милей!

Мои страданья не излечит
Родимый край – мой тёплый рай.

Покинул я его навечно,
И раем стал холодный край.

Ты спас отравленную душу,
От скверны излечил её,
К Тебе я верность не нарушу,
И все моё – навек Твоё!

И город северный, суровый
Являет мне свой облик новый:
Согрел меня своим теплом,
И я обрёл здесь отчий дом.

Как перманентная невеста,
Чья дата свадьбы неизвестна,
Обречена менять наряды
И привлекать мужские взгляды,

Мой город вечно обречён
На восхищенье всего мира,
На роль духовного кумира...
Я с ним навеки обручён.

Эпилог

Акакия Акакиевича свезли и похоронили.

*И Петербург остался без Акакия Акакиевича,
как будто бы в нем его и никогда не было.*

Н. Гоголь. Шинель

1

С тех пор минуло десять лет.
Роман, пытливым ведомый,
Вошёл с запросом в Интернет,
И видит он портрет знакомый.

На фото множество людей...
Октябрь, чудесная погода...
Онучин здесь в кругу друзей,
Как пастор он среди прихода.

Евстрат для них незаменим,
Умом своим всех осеняя...
И женщина под руку с ним
Стоит, улыбкою сияя...

Текст на странице Web гласил,
Что это делегатов фото,
Их всех Онучин пригласил
По праву жителя курорта

На конференцию в свой край,

Омытый изумрудным морем,
Согретый ярким солнцем рай —
Предаться философским спорам.

Роман решил скорей узнать,
Как жил Онучин над Боспором,
Когда болела его мать,
И посетил на сайте форум.

С тех пор, как в Керчь вернулся он
И потерял оклад добротный,
Трудом не был обременён,
Гордился тем, что безработный,

И не стеснялся повторять:
«Рождённый ползать в куче денег
Не может в облаках витать,
А я у мыслей вечный пленник».

Он был и там самим собой —
Его везде спасали связи —
И устранял он перебой
И в отоплении, и в газе.

Он звался украиновед
(Звучало это как агитка¹¹⁹119,

Сулящая страны расцвет);
Любимый композитор – Шнитке;

Из слов, что сотни лет живут,
Тацит¹²⁰ 120 был для него кумиром:
«Они пустыню создают
И называют это миром»;

Из книг любимые – «Mein Kampf»¹²¹ 121
И «Украина – не Россия»¹²² 122;
Из шоу – только «Шустер Live»...
На остальное – амнезия¹²³ 123.

Сам в Интернете создавал
Он виртуальные проекты,
Туда «своих» лишь принимал...
Что трудно отличить от секты.

Названий несколько у них,
И все звучали очень веско:
«Лаборатория НИИК¹²⁴ 124
Всемирной Кафедры ЮНЕСКО¹²⁵ 125»,

«Цивилизационный ВУЗ
Самосознания «Украина»,

«Межгосударственный союз
Формирования гражданина»,

«Открытый университет
Вопросов этики науки»...
Евстрат нёс людям знаний свет
С идеями своими вкупе.

На месте он не мог сидеть,
Хоть Крым и Керчь его обитель,
Чтоб ситуацией владеть,
Он постоянно ездил в Питер.

Там профессура у него,
Что имидж яркий создавала,
Редакций мелких большинство
Его работы издавало.

В который раз пришлось признать
Роману силу высшей сути:
«Нельзя от Питера сбежать —
Ведь он так просто не отпустит!

Любой, кто им пренебрежёт,
Оставит здесь души частицу,
И Бог его не сбережёт,

И станет он бескрылой птицей!»»

Роман продолжил изучать
Евстрата дальние походы,
И он пока не мог понять,
На что тот жил все эти годы.

Вдруг замелькали имена
Иные и иные мненья,
И с глаз упала пелена,
Роман оставил все сомненья —

Следы Онучина ведут
(Их направляет недовольство)
В Международный институт...
И в иностранное посольство:

«Ведь только там, за рубежом,
Способны оценить «таланты»,
И нам в отечестве чужом
Дадут пособия и гранты.

Зачем искать нам путь другой?
Визит в посольство – вроде нормы...
Всегда торопится изгой
Принять уродливые формы...»

2

И вдруг – слова, как крик души,
Стеснённой судорожным комом,
Как молния в ночной тиши,
Пробитой прогремевшим громом:

«Евстрат, наш драгоценный друг...
Скончался в поезде внезапно
Он на пути в Санкт-Петербург...
Произошедшее ужасно!» —

«Друг, как же так?.. Едва нашёл
С таким трудом тебя «В Контакте»,
Чтоб встретиться... А ты ушёл...
И нас оставил... Безвозвратно...» —

«Неужто так легко уйти?..
Как будто ветер гасит спичку...» —
«Ему замены не найти —
Не наш удел менять привычку...» —

«От угасающей свечи
Зажечь немеркнувшее пламя
Мы все должны!..» – «Молчи, молчи...
Пойми же: он уже не с нами...»

Роман сражён не меньше был
Тем, что с врагом заклятым сталоь,
О неприязни он забыл,
В душе осталась только жалость.

Он сожалел о злых словах,
Что говорил об Украине
И об её почившем сыне,
О злобе, что живёт в умах:

«Не существует человек
Без странностей и недостатков,
Как нет природы без чудес
И атмосферы без осадков...

Он был во власть свободно вхож,
И власть имел он над умами...
А умер как бездомный, бомж
В пути между двумя мирами.

Он оба мира те любил,
Но выбор главный свой не сделал —
То место не определил,
Где бы душа сроднилась с телом.

Он тонкий аромат презренья
Неуловимо источал
Ко всем, кто искру вдохновенья
Хотя бы раз не излучал.

Владея мощным арсеналом
Огромных знаний и ума,
Запятнан плутнями весьма
И нелюбовью к маргиналам...

А сам, по сути, маргинал —
Из хлама создавал науку
И термины употреблял,
Что в людях вызывают скуку...

Науку-квази создавал...
Пустое не имеет плоти...
Никто, когда он умирал,
Не проявил о нём заботы...

Реальных дел не создают
К наукам общие подходы:
Хоть дифирамбы все поют —
Те зёрна не подарят всходы.

Казалось всем, что он Атлант...

А он певец, что пропил голос,
Себе оставив лишь талант...
Слабы колени – рухнул колосс¹²⁶126...

Кому был дан талант огромный —
Во избежание вреда
Тому пусть образ жизни скромный
Будет сопутствовать всегда.

А если б вещей сон сказал,
Что с ним подобное случится,
Неужто он бы продолжал
Всё так же над людьми глумиться

И демонстрировать цинизм,
Как будто он, Онучин, вечен?
Когда конечна наша жизнь,
То путь любой всегда конечен.

Надеюсь я, он увидал
Меня в своём потухшем взоре,
Всё в миг последний осознал —
И прошептал: «Memento mori»¹²⁷127...